

Экономические
и гуманитарные
исследования
регионов

3/ 2017

Economical
and
humanitarical
researches
of the regions

3/ 2017

*Регистрационный номер ПИ ФСС77- 39740
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
номер в каталоге Почта России 37137
ISSN 2079-1968*

Научно-теоретический журнал

№ 3 2017 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Несмеянов Е.Е. – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный работник Министерства образования Российской Федерации, заведующий кафедрой философии и мировых религий (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лукацкий М.А. – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник общего образования Российской Федерации, Научный руководитель лаборатории теоретической педагогики ИТИП РАО, заведующий кафедрой психологии и педагогики (Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный медико-стоматологический университет имени А.И. Евдокимова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Москва);

Осадчая Г.И. – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе (Институт социально-политических исследований Российской академии наук, г. Москва);

Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных и гуманитарных наук (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Москва);

Арсалиев Ш.М.-Х. – доктор педагогических наук, профессор, декан исторического факультета (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет», г. Грозный);

Розин М.Д. – доктор философских наук, профессор, директор Северо-Кавказского научного центра высшей школы (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону);

Попов М.Ю. – доктор социологических наук, профессор, главный редактор журнала «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»;

Маринов М. Б. – доктор философских наук, специалист (Уханьский университет, Китайская народная республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Говердовская Е.В. – заместитель главного редактора, доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию (Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал федерального

государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации», г. Пятигорск);

Акаев В.Х. – доктор философских наук, профессор, отдел гуманитарных исследований (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, г. Грозный);

Верещагина А.В. – доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону);

Везиров Т. Г. - доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала);

Гончаров В.Н. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Гуманитарного института (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Северо-Кавказский федеральный университет", г. Ставрополь);

Горелов А.А. – доктор педагогических наук, профессор кафедры "Теория и методика физической культуры" (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", г. Санкт-Петербург);

Бондаренко А.В. – кандидат философских наук, доцент, (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа)

Елисеев В.К. – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета педагогики и психологии (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк);

Каргиева З.К. – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова", г. Владикавказ);

Касьянов В.В. – доктор социологических, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет», г. Краснодар);

Матяш Т.П. – доктор философских наук, профессор, профессор-консультант кафедры философии религии и религиоведения (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону);

Ратиев В.В. – доктор социологических наук, директор (Филиал частного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет имени С.Ю. Витте» в г. Краснодар, г. Краснодар);

Ромаева Н.Б. - доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и педагогических технологий Педагогического института (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Северо-Кавказский федеральный университет", г. Ставрополь);

Самыгин С.И. – доктор социологических наук, профессор кафедры "Управления персоналом и социологии" (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет», г. Ростов-на-Дону);

Суший С.Я. – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института

социально-экономических и гуманитарных исследований (Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону);

Спирина В.И. – доктор педагогических наук, профессор, декан социально-психологического факультета, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет», г. Армавир)

Тен Ю.П. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук (Ростовский филиал государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия»; г. Ростов-на-Дону);

Финько М.В. – доктор философских наук, профессор кафедры православной культуры и теологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону);

Хараева Л.А. - доктор педагогических наук, профессор (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик);

Шингаров Г.Х. – доктор философских наук, профессор кафедры "Философия" (Негосударственное аккредитованное частное образовательное учреждение высшего профессионального образования Современная гуманитарная академия, г. Москва);

Щербакова Л.И. – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Российский государственный политехнический университет М.И. Платова, г. Новочеркасск).

© «Экономические
и гуманитарные
исследования
регионов»

www.cegr.ru.

Registration number PI FSS77- 39740
Federal Service for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
catalog number 37137 Russian Post
ISSN 2079-1968
Scientific theory journal

№ 3 2017

EDITOR-IN-CHIEF

Nesmeyanov E.E. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of Russia, Honored Worker of the Ministry of Education of the Russian Federation, Head of the Department of philosophy and world religions (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Don State Technical University", Rostov-on-Don)

EDITORIAL COUNCIL

Lukatskii M.A. – Corresponding Member of RAO, Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Honored worker of the general education of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Theoretical Science Pedagogy ITIP RAO, head of the Department of psychology and pedagogy (State-Funded Educational Institution of Higher Education "Yevdokimov Moscow State Medical and Dental University" of the Ministry for Public Health of the Russian Federation, Moscow);

Osadchaya G.I. – Doctor of Social Sciences, Professor, Deputy Director on scientific work (Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Pusko V.S. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, head of the Department of political science of the faculty of social Sciences and Humanities (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Bauman Moscow State Technical University", Moscow);

Arsaliev Sh.M-Kh. – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, the Dean of historical faculty (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Chechen State University, Grozny);

Rosin M.D. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Director of North-Caucasian scientific centre of higher school (Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University», Rostov-on-Don);

Popov M.Yu. – Doctor of Social Sciences, Professor, chief editor of "The Humanitarian, socio-economic and social Sciences";

Marinov M.B. – Doctor of Philosophical Sciences, specialist (Wuhan University, China)

EDITORIAL BOARD

Goverdovskaya E.V. – deputy Chief Editor, Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Deputy Director of postgraduate and additional education (Pyatigorsk Medical-Pharmaceutical Institute - branch of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "The Volgograd State Medical University" of the Ministry for Public Health of the Russian Federation ", Pyatigorsk);

Akayev V.H. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, the Department of humanitarian studies (Federal Ibragimov State Institution of Science Integrated Research of Russian Academy of Sciences, Grozny);

Bondarenko A.V. – Candidate of Philosophical Sciences, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa)

Vereshchagina A.V. – Doctor of Social Sciences, Professor, Professor of theoretical sociology and methodology of regional researches of the Institute of sociology and regional studies (The Institute of Sociology and Regional Studies of Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University», Rostov-on-Don).

Vezirov T. G. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of methods of teaching mathematics and Informatics (Federal state budgetary educational institution of higher professional education "Dagestan state pedagogical University", Makhachkala)

Goncharov V.N. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate professor, associate Professor in the Department of philosophy, humanitarian Institute (Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «North Caucasian Federal University», Stavropol);

Gorelov A.A. – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Professor of "Theory and methodology of physical culture" (Federal State Scientific Institution "Institute of Socialization and Education" of the Russian Academy of Education, Moscow);

Eliseev V.K. – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Dean of the faculty of pedagogy and psychology (Federal State Educational Institution of Higher Education «Lipetsk State Pedagogical University named after Semenov-Tyan-Shansky», Lipetsk);

Kargieva Z.K. – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor of the Department of pedagogy and psychology (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Khetagurov North Ossetian State University», Vladikavkaz);

Kasyanov V.V. – Doctor of Social Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Professor, head of the Department of history and cultural studies (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Kuban State University», Krasnodar);

Matyas T.P. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor-consultant of the Department of philosophy of religion and religious studies (Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University», Rostov-on-Don);

Ratiev V.V. – Doctor of Social Sciences, Director (Branch of Private Educational Institution of Higher Education «Witte Moscow University» in Krasnodar, Krasnodar);

Romeva N.B. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of chair of pedagogics and pedagogical technologies Pedagogical Institute (Federal state Autonomous Educational Institution of Higher Education "North-Caucasus Federal University", Stavropol, Russia)

Samygin S.I. – Doctor of Social Sciences, Professor, Professor of the Department "Personnel management and sociology" (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Rostov State University of Economics», Rostov-on-Don)

Soushiy S.Y. – Doctor of Social Sciences, Associate Professor, chief researcher, Institute of socio-economic and Humanities research (Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don);

Spirina V.I. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of social and psychological faculty, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University", Armavir)

Ten Y.P. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate professor, Professor of the Humanities Department (Rostov branch of the State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy", Rostov-on-Don);

Fin'ko M.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Orthodox culture and theology (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education " Don State Technical University", Rostov-on-Don);

Kharaeva L.A. - Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Federal State Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Berbekov», Nalchik);

Shingarev G.H. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department "Philosophy" (Non-government accredited private institution of higher education Modern University for the Humanities, Moscow);

Shcherbakova L.I. – Doctor of Social Sciences, Professor, head of the Department of sociology and psychology (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Platov South-Russian State Technical University», Novocherkassk);

© «Economical and
humanitarical
researches
of the regions»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

АВЕРКИНА Ю.С., МОРОЗОВА Т.П. Психолого-педагогическая готовность выпускника педагогического вуза к включению в профессиональную деятельность	9
БЕЛОУС О.В., СПИРИНА М.Л., СПИРИНА О.Н. Волонтерство как психолого-педагогический ресурс личностного роста будущих педагогов	13
БОЖЕНСКАЯ И.С., КОКАЕВА И.Ю. Влияние поликультурной образовательной модели на эмоциональное здоровье младших школьников (на примере республики Северная Осетия-Алания)	20
ГЛУШКО М.П., ГЛУШКО А.А., НИКИТИНА А.С., ДАЙРОНАС Ж.В., КОНОВАЛОВ Д.А. Создание собственной веб-ориентированной системы доступа к знаниям как эффективный инновационный метод обучения студентов	23
КИБИЗОВА Е.К. Инновационные подходы при формировании правовой культуры студентов направления 38.04.02 Менеджмент, профиль «Менеджмент в образовании»	26
КОЗАЕВА Г. Р. Формирования инновационного образовательного пространства в системе среднего профессионального образования Республики Южная Осетия	31
МАТОСЯН М.Г. Студент как субъект правовой культуры	35
СИДАМОНТИ Э.Т. Формирование у студентов - будущих учителей профессиональной компетентности к инклюзивному обучению	38
ТАЛХИГОВА Х.С. Роль электронных образовательных ресурсов при изучении курса «Концепции современного естествознания»	41
ТАХОХОВ Б.А. Этнокультурный контекст речевого общения	44
ХАБЛИЕВА С.Р., ЗЕМБАТОВА Л.Т. Основные направления и организационно-педагогические условия формирования навыков конструирования электронных образовательных ресурсов	51
ШУМАКОВА А. В., ЛЕОНОВА Н. А. Педагогическое образование: современный опыт развития	56

СОЦИОЛОГИЯ

АБРАМОВ М.А. Проблема масштаба социального мировоззрения	60
БОРОВИК О.В. К вопросу о дифференциации механизмов общественного воспроизводства	64
ПОПОВА Н.А., ВОРОБЬЕВ С.М. Социализация личности в западной системе образования: к постановке проблемы	68
СЫПАЧЕВ С.В. Статус военнослужащего: институциональный и социально-феноменологический аспекты	72

ФИЛОСОФИЯ

АЙРАПЕТОВ А.В. Философское рассмотрение институциональных факторов трансформирующегося общества	77
МУСТАФАЕВ М.Б., МУСТАФАЕВА М.Г., МУСТАФАЕВ Ф.М. Национальное бытие личности в условиях межнационального общения	82
СИРЯК С.И. Территориальный фактор в жизни религиозных организаций	89
ТИХОНЕНКО М.А. Социальная реальность в контексте семантической коммуникации	95
ЯРЫЧЕВ Н.У. Эволюция философско-культурологических взглядов на феномен конфликта	100

ПЕДАГОГИКА

УДК 37

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ ВЫПУСКНИКА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА К ВКЛЮЧЕНИЮ В ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аверкина Ю.С., Морозова Т.П.

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICAL READINESS OF THE GRADUATE OF PEDAGOGICAL HIGHER EDUCATION INSTITUTION FOR INCLUSION IN PROFESSIONAL ACTIVITY

Averkina Yu.S., Morozova T.P.

В контексте данной работы исследуется психолого-педагогический аспект готовности выпускников к педагогической деятельности. По мнению авторов, педагогическая деятельность рассматривается как состояние личности выпускника, позволяющая ему успешно включиться в самостоятельную профессиональную деятельность, что достигается результате профессиональной подготовки в педагогическом вузе, входит в состав педагогического потенциала личности преподавателя, определяя его педагогическое сознание.

In the context of this work the psychology and pedagogical aspect of readiness of graduates for pedagogical activity is investigated. According to authors, pedagogical activity is considered as a condition of the identity of the graduate, allowing it to join successfully in independent professional activity that is reached result of vocational training in pedagogical higher education institution, is a part of pedagogical potential of the identity of the teacher, defining his pedagogical consciousness.

Ключевые слова: педагогическое сознание, педагогическая технология, педагогическая техника, обучение, воспитание

Keywords: pedagogical consciousness, pedagogical technology, pedagogical equipment, training, education

Психолого-педагогическая готовность к профессиональной педагогической деятельности определяется, прежде всего, педагогическим сознанием. Говоря о педагогическом сознании индивида, будем исходить из идеи М. Я. Лернера, предлагающего рассматривать педагогическое сознание как форму общественного сознания [4]. «Сознание постоянно формирует мир, мир есть форма организации сознания» [3]. «Обучающиеся могут иметь различный коэффициент взаимности в разных областях межличностного общения» [7]. Речь идет о том, что на каждом историческом этапе любое общество имеет определенный комплекс представлений о том, что именно из социального опыта, каким способом, в каких условиях, какими средствами и кто должен передавать подрастающему поколению. В этом контексте можно говорить об индивидуальном педагогическом сознании преподавателя - человека, профессионально занятого передачей определенной части социального опыта или, вернее - организацией ее воспроизводства и развития в подрастающем поколении, определяющем форму и методы содержания обучения. При формировании педагогического сознания преподавателя «важно обеспечивать максимальное взаимодействие социальных условий» [5].

При отборе содержания обучения необходимо учитывать как специфику содержания, так и методы его усвоения. Возможным ориентиром для такого учета являются предложенные И. Я. Лернером структура социального опыта и система методов обучения. Следует, однако, отметить, что в работах И. Я. Лернера речь по существу идет об обучении, которое не способствует формированию личностно-ориентированной направленности. Ситуации же обучения, при которых содержанием обучения является сама личность

обучающегося, также не находят отражения ни в систематике И.Я. Лернера, ни в других подходах к определению типологии содержания и системы методов обучения. Такие содержания традиционно лежат вне дидактики и относятся исследователями к сфере воспитания [4]. Воспитание в коллективе определяется, в первую очередь, осознанием идеальных представлений о человеке. Основу для формирования этого комплекса представлений составляют, видимо, главным образом психологические знания. Комплексы представлений, выделенные в педагогическом сознании индивида, обладают лишь относительной, условной самостоятельностью. Каждый из этих комплексов представлений тесно связан с двумя другими и формируется в единстве и взаимодействии с ними.

Важным системообразующим элементом готовности выпускника педагогического вуза к педагогической деятельности являются его умения в области педагогической технологии. Под педагогической технологией понимается разработка совокупности операций действий, приемов, шагов, последовательное осуществление которых, обеспечивает решение поставленных задач обучения, воспитания и развития. Этот термин подчеркивает необходимость технологизации процессов обучения и воспитания. Необходимость эта в свою очередь обусловлена целым рядом особенностей развития системы образования и воспитания на данном этапе развития общества, мощным фактором которого являются современные информационно-коммуникационные технологии. «Качественно новая коммуникативная среда образуется посредством введения во всевозможные сферы жизнедеятельности человека информационных технологий, а также изменений, происходящих благодаря этому в социокультурной сфере» [8], которые должны способствовать «становлению и оформлению русской культуры» [6], прежде всего, определяющей духовно-нравственный аспект развития личности в обществе [2].

Такое понимание педагогической технологии отражает одну из тенденций, сложившихся к настоящему времени в трактовке понятия педагогическая технология, как в отечественной, так и в зарубежной педагогике. В другой трактовке педагогическая технология рассматривается гораздо более узко - как совокупность технических средств обучения и система способов работы с ними.

Преимущества первого подхода видятся в его собственной технологичности, то есть в возможности комплексного, системного проецирования содержания педагогической технологии в содержание профессиональной подготовки преподавателя в вузе (второй подход при этом не только не исключается, но оказывается немаловажным элементом подготовки современного педагога). Педагогическая технология имеет ряд существенных признаков, отличающих ее от технологий в других областях человеческой деятельности. Именно эти признаки в значительной степени и определяют творческий характер педагогической деятельности, несмотря на ее массовость. Они же, по-видимому, определяют и трудности, связанные с распространением педагогического опыта, внедрением результатов научных исследований в практику работы общеобразовательного учреждения. К таким признакам можно отнести в первую очередь соединенность в деятельности педагога целеполагающей, конструкторской, организаторской и исполнительской функций. Если в промышленной технологии разработка цели, разработка последовательности операций, приводящих к достижению этой цели, организация выполнения этих операций и их непосредственное исполнение являются, как правило, функциями разных работников, то в педагогической технологии все это функции одного человека. Другим существенным признаком педагогической технологии является высокая степень ее вариативности в зависимости от индивидуальных особенностей преподавателя, ситуации взаимодействия, возрастных и индивидуальных особенностей отдельных обучающихся. В этом смысле можно говорить о ситуативной обусловленности педагогической технологии.

Умения преподавателя в области педагогической технологии, то есть его умения создавать эффективную технологию обучения и воспитания, формируются на основе его

знаний и представлений о структуре педагогического сознания в педагогическом процессе, разработке спектра возможных технологических решений, их апробации и последующему анализу.

Сказанное выше о педагогической технологии дает основания заключить, что в отечественной педагогике близкие к содержанию педагогической технологии вопросы рассматриваются в методиках преподавания конкретных предметов и в методике воспитательной работы, как областях педагогического знания. Следует подчеркнуть, что так же, как в педагогическом сознании индивида, комплексы представлений о себе как педагоге, о деятельности и о воспитаннике неразрывны и взаимно обуславливают друг друга, в реальном педагогическом процессе обучение и воспитание нераздельны и невозможны друг без друга.

Другим системообразующим элементом психолого-педагогической готовности к педагогической деятельности можно считать умения в области педагогической техники. Педагогическая техника включает технику общения и технику предметной деятельности. Владение техникой общения означает умение правильно и понятно говорить, управлять своими эмоциями и вниманием, точно и выразительно проявлять свои чувства и отношение к происходящему. Владение техникой предметной деятельности означает умение пользоваться в процессе обучения и воспитания различными материальными объектами.

Представленное описание психолого-педагогической готовности выпускников педвуза к включению в профессиональную деятельность и дальнейшему профессиональному росту не является исчерпывающим, так как любой из описанных компонентов может быть подвергнут дальнейшему структурированию и содержательной педагогической конкретизации, то есть стать предметом отдельного исследования. Это описание представляется, тем не менее, достаточным. Оно позволяет, во-первых, установить взаимосвязи компонентов психолого-педагогической готовности индивида и, во-вторых, проанализировать традиционное содержание психолого-педагогической подготовки в вузе с точки зрения его направленности на формирование компонентов готовности. Взаимосвязи между компонентами психолого-педагогической готовности имеет смысл рассматривать в статическом (внутри достигнутого состояния готовности) и в динамическом (в процессе формирования этого состояния) аспектах.

Рассматривая названные связи в статическом аспекте, отметим, что в общении с воспитанниками проявляются представления педагога о себе, о деятельности, о воспитанниках, именно через общение реализуются любые технологические решения. В то же время представления педагога о себе, деятельности и воспитанниках, выбор им тех или иных технологий определяют содержание, стиль и тон его общения с воспитанниками, а, следовательно, психологическую атмосферу педагогического процесса и через нее в значительной степени - результаты обучения и воспитания. С другой стороны, содержание индивидуальной техники общения в известной мере определяет спектр возможных для данного педагога технологических решений, а также оказывает влияние на его представления о себе и воспитанниках. Очевидно, что любой человек предпринимает определенные усилия для самостоятельного овладения теми или иными знаниями и умениями лишь тогда, когда этого требуют от него обстоятельства жизни или профессиональной деятельности, то есть тогда, когда возникает осознаваемая потребность в этих знаниях и умениях.

Это, безусловно, справедливо и для педагогической деятельности, что, в свою очередь означает, что динамика процесса овладения профессиональными знаниями и умениями должна коррелировать с динамикой процесса формирования профессионального «в определенной, фиксирующей этот мир структуре ... в сознании» [1]. Для продуктивного анализа педагогической деятельности существенным оказывается понимание того факта, что знание педагогической технологии и владение ею на уровне практического (а тем более творческого) применения отнюдь не синонимичны. Знания педагогической технологии,

являясь элементом комплекса представлений о деятельности в структуре педагогического сознания, входят в содержание педагогического потенциала личности, повивает его, однако сами по себе не гарантируют успешности педагога в учебно-воспитательном процессе.

Отсутствие же такого знания сильно затрудняет работу педагога, заставляя его изобретать, а не конструировать индивидуальную педагогическую технологию, то есть заниматься творческой деятельностью без достаточного фундамента. В тех случаях, когда отсутствие технологических знаний сочетается с недостаточной технической вооруженностью, ситуаций профессиональной деятельности рождают острое чувство неуверенности в себе, приводят к снижению самооценки, нередко включают такие механизмы психологической защиты, которые делают дальнейшую профессиональную деятельность невозможной.

Завершая описание компонентов психолого-педагогической готовности к включению в профессиональную деятельность, после окончания педагогического вуза подчеркнем, что каждый из указанных компонентов представляется необходимым в содержании психолого-педагогической подготовки будущего педагога в вузе, но не является достаточным для успешности последующей самостоятельной деятельности. Очевидно, что психолого-педагогическая готовность выпускников педагогического вуза к включению в профессиональную деятельность может быть достигнута лишь при условии, что содержание и методы психолого-педагогической подготовки в вузе обеспечивают формирование всех ее компонентов. Если какие-либо компоненты готовности в содержании психолого-педагогической подготовки не представлены или для их формирования используются неадекватные, а, следовательно, неэффективные методики, возникает феномен психолого-педагогической неготовности выпускника к включению в профессиональную деятельность, поскольку, как было показано выше, сформированность одних компонентов готовности не компенсирует отсутствия других, а, наоборот, отсутствие каких-либо компонентов одерживает проявление и развитие тех, что в той или иной мере сформированы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланов И.С., Бакланова О.А., Ерохин А.М. Эпистемологические и лингвистические исследования в аналитической философии науки: семантика конструкторов // Вестник СевКавГТИ. - 2015. - Т. 1. - № 2 (21). - С. 156-159.
2. Гончаров В.Н., Попова Н.А. Духовно-нравственные ценности в системе общественных отношений // Фундаментальные исследования. 2015. - № 2-7. - С. 1566-1569.
3. Колосова О.Ю. Жизненный мир личности и социальная реальность // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. - 2013. - №2(6). - С. 270-273.
4. Лернер И. Я. Педагогическое сознание - явление действительности и категория науки // Советская педагогика. - 1985. - №3. - С. 52-57.
5. Лобейко Ю.А., Говердовская Е.В. Психолого-педагогический аспект развития личности студента-спортсмена в контексте современных социальных условий // Современные наукоемкие технологии. - 2016. - № 4-1. - С. 143-147.
6. Матяш Т.П., Несмеянов Е.Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
7. Редько Л.Л., Леонова Н.А. Антропологическая парадигма профессиональной подготовки педагогов в системе вузовского образования: методологический аспект // Фундаментальные исследования. - 2015. - № 2-15. - С. 3391-3394.
8. Руденко А.М., Греков И.М., Камалова О.Н. Теоретико-методологические и философские аспекты исследования творчества // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 109-119.

УДК 37

ВОЛОНТЕРСТВО КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЛИЧНОСТНОГО РОСТА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

Белоус О.В., Спирина М.Л., Спирина О.Н.

VOLUNTEERING AS A PSYCHO-PEDAGOGICAL RESOURCE FOR PERSONAL GROWTH OF FUTURE TEACHERS

Belous O.V., Spirina M.L., Spirina O.N.

В статье рассматривается проблема использования волонтерства как психолого-педагогического ресурса в аспекте личностного роста будущих педагогов. Возможность использовать коммуникативные, социальные, моральные составляющие добровольческой деятельности позволяет студентам получить уверенность в собственных силах, попробовать различные варианты стратегий реализации субъектного роста.

The article considers the problem of using volunteering as a psycho-pedagogical resource in the aspect of personal growth of future teachers. The ability to use the communicative, social and moral components of volunteerism allows students to gain confidence in their own abilities, to try different strategies realization of the subject of growth.

Ключевые слова: волонтерство, личностный ресурс, социальная зрелость, волонтерский отряд.

Keywords: volunteering, personal resources, social maturity, the volunteer squad.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта № № 16-16-23025 а(р) «Разработка модели подготовки менеджеров волонтерской деятельности на Кубани».

Поиск условий для воплощения собственных отношений к жизни, для их действенной реализации обуславливают многообразие форм проявления, особенностей и традиций социальной практики добровольчества: появление новых форм добровольчества, наряду с существованием прежних. Такое развитие является вполне естественным процессом для добровольчества как социокультурного феномена. Добровольчество, с одной стороны, открывает возможности для действенной реализации молодежью и взрослым населением своей позиции, а с другой стороны – создает условия для ее выработки, формирования, становления.

Участвуя в добровольчестве, человек не только продвигается к достижению собственной жизненной позиции, но и одновременно раскрывает новые возможности потенциала ее развития. Выступая в качестве субъекта, доброволец является творцом новой социальной ситуации (именно его потребности и являются исходной причиной организации внешних явлений в актуальную социально-психологическую ситуацию). При этом его индивидуальные и личностные характеристики выступают в качестве элемента условий и обстоятельств, формирующих ситуацию. Значимость потенциальной ситуации для субъекта, придает определенный личностный смысл.

Институт волонтерства (добровольчества) распространен во многих странах мира, становясь все более значимым педагогическим ресурсом развития общества. Труд волонтеров (добровольцев) получил высокую оценку Организации Объединенных Наций ООН, отмечающей, что работа на добровольных началах должна быть важным компонентом любой стратегии, нацеленной на решение различных социальных и личностных проблем [5].

Феномен добровольчества стал предметом пристального изучения ученых из разных областей знания.

В современной зарубежной литературе исследования феномена волонтерства

представлены достаточно широко. Среди авторов исследований – Т. Шлезингер, Я. Денхэм, К. Могильнер. Среди отечественных авторов особый интерес вызывают работы Л.А. Кудринской, Н.Г. Бодренковой, Л.Е. Сикорской, А.В. Трохиной, представляющие экономический, социологический, социально-психологический, правовой подходы к рассмотрению феномена волонтерства. Практические рекомендации по организации и оценке волонтерской деятельности даны такими авторами, как Д.Ю. Латыпова, А.И. Радущинская, В.А. Лукьянов, И.К. Михайлова, Н.Ю. Слабжанин и др. В разработку проблем волонтерской деятельности большой вклад внесли исследования отечественных ученых, рассматривающих добровольческую деятельность как действенную форму социализации и воспитания молодежи (Е.С. Азарова, Л.В. Болотова, Л.А. Кудринская, Н.В. Маковой, О.В. Митрохина, В.В. Митрофаненко, Г.В. Оленина, Л.Е. Сикорская, Л.В. Никитина и др.), как социально-педагогический феномен (Л.А. Кудринская, Л.Е. Сикорская и др.). Заостряют внимание на мотивации волонтерской деятельности в своих трудах Д. Байди, П.К. Дуайер, У.П. Косова, Н.Ю. Слабжанин, С.Р. Михайлова, Е.С. Азарова [3].

В отечественной научной мысли, в научных трудах Л.В. Абдалиной, М.В. Григорович, Л.И. Сикорской, Н. В. Тарасовой внимание исследователей сосредоточено на педагогических аспектах добровольчества. Рассматривают добровольческую деятельность как технологию обучения, фокусируя внимание на специфике организации волонтерства среди подростков и молодежи, пре-имущественно характеризуя ее как практику, обеспечивающую успешность социализации молодого поколения, Н. А. Агеева, А.Н. Ершова, Х. Т. Загладина, Л. Ф. Козодаева, У.П. Косова, М. А. Новиков, Г. В. Оленина, Ю. В. Паршина [3].

Анализ исследований, посвященных волонтерству как социально-педагогическому феномену, позволяет определить волонтерскую деятельность как значимый психолого-педагогический ресурс для приобретения участниками определенного жизненного и практического опыта, воспитания профессионально значимых качеств, реализации ими своего творческого потенциала, системного восприятия будущей профессиональной деятельности (С.О. Грунина, С.В. Тетерский), нравственных ценностей и гуманистических ценностных ориентаций (Л. К. Иванова, Н.С. Морова, Н.В. Падеро), практического опыта взаимодействия с институтами гражданского общества (Н.В. Дементьева, Д.В. Кириш, Н.Н. Чалдышкина).

Изучению организации волонтерской деятельности в педагогических вузах посвящены диссертационные исследования Е. В. Акимовой, Л.В. Даль, И.Н. Григорьева, Л.Ф. Козодаевой, Е.И. Леоновой, Н.В. Маковой, Л.В. Никитиной, Л.Е. Сикорской и др.

Понимание природы внутренних и внешних трансформаций, затрагивающих самих добровольцев, их деятельность и ту среду, в которой она реализуется, становится важным в контексте определения перспектив развития волонтерства в нашей стране, а также возможностей социального управления волонтерами и их деятельностью на разных его уровнях [4].

В настоящее время идет процесс институционализации, одним из элементов которой является подготовка кадров для организации волонтерского труда. Вместе с тем, как показывает практика волонтерской деятельности, имеется ряд проблем, требующих разрешения: бессистемность в работе волонтеров; отсутствие в ряде случаев научности в содержании самой деятельности; слабая изученность специфики работы волонтеров в регионах, недостаточное методическое обеспечение и психолого-педагогическое сопровождение волонтерской деятельности молодежи. Таким образом, налицо проблема подготовки кадров для организации волонтерской деятельности и волонтерского труда в отечественной системе высшего образования.

В современных исследованиях проблемы рассматриваются особо ресурсы волонтерской общности как основа для управления развитием данного социального феномена в России. Доказывается, что добровольцы могут «отдавать» свои личностные

ресурсы (временные, профессиональные, экономические) обществу и структурам власти, исходя из особенностей своих ресурсов субъективного плана – мотивации и удовлетворенности жизнью. Возраст волонтеров объективирует их добровольческую деятельность. Образование и занятость тесно сопряжены с затрачиваемым на добровольчество ресурсом времени. Образовательный и профессиональный капиталы добровольцев могут накапливаться в процессе волонтерской деятельности. Изменения волонтерского труда, его сближение с профессиональной деятельностью, наряду с постепенным становлением определенного сообщества профессионалов, отражают суть профессионализации волонтерства, появление в российском обществе разных типов волонтеров-профессионалов. Ядро добровольческой общности составляют и одновременно являются организаторами деятельности добровольцев в нашей стране преимущественно те люди, которые постоянно заняты в социальной сфере и имеют определенные социально-психологические характеристики [4].

Волонтерство как сложный социокультурный феномен имеет многоуровневую структуру, а его функции как системы, включающей в себя разные подобижности волонтеров и их деятельность, могут иметь внутреннюю и внешнюю направленность. К основным функциям волонтерства отнесены консолидирующая, мобилизационная, функция социальной стабилизации, формирования и развития гражданского общества, регулятивная, нормообразующая, трансляционная, стимулирующая, коммуникативная, а также функции социализации, формирования социального, культурного и символического капитала, самопознания, самоутверждения и профессионализации. В качестве латентных выявлены функции стратификации добровольческой общности и рационализации волонтерства как деятельности.

В согласии с исследованиями Певной М.В. можно выделить критерии типологизации, связанные с субъективными ресурсами волонтеров (мотивацией и удовлетворенностью жизнью), сопряженными с объективным ресурсом их времени: самоидентификацией респондента как члена данной общности; его планами и намерениями в отношении волонтерства; моральным удовлетворением от волонтерской деятельности, выступающим эмоциональным критерием значимости волонтерства для самого волонтера. В типологию включены «настоящие» (46 %), «активные» (17 %), «пассивные» (18 %), «мало-деятельные» волонтеры (13 %), а также выделены «случайные» волонтеры (6 %) [2].

Взяв за основу существующие модели профессионально важных качеств специалистов помогающих профессий, была составлена «модель важных качеств личности студента-добровольца».

Данная модель представлена ниже на рисунке 1.

Рисунок 2. Модель важных личностных качеств студента-добровольца

В таблице 1 показан широкий спектр направлений добровольческого труда, зачастую

требующий глубоких, в том числе профессиональных знаний и навыков.

Таблица 1

Соотнесение видов добровольческого труда и потребностей личности

Удовлетворение физиологических потребностей	- приготовление и раздача пищи; - пошив одежды; - работа на свежем воздухе; - работа, связанная с различными спортивными мероприятиями и непосредственным участием в них.
Удовлетворение потребности в безопасности	- распространение экологически чистых продуктов; - работа в коллективе (расширение круга безопасного общения); - работа с правоохранительными организациями; - работа для повышения уже имеющегося профессионализма, что поможет укрепить свои позиции на основной работе. Или же получение новых знаний, помогающих в поиске работы.
Удовлетворение социальных потребностей	- организация и участие в публичных мероприятиях; - работа администратором, преподавателем, воспитателем или диспетчером; - совместная работа лиц противоположного пола.
Удовлетворение потребности чувства гордости и престижа	- работа представителем организации во время контактов с внешними лицами; - работа в качестве руководителя группы людей, т.е. на ответственной должности; - получение престижно звучащей должности.
Самореализация	- творческая деятельность с ненормированным графиком работы; - работа преподавателя.

Итак, волонтера как субъекта волонтерской деятельности характеризует: свободный и осознанный выбор деятельности; ориентация на солидарность, единение с другими людьми, на совместную деятельность; желание принести практическую пользу; отсутствие ожидания материального вознаграждения за свой труд; ответственное отношение к деятельности.

Данные характеристики были рассмотрены в аспекте актуализации мотивов добровольческой деятельности студентов, участвующих в работе волонтерского отряда АГПУ.

Рассматривались 4 группы: карьерные мотивы, мотивы расширения социальных контактов, мотивы самопомощи, альтруистические (идеалистические) мотивы [1].

К группе карьерных мотивов относятся: опыт работы, перспективы профессиональной карьеры, интересная работа, полезные знакомства, доступ к нужной информации, опыт общественно-политической деятельности, новые знания, квалификация, связи с влиятельными людьми, уважение окружающих.

К группе мотивов расширения социальных контактов относятся: друзья, любимое дело, хобби, общение с интересными людьми.

К мотивам самопомощи относятся: возможность защитить свои права, решить проблемы, продвижение своих идей, возможность повысить самооценку. Необходимо отметить противоречивость данной группы мотивов, так как волонтерство – это деятельность, направленная на благо других людей.

В связи с этим, возможно, данная группа мотивов реже всего упоминалась респондентами (таблица 2).

К идеалистическим мотивам относятся: возможность улучшить жизнь в своем доме, улице, районе, городе, возможность помогать людям.

В таблице 1 представлены результаты группировки мотивов добровольческой деятельности в 4 группы. В соответствии с полученными результатами в ответах респондентов представлены все проявления мотивов, что объясняется активной социализацией респондентов.

Таблица 2
Мотивы участия в добровольческой работе, в % от ответов

№	Группа мотивов	% от числа ответов
1	Карьерные мотивы	37,0
2	Мотивы расширения социальных контактов	38,1
3	Мотивы самопомощи	7,0
4	Идеалистические мотивы	24,9

Реже всего респонденты отмечали группу мотивов самопомощи (самопомощь лишь косвенно относится к волонтерству, так как лишь в перспективе возможно будет направлена на благо других людей). Полученные результаты совпадают с результатами исследования ФОМ, где наиболее распространенным оказался мотив расширения социальных контактов, вторым по степени распространенности стал карьерный мотив, третьим – альтруистический мотив, и менее распространенным оказался мотив самопомощи.

Кроме того, возможность помогать людям в качестве мотива добровольческой деятельности (идеалистический мотив) отметили более 50% респондентов (таблица 3).

Таблица 3
Волонтеры о мотивах добровольческой деятельности (в % от ответов)

Значение:	% от ответов
Возможность помогать людям	53,1
Возможность завести полезные знакомства	37,1
Возможность общаться с интересными людьми	35,2
Возможность получить опыт работы	31,1
Возможность найти друзей	28,7
Возможность улучшить жизнь в своем доме, улице, районе, городе	21,5
Интересная работа	19,6
Возможность получить опыт общественно-политической деятельности	19,1
Уважение окружающих	18,4
Возможность заниматься любимым делом (хобби)	18,2
Возможность получить новые знания, квалификацию	16,0
Возможность продвижения своих идей	9,6
Возможность повысить самооценку	9,3
Возможность получить доступ к нужной информации	7,8
Возможность установить связи с влиятельными людьми	6,7
Возможность защитить свои права, решить проблемы	4,8
Перспективы профессиональной карьеры	4,3
Ваш вариант	1,9

Таким образом, добровольческая деятельность, как тип признаваемой и одобряемой обществом деятельности, характеризуется нравственным и созидющим уровнем активности, выраженной в общественно полезных мероприятиях, и является одним из условий интеллектуального, личностного и деятельностного развития личности, формирования ее идентичности, определяя ее жизненную позицию как гуманистическую.

К основным психологическим аспектам добровольческой деятельности мы относим: личностный смысл как внутреннюю необходимость созидательной самореализации; потребности – в признании, уважении, общении; мотивы – альтруистические – добро, милосердие, гуманизм; цель в виде решения психологических и социальных проблем, улучшение благополучия других людей; действия повышенной технологической сложности; продукт – благо-созидание; результат – достижение идентичности, самореализация и самоосуществление в жизнедеятельности за счет реализации социально значимых деяний.

Для того чтобы привлечь молодого человека к участию в волонтерской деятельности, необходимо опираться на группы мотивов, связанных с полезностью данной деятельности для будущей профессии, используя при этом групповые и коммуникативно-насыщенные формы работы. Среди мотивов, на основании которых личность включается в волонтерскую деятельность, выделяют: желание помочь другим людям; знакомство с новыми людьми; получение новых знаний и новых навыков в работе; гражданские чувства; сострадание нуждающимся; желание узнать о проблемах других людей; приобретение нового опыта; получение признания в обществе.

Также во взаимосвязи с мотивационной составляющей важно обратиться к способам повышения молодежной социальной активности, среди которых наиболее эффективными признаются социальная анимация (формирование пространства для проявления инициативы) и общественно значимая деятельность (вовлечение молодых людей в социальную практику). Последний нашел свое отражение в волонтерстве, востребованность которого постепенно набирает обороты в современной России, преимущественно в ее молодежной среде.

Мировая практика доказывает, что добровольческое движение представляет собой стратегию позитивного развития молодого поколения, способствующую его саморазвитию и личностному росту. В то же время молодежь, будучи вовлеченной в волонтерство, становится причастна к социальным преобразованиям, которые приводят к улучшению жизни общества в соответствии с потребностями молодых граждан. В связи с этим ключевое значение приобретают действия государства, ведь именно оно ответственно за создание условий для полноценной самореализации молодых граждан в разных сферах жизни российского общества, прежде всего в социально-экономической и общественно-политической, чтобы они в процессе развития своих индивидуальных качеств проявляли высокий уровень социальной активности.

Всех добровольцев объединяет активная жизненная позиция, желание оказать помощь тем, кто в ней нуждается, стремление приносить пользу людям. Основными характеристиками активной жизненной позиции молодежи являются:

- 1) помогая другим, волонтеры обретают уверенность в своих способностях;
- 2) приобретают новые навыки и социальные связи;
- 3) находят себя, принимают те ценности и привычки, которые позволяют вести здоровую, продуктивную и насыщенную жизнь.

Участвуя в волонтерской деятельности, молодые люди приобретают ряд практических навыков, необходимых им и в повседневной жизни. К их числу относятся:

- умение слышать и слушать;
- умение вести за собой;
- умение расположить к себе собеседника;
- умение принимать решения;
- опыт работы с группой, знание основ психологии;

– организаторские и лидерские способности.

Анализ волонтерской практики показал, что организация и участие в волонтерской деятельности способствует развитию у молодых людей таких личностных качеств, как уверенность в себе, общительность, бесконфликтность, эмпатия, толерантность.

Наблюдается динамика в развитии творческого потенциала, гибкости и нормативности поведения, увеличивается потребность молодых людей в саморазвитии и самосовершенствовании.

Изучение опыта работы волонтерских отрядов Армавирского государственного педагогического университета позволяет сделать вывод о том, что волонтерские проекты предоставляют студентам возможность обучиться различным трудовым навыкам, приобрести профессиональный и жизненный опыт, сформировать общекультурные и профессиональные компетенции. Вступив в ряды волонтеров и работая над реальными проблемами, обучающиеся получают реальное представление о предполагаемой профессии. Выполняя те или иные задачи в процессе добровольной деятельности, молодые люди начинают понимать, в какой мере сформированы у них необходимые умения и навыки, что позволяет им определить направление своего дальнейшего развития.

Итак, в волонтерской деятельности человека человек становится и развивается как личность. В волонтерской деятельности у человека формируются представления, идеи, цели и ценности, через которые человек характеризует самого себя и намечает перспективы собственного развития. В волонтерскую работу, как правило, включаются люди уже имеющие необходимый и достаточно высокий уровень социального, духовного и нравственного развития. Вместе с тем волонтерская работа может выступать как фактор формирования социально значимых личностных свойств студентов – будущих специалистов, от профессиональной деятельности которых в будущем и настоящем зависит развитие российского общества. Это позволяет рассматривать добровольчество как эффективную и гармоничную возможность повышения ресурсов жизнестойкости и формирования жизненной позиции. [6, С. 55]

ЛИТЕРАТУРА

1. Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». Фонд «Общественное мнение». 2012. [Электронный ресурс] URL: http://soc.fom.ru/uploads/files/dobrovolchestvo/Otchet_dobrovolchestvo.pdf
2. Певная М.В. Волонтерство как социальный феномен: управленческий подход: Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук - Екатеринбург 2016.
3. Потапова И.А., Джумагалиева Г.Р. Волонтерское движение: прошлое и настоящее: учебное пособие – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2012. – 68 с.
4. Спирина В.И., Герлах И.В., Белоус О.В., Спирина М.Л. Актуальные направления волонтерской деятельности на Кубани: монография // Под ред. д.п.н., проф. Спириной В.И.; отв.ред. к.п.н., доц. Белоус О.В. – Армавир: Полипринт ИП Чайка А.Н., 2016. –172 с.
5. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации (распоряжение №1760) [Электронный ресурс], - http://rabortakuban.info/officially/index.php?SECTION_ID=118
6. Яковлева Л.В. Молодёжное добровольчество // Психология добровольческой деятельности: сборник материалов II всероссийской научно-практической конференции, Барнаул, 25 марта 2013 г. / под ред. И.Р. Лазаренко, Е.В. Четошниковой. – Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 135-138.

УДК 37

ВЛИЯНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ)

Боженская И.С., Кокаева И.Ю.

INFLUENCE OF MODELS MULTICULTURAL EDUCATION ON THE EMOTIONAL HEALTH OF YOUNGER STUDENTS (THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANIA)

Bozhenskaya I.S., Kokaeva. I.Y.

В статье рассматривается влияние полилингвальной модели поликультурного образования (ПМПО), реализуемой в Северной и Южной Осетии на эмоциональное здоровье младших школьников. Результаты исследования свидетельствуют о ее положительном влиянии на эмоциональное состояние младших школьников, что подтверждает ее здоровьесберегающий потенциал и важную роль в обеспечении комфортной образовательной среды.

The article examines the impact polilingvalnoy model of multicultural education (PMPO), sold in North and South Ossetia on the emotional health of school children. The findings suggest a positive effect on the emotional state of junior high school students confirm its health saving potential and a major role in providing a comfortable learning environment.

Ключевые слова: эмоциональное здоровье младших школьников, региональное образовательное пространство, поликультурная модель полилингвального образования.

Keywords: emotional health of younger students, a multicultural model polilingvalnogo education.

Исследования ученых свидетельствуют, что за последние 10 лет в два раза увеличилось число детей, имеющих различные виды патологии, а доля практически здоровых российских школьников составляет сегодня 8-10% [5]. Известно, что процесс обучения оказывает большую нагрузку на нервную систему школьников. Доказано, что 20–40% негативных влияний, ухудшающих здоровье детей обусловлены условиями, средствами, методами обучения образовательной системы [3]. Интенсификация учебного процесса, несоблюдение санитарно-гигиенических условий, малоподвижный образ жизни учащихся стали причиной развития хронических заболеваний, интеллектуальной депрессии у учащихся.

Всемирная организация здравоохранения определила здоровье как состояние физического, психического, духовного, социального, нравственного и эмоционального благополучия индивида. Физическое благополучие – это соматическое здоровье, психическое и духовное благополучие – здоровье души, социальное, нравственное и эмоциональное благополучие – здоровье разума.

В условиях образовательного учреждения формированию и сохранению физического и психического здоровья с педагогической позиции отводится большое внимание. Развитию же эмоционального здоровья обучающихся школа пока отводит недостаточное внимание. Эмоциональное здоровье характеризуется готовностью справляться с различными проблемами, умением свободно выражать свои чувства и эмоции, эффективно управлять ими.

В одном из своих посланий к Федеральному Собранию РФ, В.В. Путин обращал внимание на необходимость создания комфортной психологической и физической среды в российских школах, поскольку именно в младший школьный возраст осуществляется формирование всех морфологических и функциональных структур, от которых более чем на 75% будет зависеть здоровье взрослого человека [5]. В этот, так называемый сенситивный период, большое влияние на физическое, эмоциональное и интеллектуальное развитие оказывает комфортная школьная среда.

Комфортность школьной среды определяется санитарно-гигиеническими, материально-техническими, психолого-педагогическими, досуговыми и другими условиями обучения. В связи с этим, весьма актуальной становится задача по созданию в каждом конкретном регионе РФ комфортных условий обучения. Учитель работает не с абстрактным человеком, а с индивидуумом, органично включенным в определенную природную, этнокультурную, этносоциальную среду. Для национальных регионов России традиционная для центральной полосы России «конструкция школьной жизни» оказывается малоэффективной. Например, республике Северная Осетия-Алания, как и в других национальных регионах России в обучение осуществляется в условиях высокого психоэмоционального напряжения. За сравнительно небольшой промежуток времени, пришлось перенести ряд острых эмоциональных воздействий как социального, так и природного характера, в результате которых количество нервно-психических нарушений среди детей и подростков возросло почти в 2 раза [4]. Причиной снижения психоэмоциональной комфортности может стать состояния детей слабое владение русским и (или) титульным (осетинским) языками, на которых обучаются дети [2].

С приходом в школу ребенок испытывает различные эмоциональные переживания: он радуется, что пришел в школу, но огорчается, что рядом нет, не только родителей, но и знакомых одноклассников, воспитателей. Поэтому перед современным учителем стоит задача по разрешению проблемы компенсации эмоциональных нарушений у детей и своевременной ее коррекции.

Анализ педагогической теории и практики показал, что существуют противоречия:

- между объективной необходимостью гуманизации образовательного процесса в начальной школе, общественной потребностью в гуманной, творческой личности и недостаточной разработанностью педагогических условий, обеспечивающих эффективность процесса формирования эмоционально го здоровья учащихся начальной школы;

- между потребностью школьной практики в методах, формах, средствах, приемах формирования эмоциональной культуры и неразработанностью данной проблемы в педагогике.

В отечественной школе идет поиск путей снижения влияния стрессогенных факторов на учащихся. В качестве комфортной образовательной среды в полинациональном регионе Осетии с 2004 года выбрана и успешно реализуется поликультурная модель полилингвального образования (ПМПО) [1]. Она обеспечивает вариативность выбора образовательного пути ребенка (в зависимости от степени владения языком), формирует поликультурную личность, предоставляет широкие возможности для последующей самореализации, социального роста, и таким образом, создает условия для качественного обучения на фоне сохранения и развития родного языка и здоровья. Здоровьесберегающий потенциал ПМПО обоснован личностно ориентированным и деятельностно-творческим подходами, а также принципами гуманизации, природосообразности, поликультурности, доступности.

В поликультурной модели полилингвального образования задуманной как альтернатива традиционной общеобразовательной школе, создаются возможности для развития эмоционального здоровья: выбор языка комфортного для обучения, активное использование национальных игр, танцев, песен, пословиц и поговорок.

Национальные игры, используемые на уроках физкультуры, во время динамических пауз на уроках и на переменах включают в себя не только разнообразную двигательную активность, но и высокую эмоциональную окраску. Дети отдыхают, двигаются и одновременно знакомятся с элементами народной культуры. Большой эмоциональный эффект имеют национальные танцы, которые приводят в движение весь костно-мышечный аппарат, улучшают кровообращение укрепляют нервную систему.

Поликультурная модель полилингвального образования является комфортной средой, поскольку способствует социальной гармонии участников образовательного

пространства региона, обеспечивает их эмоциональное и физическое развитие.

Воспитание и обучение ребенка на основе национальной культуры, в среде родного языка, с одновременным включением его в систему мировых общекультурных и нравственных ценностей способствует сохранению здоровья младших школьников.

Влияние ПМПО на психоэмоциональное самочувствие младших школьников в рамках мониторингового исследования познавательной, эмоциональной сфер учащихся младших классов подтвердило гипотезу о положительном ее влиянии.

Исследование проводилось в двух учебных заведениях, в которых на протяжении десяти лет реализуется поликультурная модель полилингвального образования – ГОУ прогимназия «Эрудит» и академической гимназии «Диалог» г. Владикавказа (всего 105 младших школьников, которые составили экспериментальную группу). В качестве контрольной была выбрана МБОУ СОШ №2, работающая в рамках традиционной образовательной модели (94 ученика III–IV классов).

Основной диагностический блок мониторинга психоэмоционального развития учащихся строился по программе Л.А.Ясюковой (речевое развитие; визуальное мышление; образное мышление; абстрактное мышление; скорость переработки информации; внимательность; зрительно-моторная координация; тревожность; работоспособность и настроение [6]. В дополнительный блок вошло изучение: особенностей внутрисемейных отношений; эмоциональной установки ребенка по отношению к школе и его личностных особенностей.

Обобщая результаты качественного и количественного анализа полученных нами данных, можно заключить, что существуют значимые различия в развитии эмоционального здоровья младших школьников в условиях традиционной и региональной моделей образования, в пользу региональной. Оно выражается в снижении уровня тревожности, количестве пропусков по болезни, степени адаптации к обучению, уровне развития познавательных способностей учащихся, снижении энергозатрат. Эмоциональная сфера младших школьников, обучающихся по экспериментальной модели характеризуется большим интересом к учебно-воспитательному процессу, к уровню личных достижений, им свойственны хорошее настроение, оптимизм, любознательность;

На основе результатов проведенного нами исследования можно также сформулировать некоторые медико-психолого-педагогические рекомендации по формированию комфортной образовательной среды и развитию эмоционального здоровья младших школьников:

- 1) отказ от ориентации на какую-либо одну педагогическую технологию;
- 2) переход от преподавания основных дисциплин в начальной школе одним учителем к предметному преподаванию со специализацией учителей;
- 3) осуществление образовательного процесса на принципах личностно ориентированной педагогики;
- 4) воздействие на все стороны личности школьника с целью ее гармоничного развития через учебную и внеучебную деятельность;
- 5) организация системы просветительской работы с педагогическим коллективом и родителями по вопросам психоэмоционального развития детей.

Воспитание и обучение ребенка на основе национальной культуры, в среде родного языка, с одновременным включением его в систему мировых общекультурных и нравственных ценностей способствует эмоциональному развитию младших школьников и является комфортной средой для обучения и охраны здоровья младших школьников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бзаров Р.С., Камболов Т.Т., Кучиева Л.А. Поликультурная образовательная модель как основа формирования российской гражданской идентичности обучающихся общеобразовательной школы. Монография. Владикавказ: Издательство СОГПИ, 2011. 184 с

2. Боженская И., Кокаева И.Ю. Межличностная коммуникация как средство развития социально-эмоционального благополучия детей младшего школьного возраста / В сборнике: Молодежь и наука Материалы X-ой региональной студенческой научной конференции, посвященной 90-летию СОГПИ: Сборник студенческих научных статей. Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Северо-Осетинский государственный педагогический институт". 2014. С. 13-16.

3. Кокаева И.Ю. Психоэмоциональное здоровье школьников и условия его сохранения в современной начальной школе: монография / под ред. докт. пед. наук, проф. Б.А. Тахохова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. 220 с.

4. Кокаева И.Ю., Боженская И.С., Тетермазова З.Ц. Комфортная образовательная среда как условие развития эмоционального здоровья младших школьников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Т. 2. № 10. С. 104-107.

5. Кокаева И.Ю. Компетентностный подход при формировании здорового и безопасного образа жизни обучающихся // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. №5. С. 43-46.

6. Ясюкова Л.А. Методика определения готовности к школе: прогноз и профилактика проблем обучения в начальной школе. СПб., 1999. 114с.

УДК 37

СОЗДАНИЕ СОБСТВЕННОЙ ВЕБ-ОРИЕНТИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ ДОСТУПА К ЗНАНИЯМ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИННОВАЦИОННЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Глушко М.П., Глушко А.А., Никитина А.С., Дайронас Ж.В., Коновалов Д.А.

CREATION OF OWN WEB-ORIENTED KNOWLEDGE ACCESS SYSTEM AS AN EFFECTIVE INNOVATIVE STUDENTS LEARNING METHOD

Glushko M.P., Glushko A.A., Nikitina A.S., Dayronas J.V., Konovalov D.A.

Проблема наблюдаемого на сегодняшний день существенного разрыва между достижениями науки и образованием, имеет несколько решений.

Одним из таких решений, на наш взгляд, является создание веб-ориентированной системы доступа к знаниям. В современных реалиях складывается ситуация, при которой доступ к знаниям и научно-практическому развитию некоторым образом ограничен как для студентов, так и для преподавателей. Таким образом, создание собственной веб-ориентированной системы доступа к знаниям имеет ряд преимуществ, таких как возможность глубокого поиска для пользователей, взаимосвязь статей (публикаций, методических указаний и т.д.) между собой за счёт гиперссылок, генерируемых автоматически, возможность для авторов редактировать информацию через Internet и т.д. В связи с этим нами ведется разработка интернет-ресурса, основанного на веб-приложении MediaWiki.

The problem of a significant gap observed nowadays between achievements of science and education has several solutions. One of them for our point of view is a creation of web-oriented knowledge access system. In existing situation access to knowledge and scientific-practice progress is limited both for students and teachers. Thus, creation of own web-oriented knowledge access system has a number of advantages, like a deep search opportunity for users, articles (publications, guidelines, etc.) relationships between each other by hyperlinks, generated automatically, information editing by authors with web-interface, etc. Thus, we develop internet-resource, based on MediaWiki web-application.

Ключевые слова: интерактивное обучение, интернет-ресурс, веб-приложение, вуз
Keywords: online learning, online resource, web application, university

В настоящее время формируется новый образ российского образования, которое нацелено на развитие самостоятельной личности, способной в течение всей жизни расширять и пополнять свои знания. В то же время и развитие науки набирает обороты и темпы, несравнимые с таковыми в более ранние времена. К сожалению, обновление учебных материалов иногда по разным причинам отстаёт от последних достижений науки. Таким образом, можно сказать, что на сегодняшний день наблюдается существенный разрыв между достижениями науки и образованием, что способствует искажению правильного формирования специалиста в современных реалиях. Для преодоления сложившейся проблемы целесообразным является развитие таких направлений высшего образования, как интерактивное обучение. Интерактивное обучение – это диалоговое обучение, которое строится на взаимодействии учащихся, как с преподавателем, так и между собой. Формы взаимодействия могут быть следующими:

- обучение посредством компьютера (электронные учебные пособия, электронные учебники и т.д.);

- специально организованное учебное взаимодействие, основанное на «технологических» методах (общение на форумах, в социальных сетях, специально созданных на учебно-научных веб-ориентированных платформах и т.д.).

Интерактивное обучение одновременно решает несколько задач:

- информационную (обеспечивает учащихся необходимой информацией, без которой реализация совместной деятельности невозможна);

- развивает учебные умения и навыки;

- развивает коммуникативные умения и навыки, помогает установлению эмоциональных контактов между учащимися;

- обеспечивает воспитательную задачу, поскольку приучает работать в команде, снимает нервную нагрузку [1,4].

Ещё решениями сложившейся проблемы может быть развитие таких направлений высшего образования, как создание современных научно-практических школ при вузах с достаточно хорошими оснащёнными современным оборудованием лабораториями, пересмотр учебного процесса с учётом развития современной науки и техники, а также привлечение большего числа студентов и преподавателей к научно-практической работе (получение грантов, стипендий) и т.д. [2,5]. Одними из важнейших и проблемных аспектов современного формирования учебного процесса является, на наш взгляд, информационная составляющая и достижения технического прогресса. В ходе обучения студентов выявляется ряд проблем. Это и пробелы в школьном образовании, возникшие в связи с реформой процесса обучения в школах; выпуск методических указаний, учебных пособий, учебников отстаёт от научно-технического развития; в глобальной системе Internet информация по изучаемым дисциплинам недостаточно упорядочена и систематизирована, а иногда и искажена. Практически все студенты на текущий момент имеют средства выхода в сеть Internet (персональные компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны и т.д.). Но имея средства для получения новых знаний, зачастую не имеют возможности воспользоваться этим из-за выше перечисленных причин.

Таким образом, складывается ситуация, при которой доступ к знаниям и научно-практическому развитию некоторым образом ограничен как для студентов, так и для преподавателей. Мы считаем, что выходом из данной ситуации является создание веб-ориентированной системы доступа к знаниям. Примерами таких систем являются следующие веб-приложения: MediaWiki [7], Wordpress [8], «Документы Google» [6]. Приложение MediaWiki используется в известном интернет-ресурсе Wikipedia. Преимуществами создания собственной веб-ориентированной системы доступа к знаниям являются:

- возможность глубокого поиска для пользователей;

- взаимосвязь статей (публикаций, методических указаний и т.д.) между собой за счёт гиперссылок, генерируемых автоматически;

- возможность для авторов редактировать информацию через Интернет;
- рациональное распределение ответственности авторов за содержимое статей;
- возможность для читателей интерактивного общения с авторами;
- возможность для авторов удаленной совместной работы [3].

В связи с этим нами ведется разработка интернет-ресурса, основанного на веб-приложении MediaWiki. Наполнение знаниями планируется производить с использованием как учебно-методических материалов используемых на данный момент в Пятигорском медико-фармацевтическом институте – филиале ВолгГМУ, так и вновь создаваемых. Так же планируется привлечение дополнительной литературы.

На сегодняшний день на базе сайта кафедры фармакогнозии ПМФИ формируется веб-ориентированная система, позволяющая упорядочить и расширить знания по дисциплине. Так как пополнение сведений системы является динамическим процессом, подвести конечный итог выполняемой работы не возможно. С появлением новых сведений система будет обновляться и расширяться. В основе системы лежит материал календарного плана изучения дисциплины, гиперссылки позволяют быстро перемещаться от текстовых файлов к фотографиям, видео, от ботанической характеристики к химическому составу [3], от химического состава к разделу «связь структура-активность», где можно проанализировать, как структура вещества влияет на его фармакологическую активность и т.д.

Еще одним полезным приложением данного ресурса мы считаем возможность веб-публикаций для студентов в рамках студенческих конференций проводимых кафедрами. Возможно также проведение интернет-голосований с целью выбора лучших публикаций.

Как мы знаем из мировой истории – основой жизнеспособности образовательного учреждения является библиотека. Современные технологии позволили сделать доступ к знаниям свободным и массовым, однако при этом качество информации, её достоверность и полнота оставляют желать лучшего, существует необходимость работы авторов образовательных ресурсов в тесном сотрудничестве и строгом разграничении ответственности за размещаемый материал. Мы полагаем, что развитие систем свободного доступа к знаниям станет эффективным катализатором в развитии науки и учебного процесса, позволит преподавателям и студентам вывести учебную деятельность на более современный уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронков, А.В. Совершенствование структуры учебно-методического комплекса как фактор улучшения методического обеспечения учебного процесса / А.В. Воронков, Ф.К. Серебряная // Развитие и достижение в учебно-методическом обеспечении образовательной деятельности: материалы 69-й регион. Учеб.-метод. конф. – Пятигорск, 2015. – С. 244-251.
2. Говердовская, Е.В. Ценностные ориентиры обновления содержания высшего профессионального образования на Северном Кавказе / Е.В. Говердовская, Т.В. Варфоломеева, А.Н. Каурова, А.В. Климова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. - №6. – С. 25-29.
3. Коновалов, Д.А. Интерактивный гербарий – инновационный метод обучения студентов на кафедре фармакогнозии / Д.А. Коновалов, О.И. Попова, А.С. Никитина, М.П. Глушко // Развитие и достижение в учебно-методическом обеспечении образовательной деятельности: материалы 69-й регион. Учеб.-метод. конф. – Пятигорск, 2015. – С. 277-281.
4. Мыкоц, Л.П. Интерактивные методы обучения студентов по дисциплине «Физическая и коллоидная химия» / Л.П. Мыкоц, Н.Н. Степанова, А.В. Погребняк, А.А. Глушко // Развитие и достижение в учебно-методическом обеспечении образовательной деятельности: материалы 69-й регион. Учеб.-метод. конф. – Пятигорск, 2015. – С. 155-164.

5. Цой Е.Д. Информационные технологии как средство оптимизации учебного процесса // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. - №3. – С. 70-73.
6. Google Drive [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.drive.google.com>
7. MediaWiki [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediawiki.org>
8. Wordpress [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wordpress.org>

УДК 37

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ 38.04.02 МЕНЕДЖМЕНТ, ПРОФИЛЬ «МЕНЕДЖМЕНТ В ОБРАЗОВАНИИ»

Кибизова Е.К.

INNOVATIVE APPROACHES IN FORMING LEGAL CULTURE OF STUDENTS DIRECTION 38.04.02 MANAGEMENT, PROFILE "MANAGEMENT IN EDUCATION"

Kibizova E.K.

Статья посвящена использованию инновационных подходов в учебном процессе при формировании правовой культуры студентов Северо-Осетинского государственного педагогического института. Рассмотрены трактовки дефиниции термина «инновация». В статье речь идет о правовой культуре современного российского общества. Рассмотрены особенности правовой культуры.

The article is devoted to the use of innovative approaches in the educational process in the formation of the legal culture of students of the North Ossetian State Pedagogical Institute. The interpretation of the definition of the term "innovation" is considered. The article deals with the legal culture of modern Russian society. Features of legal culture are considered.

Ключевые слова: инновации, инновационные подходы, право, правовая культура, процесс обучения

Keywords: innovations, innovative approaches, law, legal culture, learning process

Сегодня государственная политика России устремлена на создание условий, гарантирующих развитие правовой грамотности граждан.

Развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надёжной защищённости публичных интересов.

Основы направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства.

В современном российском обществе изменились требования к выпускникам высшего педагогического образовательного учреждения. Еще какое-то время назад, для характеристики квалифицированного специалиста было достаточно оценить его профессиональные качества, а сейчас, в список требований входят: знание современных информационных технологий, коммуникативная компетенция, управленческие навыки, а также правовая культура. Все перечисленные характеристики говорят о социализации и становлении личности не только как члена общества, но и в первую очередь как

профессионала. Формирование таких качественных характеристик является задачей высшей школы.

Российская правовая культура весьма специфична, на что весьма часто указывают исследователи. В настоящее время среди юристов и правоведов нет единого мнения об определении правовой культуры. В подтверждение сказанного приведём следующие определения.

Понятие «правовая культура» можно определять как с позиций права, так и с позиций культуры. Первый подход характерен для правоведов, второй – для философов. Поскольку правовая культура является обычно предметом интереса ученых-юристов, то и рассматривают ее, как правило, сквозь «юридические очки». Такой подход преобладает и в зарубежной правовой литературе, хотя в новейших публикациях там встречаются попытки исследования правовой культуры с культурологических позиций [6].

В рамках правового подхода содержание данного понятия отличается подвижностью вследствие как неоднозначности понимания права, так и не всегда четких граней между правовой культурой и правом либо правовой культурой и культурой в широком смысле.

Так, отечественные авторы нередко отождествляют правовую культуру со «всей правовой надстройкой общества» либо с его правовой системой. Примером такого отождествления может быть понимание правовой культуры как системы «овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права и их отражению в сознании и поведении людей». По сути, то же значение приобретает понятие правовой культуры, когда классификацию форм ее проявления сводят к правовым идеям, правовым нормам и институтам, правовым поступкам, правовым учреждениям. Соответственно этому выделяются и четыре состояния культуры: идеолого-психическое; нормативное, фиксируемое совокупностью норм права; поведенческое, указывающее на характер правовых действий; объективированное, закрепляющее результаты правовой деятельности.

Так, к примеру, С.С. Алексеев считает, что «правовая культура – это состояние правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики, выражающее утверждение и развитие права как социальной ценности, то есть своего рода юридическое богатство общества» [1].

П.П. Баранов и А.П. Окусов в своей работе «Аксиология юридической деятельности» указывают, что «правовая культура – это совокупность знаний и навыков, умение применять их на деле, обеспечить законность» [2].

Н.Н. Вопленко утверждает, что правовая культура – это «совокупность правовых ценностей, выработанных человечеством, отражающих прогрессивно-правовое развитие общества» [3].

На мой взгляд, правовая культура личности предполагает творческое и активное отношение к ценностям духовным правового характера. Правовая же культура общества является разновидностью культуры общей, представляет собой систему ценностей, достигнутых человечеством в области права и относящихся к правовой реальности данного общества. Система ценностей, в свою очередь, является активностью субъектов права в правовой сфере, добровольность выполнения требований правовых норм, реальность прав и свобод граждан, эффективность правового регулирования, качественные законы, совершенная законодательная техника, развитая правовая наука, юридическое образование, стабильный правопорядок, эффективная юридическая практика.

Формирование правовой культуры представляет собой сложный комплекс коммуникативно-воспитательного воздействия, состоящий из таких взаимосвязанных частей, как обеспечение осведомленности в правовых вопросах, в вопросах формирования правового сознания, а также выработка умений, навыков и привычки вести себя в строгом соответствии с требованиями морали и права. Обязательной и неотъемлемой частью правовой культуры здесь становится формирование коммуникативной культуры будущего специалиста, так как ему придется в жизни выступать добрым наставником, надежным адвокатом, справедливым судьей, грамотным юрисконсультom для детей, родителей и

руководству в образовательных учреждениях. Для этого необходимы блестящие ораторские способности, уверенность в себе, компетентность в выбранной профессии и большая любовь к детям [7].

Методика обучения праву имеет своим предметом совокупность методических приемов, средств обучения праву, формирования умений и навыков поведения в правовой сфере. Методика обучения праву позволяет совершенствовать образовательный процесс. Научить всему невозможно, вложить в головы детей важнейшие достижения различных наук – не в силах преподавателей. Куда важнее научить студентов добывать эти знания, развивать средствами обучения их интеллектуальные, коммуникативные, творческие умения, формировать научное мировоззрение. Все это делает важным сегодня использование современных образовательных технологий, которые направлены на организацию деятельности студентов, на развитие через эту деятельность их умений и компетенций.

Процессы, происходящие в современной науке, образовании, культуре актуализируются благодаря инновационным технологиям. Инноватика – междисциплинарная сфера исследований сложилась на перекрестье философии, психологии, социологии, теории управления, экономики и культурологии. Как «предметная» область инноватики – педагогическая инноватика – представляет собой важнейшее направление современной научной мысли, развитие которого обнаруживает сложность и многоаспектность феномена. В частном, узком смысле, педагогическая инноватика представляет собой один из разделов педагогики, посвященный проблемам педагогических инноваций, развертываемых в отношении субъектов современного образования.

Понятие «инновация» берет свое начало от латинского «novatio», что переводится, как «обновление». Впервые термин стал использоваться в культурологии для обозначения проникновения европейской культуры в азиатские и африканские страны посредством торговли, образования и других сфер [8].

В современном представлении «инновация» употребляется в терминологии разных отраслей наук и носит междисциплинарный характер, однако формирование терминологического аппарата ещё не завершено в полной мере и требует уточнения исследователей. Наиболее остро данная проблема стоит перед педагогами, где «инновацию» дифференцируют с «новшеством» и «нововведением».

Принято считать, что инновационная деятельность в образовании – это, в первую очередь, «научно-исследовательская деятельность в психологических и педагогических областях знания и это – системная деятельность образовательной практики по использованию научных достижений, направленных на реализацию новых социальных ожиданий, необходимых для социальной практики». Эта дефиницию примем за отправную точку наших последующих рассуждений.

Приоритетом современного российского образования является его переход к устойчивому инновационному развитию. По прогнозу ученых-аналитиков России, вступившая на путь инновационного развития, в ближайшем будущем будет неуклонно изменяться за счет инновационной составляющей; инновации, при этом, займут «ведущие позиции в фундаментальных и прикладных разработках и связанных с ними технологиях». На основе инновационных стратегий предполагается формирование инновационной культуры XXI века.

Необходимость введения инновационных технологий в образовании, а также внедрение нового Федерального государственного образовательного стандарта в аналитическом дискурсе может интерпретироваться как своевременный и актуальный знаковый жест, символизирующий веление времени. В концепции социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. значится, что одной из важных социальных задач является создание новой модели образования в Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа». В русле этой инициативы акцентируется

курс на инновационное развитие и актуализацию способностей всех участников образовательного процесса, ведь образовательный процесс, как известно, отражается на образовательном статусе и учеников, и педагогов [5].

Основными причинами нововведений в системе образования, по мнению педагогов-практиков, являются стремление специалистов «идти в ногу со временем»; в контексте проблемы совершенствования качества образования развертывание инициатив, стимулирующих развитие интереса к новым знаниям и образовательным технологиям; решая задачу повышения профессионального уровня и улучшения качества работы.

Таким образом, интенсификация инновационных процессов в педагогике социально обусловлена социальным заказом, который определяет внутрисистемные изменения. Поскольку инновации связаны с духовными потребностями человека, социальными и политическими преобразованиями, новыми явлениями общественной жизни, их появление воспринимается как свидетельство растущей потребности общества в новом качестве образования.

Успех нововведения связан с инновационным поведением, которое представляет собой действие, где проявляются личностные отношения педагога-инноватора к наблюдаемым переменам. «Выбор инновационного поведения тесно связан с уровнем предрасположенности каждого конкретного субъекта к новому, его эмоционально-оценочным отношением к нововведениям».

Инновационный путь развития связан с современным общепедагогическим дискурсом, в частности, с тенденцией гуманитаризации образования, тенденцией непрерывного педагогического образования. Для реализации этих программ необходимы соответствующие, обладающие высокой квалификацией, педагоги, наделенные способностью саморазвития, самоактуализации. Такой педагог способен стать проводником инновационной деятельности образования, как социального института.

Педагогическая инноватика предполагает совместные действия участников процесса модернизации. Внутренними стимулами педагогической инноватики выступает осознаваемая педагогическим сообществом необходимость профессионального совершенствования всего педагогического контингента в сложившихся условиях. Интенсификация инновационных процессов в педагогике обеспечивается имеющимися в теоретических исследованиях и новаторском опыте средствами, способными обеспечить его выполнение, так и со значительными изменениями в сфере сознания педагогического сообщества в целом [4].

К инновационным технологиям обучения относят: интерактивные технологии обучения, технологию проектного обучения, компьютерные технологии. Это принципиально новые способы, методы взаимодействия преподавателей и студентов, обеспечивающие эффективное достижение результата педагогической деятельности в сфере образования и воспитания.

Инновации в образовании становятся неотъемлемым элементом развития, вызваны необходимостью модернизации всей системы отечественного образования и перехода на новый уровень - образования в рамках компетентностного подхода.

К концу обучения у студентов по направлению «Менеджмент в образовании» должен быть сформирован комплекс общекультурных (способность использовать в профессиональной деятельности основные законы развития современной социальной и культурной среды, владение историческим методом, владение моральными нормами и основами нравственного поведения, способность учитывать этнокультурные и конфессиональные различия участников образовательного процесса и др.) и профессиональных (готовность организовывать различные виды деятельности: игровую, учебную, предметную, продуктивную, культурно-досуговую, способность вести профессиональную деятельность в поликультурной среде, учитывая особенности социокультурной ситуации развития, готовность применять в профессиональной деятельности основные международные и отечественные документы о правах ребенка и

правах инвалидов и др.) компетенций.

Важную роль в становлении гражданской культуры будущего педагога играет овладение им гражданскими компетенциями. Потребность в формировании гражданских компетенций вызвала необходимость внедрения новых дисциплин в учебные планы бакалавров. Одной из таких дисциплин в Северо-Осетинском государственном педагогическом институте для студентов является «Правоведение».

В рамках данной дисциплины мы формируем правовую культуру. «Правоведение» позволяет реализовать инновационные технологии, методы и формы работы, а также построить содержание учебной программы в соответствии со спецификой направления подготовки студентов и особенностями их будущей профессиональной деятельности.

Занятия, посвященные правовой культуре помогают формированию в студенте подлинно гражданских качеств-неравнодушие к проблемам общества и государства, гражданская активность и ответственность каждого человека за происходящие в государстве события, уважение к правам и законам, понимание того, что права и обязанности неразделимы, толерантное отношение к людям и патриотизм.

Целью проведения занятий по «Правоведению» является формирование у студентов гражданской компетентности. Задачами данной дисциплины является усвоение теоретических положений о правовой культуре и основных исторических этапах ее формирования, изучение правовых документов и умение анализировать нормативно-правовые акты и международные документы в сфере прав человека и гражданина; формирование умений отстаивать свое мнение и иметь активную гражданскую позицию, проявлять нетерпимость к любым видам противоправного поведения; овладение навыками диагностики правовой культуры и построение своей будущей профессиональной деятельности на основе принципов толерантности, межнационального и межкультурного диалога, глубокого внутреннего уважения к законам государства и правам человека.

Задачи учебной дисциплины направлены на формирование гражданской компетентности студентов. Для реализации поставленных задач было пересмотрено содержание всего курса.

Ключевыми темами данной дисциплины являются «Основные подходы к пониманию правовой культуры», «Структура и типы правовой культуры», «Функции правовой культуры», «Правовое государство и правовой статус личности», «Конституционные права и свободы человека и гражданина в РФ», «Правовое воспитание как средство формирования правовой культуры», «Правомерное поведение как основная форма и критерий выражения правовой культуры», «Основные исторические этапы правовой культуры России», «Профессиональная и семейная правовая культура».

На наш взгляд, основным недостатком данной учебной программы является обобщенный и обезличенный подход к преподаванию данной дисциплины на факультетах разных направлений подготовки. Считаем необходимым дифференцировать содержание программы в зависимости от факультета и направления подготовки. Так, к примеру, для студентов направления «Менеджер в образовании» целесообразно посвятить практические занятия анализу международных конвенций и российских законодательных актов, посвященных правам детей и социально незащищенных слоев населения, разбору конкретных ситуаций по нарушению права на образование, а также подготовке мероприятий по правовому воспитанию для школьников и проведению совместных круглых столов со старшеклассниками.

Отмечу, что в данной программе практически не уделяется должного внимания интерактивным формам проведения занятий, а также применению отдельных инновационных технологий. На мой взгляд, лекционные занятия можно проводить совместно с приглашенным практикующим специалистом (работником прокуратуры, местного самоуправления, министерства образования и т.д.) на занятиях по теме «Правовая культура молодежи». Также, интересной и познавательной будет лекция с элементом

«пресс-конференции». Здесь студенты могут подготовить письменно вопросы преподавателю по интересующим их проблемам в рамках заявленной темы, а преподаватель строит подачу лекционного материала как ответ на заявленные вопросы. К инновационным технологиям, которые можно успешно применять на практических занятиях в высшем учебном заведении, относятся коммуникативно-диалоговые технологии (турнир ораторов, открытая кафедра, интеллектуальная дуэль, «техника аквариума», брейнрайтинг, мастер-класс и др.), проблемно-поисковые (кейс-технологии, анализ конкретных ситуаций, творческие проекты), имитационно-игровые (деловые, ролевые игры, тренинги), арт-технологии (библиотерапия, драматерапия, изотерапия).

Таким образом, инновационные технологии на занятиях по дисциплине «Правоведение» позволяют повысить уровень общекультурных и профессиональных компетенций студентов за счет активного включения в обсуждение актуальных для российского общества проблем прав и свобод человека и проблем правового положения личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Государство и право. Учебное пособие. М., 2016. 152с.
2. Баранов П.П., Окусов А.П. Аксиология юридической деятельности. Ростов-на-Дону, 2003. 364с.
3. Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000. 52с.
4. Ефимов П.П. Педагогические условия успешности инновационного процесса в высшем учебном заведении // Педагогика высшей школы. 2015. №1. С. 26-27.
5. Кокаева И.Ю. Тубеева Ф.К. Информационная компетентность бакалавров как показатель профессионализма и педагогического мастерства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. №5. с.38-43.
6. Полухина О.П. Концептуализация понятия правовой культуры молодежи // Территория науки. 2016. № 2. С.139-144.
7. Фабриков М.С., Фортова Л.К. Особенности формирования правовой культуры студентов в условиях образовательного пространства // Научное мнение. 2016. № 15. С. 53-56.
8. Хомерики О.Г. Развитие школы как инновационный процесс: методическое пособие для руководителей образовательных учреждений. М.: Новая школа, 2011. 64 с.

УДК 37

ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

Козаева Г. Р.

FORMATION OF INNOVATIVE EDUCATIONAL SPACE IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION OF THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA

Kozaeva G.R.

С целью разработки системы мер по подготовке конкурентоспособных специалистов среднего звена автором было проведено исследование. На основе, которого автором сформирована оптимальная структура методической службы ссуза, разработано и внедрено адаптированное к условиям ссузов содержание деятельности их подразделений.

In order to develop a system of measures for the preparation of competitive mid-level specialists, the author conducted a study. On the basis of which the author formed the optimal structure of the methodical

service of the secondary vocational education, the content of the activities of their divisions, adapted to the conditions of the vocational schools, was developed and implemented.

Ключевые слова: ссуз, методическая служба, конкурентоспособные специалисты, Республика Южная Осетия

Keywords: colleges, methodical service, competitive specialists, the Republic of South Ossetia

В настоящее время система представлений о престижности рабочих профессий подверглась серьезному искажению. Все это отразилось на мышлении и поведении молодежи. Анализ теории и практики подготовки специалистов в учреждениях среднего профессионального образования Республики Южная Осетия подтвердил, что среднее профессиональное образование в Республике требует обновления и обеспечения качества, отвечающего современным требованиям [1]. Социально-экономическое положение в регионе на современном этапе привело к застою не только в образовании, но и в других сферах жизнедеятельности.

С целью разработки системы мер по подготовке конкурентоспособных специалистов среднего звена необходимо реформировать содержание образования, ввести новые образовательные стандарты с учетом регионального аспекта, разработать новую педагогическую технологию, повысить роль методических объединений [4].

Исследования, проводимые нами в условиях национального региона выявили, что готовность респондентов к инновационной деятельности достаточно низкая. Под готовностью к инновационной деятельности мы понимаем способность коллектива решать задачи образовательного учреждения в условиях современного рынка труда; умение адаптировать образовательные программы, создавать условия для освоения учащимися общих и профессиональных компетенций в соответствии с требованиями новых образовательных стандартов [2].

Из вышеприведенного следует, что ведущей потребностью руководящих работников ссуза является разработка концепции и программы инновационного развития образовательного учреждения. А это возможно только при наличии педагогического коллектива, согласованного как по целям, так и по способам их достижения, коллектива, способного к инновационной деятельности, ибо только через нее возможен переход в качественно новое состояние. Формирование коллектива такого типа сегодня вызывает большие затруднения у руководителей образовательных учреждений среднего профессионального образования Республики Южная Осетия. Для устранения существующих затруднений необходимо решить следующие задачи:

1. Организация оптимального учебно-воспитательного процесса на базе личностно-ориентированного и компетентностного подходов;
 2. Внедрение новых технологий обучения и воспитания;
 3. Развитие мировоззрения, профессионально-ценностных ориентаций, убеждений педагогов, адекватных задачам развития ссуза;
 4. Совершенствование системы мониторинга и диагностики успешности образовательного процесса, уровня профессиональной компетентности и методической подготовки педагогов.
 5. Оказание помощи преподавателям в реализации принципов инновационных и методических приемов обучения и воспитания.
 6. Организация непрерывной системы повышения квалификации педагогов;
 7. Доведение до сведений педагогов нормативных и законодательных инициатив в сфере образования;
 8. Совершенствование содержания, форм и методов обучения студентов.
 9. Применение в процессе преподавания и обучения студентов персон о дидактики
- [3].

Ожидаемыми результатами при выполнении поставленных задач будут:

1. Принятие мероприятий по развитию творческого потенциала педагогических

работников.

2. Совершенствование профессиональных качеств преподавателей.

3. Повышение уровня научной, профессиональной и методологической культуры педагогов.

4. Повышение методического и профессионального уровня преподавания учебных дисциплин.

5. Обеспечение единого образовательного пространства, расширение педагогического опыта.

6. Обеспечение методического сопровождения учебного процесса.

7. Вовлечение педагогов в инновационную деятельность.

Только при тесной взаимопомощи двух групп субъектов профессионального образования – педагогических и руководящих работников – может быть достигнута цель подготовки студентов СПО к будущей профессиональной деятельности.

Для достижения поставленной цели необходима гибкая методическая служба, содержание работы которой должно стать основой для инновационного развития образовательного учреждения и включать пять направлений деятельности: технологическое, педагогическое, научное, экспертное, управленческое.

Технологическая деятельность – это собственно методическая деятельность. Методические работники рефлексиируют педагогическую деятельность и технологически оформляют ее в виде педагогического опыта. Грамотное оформление педагогического опыта делает его технологичным, в результате он перенимается другими педагогами.

Педагогическая деятельность методической службы включает:

- оказание необходимой помощи преподавателям для перехода на новые педагогические технологии;

- обеспечение педагогов теми методами и средствами, которые помогают им снять индивидуальные затруднения.

Научная деятельность должна обеспечить связь между областями педагогической науки и практики образовательного учреждения: «войти» в пространство науки, отобрать необходимый научный продукт и трансформировать его так, чтобы он стал доступен педагогам.

Экспертная деятельность методической службы сопряжена с последней. Результатом инновационной деятельности в колледже становится множество продуктов, которые должны быть подвергнуты экспертной оценке. Возникла необходимость разработки критериев оценки труда педагогов.

В рамках *управленческой деятельности* методической службы она выступает проектантом учебно-воспитательного процесса, а также его контролером. В рамках данного направления осуществляется организация педагогических конференций и других методических мероприятий. Управленческая деятельность методической службы включает также и ресурсное обеспечение учебно-воспитательного процесса.

Перед системой образования средних профессиональных учебных заведений в настоящий момент встала проблема создания в первую очередь, «сильных» методических служб, от чьей эффективной деятельности напрямую связана подготовка высококвалифицированных специалистов среднего звена. Потребность в них определяется как внутренними, так и внешними причинами.

К внутренним, в первую очередь, относится психологическая готовность педагогического коллектива к преобразованиям. К внешним – требование современности к качеству подготовки специалиста, конкурентоспособного на рынке труда. Необходимо разработать методические центры подготовки специалистов в учреждениях среднего профессионального образования Республики Южная Осетия, которая бы способствовала подготовке специалистов, отвечающих современным требованиям рынка труда.

Для успешной подготовки специалистов необходимо создать организационно-управленческие условия в учреждениях среднего профессионального образования. Они

связаны с организацией особого инновационного климата – обстановки, в которой человек чувствует себя свободным, полностью мотивированным, готовым к творческой работе, как ведущее качество профессионально-педагогической культуры коллектива, отличающегося особым укладом жизни [5].

Управляющая подсистема (субъект управления) вырабатывает цели и осуществляет соответствующее воздействие на управляемую подсистему.

Управляемая подсистема принимает команды управления и в результате между двумя подсистемами циркулирует разнообразная информация педагогического и управленческого характера, которая необходима для инновационного развития образовательного пространства.

Для создания условий для инновационного развития ссуза необходимо распределить функций управления между звеньями системы, обеспечение оптимальных условий функционирования и последующего развития этой системы.

Ввиду того, что основная нагрузка при создании системы подготовки специалистов в условиях формирования инновационной образовательной среды ляжет на методические службы средних специальных учебных заведений, нами было организовано изучение теории и практики деятельности методической службы профессиональных образовательных учреждений системы среднего и начального профессионального образования по материалам научных исследований, методической литературы. На основе этой работы сформирована оптимальная структура методической службы ссуза, разработано и внедрено адаптированное к условиям ссузов содержание деятельности их подразделений. Для обеспечения эффективной деятельности методической службы создана необходимая нормативно-правовая база, которая включает большое количество нормативных локальных актов, регулирующих деятельность методической службы и ее структурных подразделений, коллективные и индивидуальные формы методической работы, виды учебных занятий, формы контроля качества подготовки специалистов и т.д. Процесс адаптации нового содержания деятельности методической службы сопровождался комплексом мер по созданию мотивационных условий, обеспечивающих благоприятный морально-психологический климат в коллективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джагаева Т.Е. Формирование экономической культуры личности в условиях национального региона (на примере Республики Южная Осетия). – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010. – 407 с.
2. Джагаева Т.Е., Козаева Г.Р. Создание системы качества как разработка предложений к инновационному переходу развития образовательного учреждения среднего профессионального образования (на примере Цхинвальского многопрофильного колледжа) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки 2015, N2. С. 66-70.
3. Ушаков А.А. Личностно-профессиональное саморазвитие педагога как детерминант инновационно-педагогической деятельности и повышения качества образования Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации. – 2014. – С. 481-485.
4. Якимов О.В. Инновационные подходы к организации научно-методической работы техникума / О.В. Якимов// Среднее профессиональное образование. – 2015. – № 11. – С.60-62
5. Тахохов Б.А. О направлениях совершенствования профессионально-педагогической компетентности преподавателя // Высшее образование в России. 2015. – №10. – С. 46-50.

УДК 37

СТУДЕНТ КАК СУБЪЕКТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Матосян М.Г.

STUDENT AS A SUBJECT OF LEGAL CULTURE

Matosyan M.G.

В статье рассматривается понятие «правовая культура», раскрываются особенности и проблемы формирования правовой культуры у студентов педагогического вуза. В статье анализируются условия необходимые для формирования правовой культуры студентов в профессиональном образовательном учреждении.

The article deals with the concept of "legal culture", peculiarities and problems of formation of legal culture among students of Pedagogical University. This article analyzes the conditions necessary for the formation of legal culture of students in a vocational educational institution.

Ключевые слова: культура, право, правовая культура, правовые знания, педагогическое образование, обучение, воспитание, студент.

Keywords: culture, law, legal culture, legal knowledge, teacher education, teaching, nurturing, student.

Многие проблемы нашего общества, с которыми мы сталкиваемся в условиях перехода к рыночной экономике, связаны с необходимостью усиления правовой культуры в целом. Человек должен владеть определенным уровнем правовых знаний, должен знать и уважать законы, осознанно их выполнять. Государство со своей стороны создает условия для реализации прав и свобод, гарантированных Конституцией.

Сегодня, приходится констатировать, что у современной российской молодежи низкий уровень правовой культуры. Решение поставленной проблемы видится, прежде всего, в целенаправленном формировании правовой культуры молодежи. Особую актуальность данное положение приобретает в отношении будущих специалистов в области педагогического образования, так как в их профессиональные обязанности входит воспитание подрастающего поколения.

О роли правовой культуры для общечеловеческой культуры и образования говорили многие известные ученые: Н.Л.Гранат, Н.И. Матузов, И.Ф. Рябко и др. Анализом процесса формирования правовой культуры личности занимались Е.В. Аграновская, Н.И. Азаров, В.К. Бабаев, А.Ф. Черданцев и др. Психолого-педагогические основы формирования правовой культуры личности раскрыты в трудах педагогов и психологов: П.Ф. Лесгафта, К.Д. Ушинского, П.Д. Юркевича, Б.Г. Ананьева, П.П. Блонского Л.И. Божович, Л.С. Выготского, И.С.Кона, А.С.Макаренко, В.А.Сластенина, В.А. Сухомлинского, других. Правовое воспитание в общеобразовательной школе рассматривается в трудах Г.П. Давыдова, В.М. Обухова, и др. Однако, формирование правовой культуры студента в процессе подготовки в вузе на наш взгляд недостаточно изучены.

Теоретический анализ юридической, психологической и педагогической литературы позволил выявить ряд противоречий в области формирования правовой культуры студентов. Основным является противоречие между значимостью правовой культуры как качества, характеризующего современного выпускника педагогического вуза, и отсутствием технологий формирования правовой культуры студентов в учебно-воспитательном процессе педагогических вузов.

Под правовой культурой понимается особое взаимодействие личности с органами законодательной, исполнительной и судебной власти на основе интериоризации правовых знаний, норм, ценностей, обеспечивающих ей законопослушное поведение во всех сферах повседневной жизни. [2]

Под правовой культурой студента мы понимаем совокупность правовых знаний, отношений к праву как к ценности, поведение и психолого-педагогическая готовность к проявлениям правовой культуры.

Она проявляется в знаниях и умениях в области профессиональной деятельности, а так же в повседневной гражданской жизни студента.

Опираясь на правовое сознание, правовая культура включает элементы общественного сознания и определенные варианты правового поведения людей в обществе, в коллективе. В связи с этим вопросы правовой культуры личности студента имеют не только академическое, но и практическое значение.

Правовая культура позволит будущему специалисту сориентироваться в окружающем мире, найти правильный выход из любой ситуаций, в которой требуется элементарная правовая грамотность. Знать свои права и обязанности, уметь их реализовать, уметь проявлять уважение к правам и обязанностям других людей все это входит на наш взгляд в правовую компетентность современного студента.

Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата) одной из основных общекультурных компетенций предлагает способность использовать базовые правовые знания в различных сферах деятельности (ОК-7).[7]

Преподаватель должен не только сформировать у студентов данную компетенцию, но и закрепить их реализацию в учебной, повседневной и практической деятельности. Так, И. Староверова отмечает, что все проблемы формирования их правовой культуры и реализации ими прав связаны с их отношением к своим правам и правовому поведению и возможности реализации этих прав [6].

Необходимо отметить, что формирование правовой культуры студентов происходит не только в рамках правовых дисциплин, но и в процессе освоения профессиональных дисциплин. Это расширяет знания студентов, формирует навыки аналитического мышления и т.д. Правовая культура будущих специалистов будет эффективной, при условии реализации целенаправленной установки на развитие правовой культуры студентов с широким использованием правового потенциала всех вузовских дисциплин, непрерывной педагогической практики, внеучебной деятельности студентов и т.д.

Эффективным методом формирования правовой культуры студентов может стать студенческое самоуправление. Цель студенческого самоуправления это вовлечение студентов в активную правотворческую деятельность через разработку различных нормативных документов по совершенствованию условий их профессиональной подготовки, создание социально-значимых проектов, вовлечение студентов в систему коллективных отношений, формирование у них чувства гражданственности, желания иметь собственную позицию в жизни.

Правовая культура студентов педагогических учебных заведений, является частью их педагогической культуры. Именно в вузе, через взаимодействие преподавателей и студентов на основе организации учебно-воспитательного процесса происходит формирование правовой культуры студенчества.

Объектом нашего исследования стала система профессиональной подготовки будущих специалистов в вузе, а предметом – педагогические условия формирования правовой культуры будущего специалиста в вузе.

В эксперименте участвовали студенты первых курсов факультета дошкольного и начального образования Армавирского государственного педагогического университета. В качестве аппарата диагностики использовались анкеты, опросники личной зрелости Ю.З. Гильбуха, тест Т.И. Власовой и др.

В качестве исследуемых параметров мы выделили знание права, правовое поведение и психолого-педагогическую готовность к осуществлению правовой культуры.

Результаты констатирующего эксперимента показали, что уровень правовых знаний студентов АГПУ распределился следующим образом: высокий уровень–12%; удовлетворительный –16%; низкий –58 %; минимально-допустимый – 14 %.

Показатели правового поведения студентов в принципе соотносятся с уровнем правовых знаний: высокий уровень – 13 %; удовлетворительный – 24 %; низкий – 51 %;

минимально-допустимый – 12 %.

Состояние психолого-педагогической готовности к проявлениям правовой культуры студентов в ходе эксперимента так же показал, что высокий уровень проявляется у 14 %, средний 35 %, низкий 38 % минимально допустимый 13 % исследуемых. Результаты диагностики показали, что у студентов наблюдается низкий уровень правовых знаний и умений.

Полученные результаты, свидетельствуют о недостаточном уровне правовой культуры студентов вуза, что объясняется во многом возрастными особенностями и системой обучения студентов-первокурсников.

Безусловно, содержание школьного образования отстает от потребностей современного общества. Правовое воспитание в школах либо отсутствует, либо носит несистемный характер. Право как учебный предмет в школах отсутствует, учитель - права не востребован. Выпускники школ не обладают достаточным уровнем правового мышления, правовые знания оторваны от реальности, это приводит к инертности мышления уже у студентов-первокурсников.

Следовательно, работа по формированию правовой культуры должно осуществляться на всех этапах обучения человека, начиная с общеобразовательной школы. Современные студенты сегодня скорее являются объектом, а должны стать субъектом правовой культуры

Подводя итог такому пилотажному исследованию необходимо отметить, что по всем трем выделенным нами аспектам — знанию права, правовому поведению и психолого-педагогической готовности на момент окончания эксперимента были подготовлены рекомендации кураторам, преподавателям, заместителями деканов по воспитательной работе и т.д.

Проведенное исследование позволило разработать ряд рекомендаций по повышению и формированию правовой культуры студентов:

- создать условия для усвоения студентами правовых знаний,
- развития у студентов базовых социальных компетентностей;
- усиление правовых аспектов в курсах социально-гуманитарных дисциплин;
- создание условий для саморазвития студенчества;

Через правовое обучение, правовое просвещение, правовую пропаганду можно и нужно формировать гражданскую зрелость, высокую социальную активность, включенность студентов в экономические, духовные, демографические и другие процессы не только будущее молодежи, но и будущее всего общества находится под угрозой.

Рост материального и культурного уровня жизни общества, ценностные ориентации личности влияют на уровень правовой культуры, но и через содержание учебно-воспитательного процесса можно формировать правовую культуру будущих специалистов.

Актуальность рассмотренных в статье проблемы формирования правовой культуры студентов педагогических вузов, обусловлена социальным заказом общества на подготовку высококвалифицированных специалистов в соответствии с международными стандартами образования.

Проведенное исследование, позволило убедиться в правомерности выбранного нами пути моделирования процесса развития правовой культуры и позволило выделить ряд условий необходимых для формирования правовой культуры студентов в педагогическом вузе:

- методы обучения, должны быть ориентированны на освоение правовых знаний и умений, осуществляемых на всех курсах обучения;
- студент должен осознавать себя личностью и уметь свободно реализовать свои права и обязанности;
- должны быть сформированы коллективные взаимоотношения всех субъектов образовательного процесса в рамках правового поля.

У студента должна быть выработана личностная и профессиональная позиция,

позволяющая ему ориентироваться и принимать самостоятельные решения в любой ситуации.

В данной статье представлены лишь некоторые вопросы формирования правовой культуры студентов вуза. Дальнейшее изучение может быть посвящено вопросам изучения правовой культуры на уровне различных социальных групп, представляющих современную российскую молодежь; зависимости уровня развития правовой культуры от различных личностных и социальных факторов.

Несмотря на множество существующих проблем в высшей школе, работа ректората, работа всего педагогического коллектива и особенно преподавателей юридических дисциплин должна быть направлена на формирование правовой компетентности студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1.Алешина Е.А. Формирование правовой культуры в процессе юридического образования: автореф. дис.. канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. 29 с.

2.Вольская С.Ф., Зайцев А.А. Проблемы формирования правовой грамотности студентов технического вуза. Вестник МГТУ, том 9, № 4, 2006. – С. 591.

3.Жигулин А.А, Правовая культура студентов как социальный феномен // Психология, социология и педагогика. 2012. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/03/247> .

4.Осипов М.Ю. Правовая культура и механизм ее формирования // Журнал российского права. 2012. № 1. С. 75-79.

5.Савин В.Н. Правовая культура студентов в современных условиях: социологический анализ. Екатеринбург. 2011. – С. 12.

6.Староверова И.В., Староверов В.И. Девиация правосознания и правоповедения российской молодежи. Монография / М., РИЦ ИСПИ РАН, 2008, С. 10-18.

7.Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки по направлению 44.03.01. педагогическое образование(уровень бакалавриата). Утвержден приказом министерства образования и науки Российской Федерации от «22» декабря 2009 г. № 788

УДК 37

ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ - БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ К ИНКЛЮЗИВНОМУ ОБУЧЕНИЮ

Сидамонти Э.Т.

FORMATION OF STUDENTS - FUTURE TEACHERS OF PROFESSIONAL COMPETENCE TO INCLUSIVE TRAINING

Sidamonti E.T.

В статье раскрываются современные способы и методы формирования профессиональных и личностных компетенций у будущих учителей, необходимых в условиях инклюзивного образования. На основе теоретического анализа и изучения требований профессионального стандарта педагога, автор делает выводы об эффективных способах формирования такой компетентности в современном педагогическом вузе.

The article reveals the modern ways and methods of forming professional and personal competencies for future teachers, which are necessary in conditions of inclusive education. Based on the theoretical analysis and study of the requirements of the teacher's professional standard, the author draws conclusions about the effective ways of forming such competence in a modern pedagogical college.

Ключевые слова: инклюзивное образование, компетентностный подход, профессиональная подготовка.

Keywords: inclusive education, competence approach, vocational training.

Гуманистическая направленность в сфере образования в нашей стране призвана обеспечить каждого ребенка благоприятными условиями для развития и обучения с учетом его индивидуальных потребностей и способностей. Поэтому у нас в стране, как и во всем мире, устраняются барьеры между коррекционными и обычными классами, а также между специальными и общеобразовательными организациями. Известно, что многим категориям детей-инвалидов доступ в массовую школу был закрыт.

Инклюзивное обучение детей с особенностями развития совместно с их сверстниками – это обучение разных детей в одном классе, а не в специально выделенной группе (классе) при общеобразовательной школе [1].

Инклюзивное образование - более широкий процесс интеграции, подразумевающий одинаковую доступность образования для всех детей и развитие общего образования в плане приспособления к различным нуждам всех детей.

Зарубежная практика инклюзии в образовании имеет богатый опыт [2]. В нашей стране, как отмечают специалисты, существует серьезная проблема ее реализации и отсутствие необходимых профессиональных и личностных компетенций у учителей для работы в инклюзивной среде.

Достаточно вспомнить труды Национального Института совершенствования городского образования США: «Improving Education. The Promise of Inclusive Schools» (Совершенствование образования), «Sue Stubbs. Inclusive Education Where There are few resources» (Инклюзивное образование при ограниченных ресурсах) и др.

Вопросами инклюзивного образования в России занимались И.И. Лошакова, Е.Р. Ярская-Смирнова, Д.В. Зайцев, В.Р. Шмидт. Психолого-педагогические особенности развития детей с ограниченными возможностями здоровья исследовали Л.И.Акатов, В.В.Лебединский, Е.М. Мастюкова, М. С.Певзнер и др. А условия подготовки учителей к работе в условиях инклюзивного образования только разрабатываются (М.И. Дьяченко Л.А. Кандыбович, Н.В.Кузьмина, В.А. Слостенина, Е.Г. Шаина и др.).

Профессиональная педагогическая подготовка студентов - процесс и результат освоения субъектами обучения системы профессиональных знаний; развития методологической культуры, формирования основных общепедагогических умений (аналитико-диагностических, проектировочных, прогностических, конструктивно-организационных, коммуникативных, рефлексивных), развития важнейших профессионально-личностных качеств (любви к детям, эмпатии, толерантности, рефлексии, эмоциональной устойчивости и др.), становления на этой основе профессиональных ценностных ориентаций и личного педагогического кредо. На основании выше сказанного мы определяем готовность будущего учителя к работе с учащимися в условиях инклюзивного образования, как совокупность знаний и представлений об особенностях учащихся с ограниченными возможностями здоровья, владение способами и приемами работы с этими учениками в условиях инклюзивного образования, а также сформированность определенных личностных качеств, обеспечивающих устойчивую мотивацию к данной деятельности [3].

Мы выделяем следующие компоненты готовности будущего учителя, необходимые для работы с обучающимися в условиях инклюзивного образования:

-мотивационный - это совокупность стойких мотивов к работе в условиях инклюзивного образования, направленность к осуществлению эффективного процесса обучения, признание каждого ученика субъектом учебной деятельности, формирование внутренней готовности к позитивному восприятию учеников с ограниченными возможностями здоровья;

- когнитивный - система знаний и представлений о проблеме инвалидности, особенностях психического и физического развития лиц с ограниченными возможностями

здоровья и особенностях построения педагогического процесса с такими учащимися;

- креативный - отражает творческую активность и личностные особенности педагога, позволяющие создавать новые материальные и духовные ценности, а так же развивать творческий потенциал учащихся с ограниченными возможностями, руководствуясь их возможностями;

- деятельностный - состоит из способов и приемов реализации профессионально-педагогических знаний в работе с лицами с ограниченными возможностями здоровья и предполагает формирование у будущих учителей соответствующих профессиональных компетенций.

Однако, многие учителя не имеют профессиональной подготовки к работе с детьми с различными отклонениями. Более того, наши исследования показали, что проблема подготовки педагогов к работе с детьми с проблемами в развитии в условиях инклюзивного образования в вузах недостаточно разработана. Для достижения этой цели была разработана модель подготовки будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования, которая включает в себя три взаимосвязанных блока:

1. Учебные дисциплины: «Возрастная и педагогическая психология», «Основы специальной педагогики и психологии»;

2. Курсы по выбору «Психодиагностика», «Конфликтология»;

3. Психолого-педагогическая производственная практика в образовательных организациях комбинированного типа, где имеются классы коррекции, компенсации и выравнивания.

Учебная дисциплина «Возрастная и педагогическая психология» знакомит студентов с понятиями «норма», «возрастная норма», формирует способность прогнозировать, проектировать, конструировать, планировать, организовывать, рефлексировать педагогическую деятельность, обеспечивающую развитие личности ребенка с особыми образовательными потребностями, формирует готовность к психолого-педагогическому сопровождению процессов формирования общей культуры личности, социализации и профессионального самоопределения лиц с особыми образовательными потребностями в условиях инклюзивного образования; готовит к взаимодействию с другими специалистами в рамках создания единого коррекционного психолого-педагогического пространства, обеспечивающего образование и социализацию лиц с отклонениями в развитии; создает способность проводить систематическую работу с родителями путем вовлечения их в решение реабилитационных и коррекционно-педагогических задач обучения и воспитания детей с особыми образовательными потребностями. Основной целью учебной дисциплины «Основы специальной педагогики и психологии» является подготовка будущих педагогов к осуществлению психологической работы с детьми, имеющими отклонения в развитии.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующую систему задач: изучить проблемы нарушений в психофизическом развитии детей дошкольного и школьного возраста и инклюзивного образования в целом; ознакомить со схемой диагностического обследования детей с проблемами в развитии различных категорий; овладеть методами психологической коррекции отклонений в развитии детей различного возраста; разработать программы работы для педагогов по изучаемой проблеме; закрепить полученные теоретические знания и применять их на практике.

Курс охватывает достаточно широкий диапазон тем, начиная с основ работы с детьми с проблемами в развитии, их диагностики и заканчивая рассмотрением особенностей коррекционно - развивающей, профилактической и реабилитационной работы данной категорией детей.

Особое внимание уделяется практическим аспектам работы с детьми с различными видами отклонений: нарушением зрения, слуха, интеллекта, задержкой психического развития и ранним детским аутизмом, а также нарушением функций опорно-двигательного аппарата.

Цель курсов по выбору «Психодиагностика», «Конфликтология» заключается в

формировании готовности: проводить комплексное психолого-педагогическое изучение ребенка, имеющего отклонения в развитии, ориентированное на определение целей, задач и направлений коррекционной работы; организовать совместную и индивидуальную деятельность детей с разными типами нарушенного развития в соответствии с их возрастными, сенсорными и интеллектуальными особенностями; применять рекомендованные методы диагностики; конструктивно решать конфликты между детьми, имеющими отклонения в развитии, и другими учащимися. Практическим применением полученных компетенций стало прохождение непрерывной производственной практики в массовых средних общеобразовательных учреждениях комбинированного типа, предусмотренной ФГОС ВО.

Таким образом, решение проблемы подготовки будущих педагогов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья позволит интенсивно вводить инклюзивное обучение в стране; повысит уровень профессиональной компетентности выпускников, т.е. удовлетворит запросы всех потребителей образовательных услуг - личности, общества, государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев Д.В. Проблемы обучения детей с ограниченными возможностями здоровья // Педагогика. 2003. №1. С. 21-30.

2. Кокаева И.Ю. Компетентностный подход при формировании здорового и безопасного образа жизни обучающихся // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. №5. с.43-46.

3. Сидамонти Э.Т., Кокаева И.Ю. Поликультурная образовательная среда как условие социально-эмоционального развития детей с ограниченными возможностями здоровья // Сборник студенческих научных статей / Молодежь и наука: Материалы X-ой региональной студенческой научной конференции, посвященной 90-летию СОГПИ. Выпуск X. В двух частях. Ч.1. Сев. Осет. гос. пед. инс-т. Владикавказ: Изд-во СОГПИ. 2014. С.58-63.

УДК 37

РОЛЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КУРСА «КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ»

Талхигова Х.С.

THE ROLE OF ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES AT COURSE STUDYING "CONCEPTS OF MODERN SCIENCE"

Talhigova Kh.S.

В статье рассматривается компьютерное обеспечение студентов бакалавриата, где особое место занимают электронные образовательные ресурсы (ЭОР), используемые в курсе «Концепции современного естествознания».

The article deals with computer software undergraduate students, which occupy a special place electronic educational resources (ESM), used in the course "Concepts of modern science."

Ключевые слова: электронные образовательные ресурсы, кафедра теоретической физики, мультимедийные объекты.

Keywords: electronic educational resources, Department of Theoretical Physics, multimedia objects.

Как подчеркивается в концепции модернизации российского образования, основным

результатом деятельности образовательного учреждения должна стать личность обучаемого. Выпускники высших учебных заведений должны быть профессионально компетентны в оценке процессов, происходящих в обществе, владеть глубокими научными знаниями, быть способными на постоянное саморазвитие и самосовершенствование. В связи с этим возникает необходимость освоения современных технологий обучения, таких как интерактивные, информационно-коммуникативные, личностно-ориентированные [1].

На современном этапе развития российского образования актуализируется проблема создания единой образовательной информационной среды на основе информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Решение этой проблемы предполагает существенное изменение содержания, методов и организационных форм высшего профессионального образования, причем на первый план выдвигаются такие сложные проблемы как развитие содержания образования в контексте перевода социальной памяти на электронные носители; поиск оптимального соотношения традиционных и инновационных форм и методов организации образовательного процесса. В современных условиях система образования должна быть переориентирована на подготовку специалиста, обладающего новыми навыками взаимодействия с социальной памятью, иным мировоззрением, адекватно отражающим динамично меняющееся экономическое, технологическое и социокультурные условия функционирования социума [2].

В этих условиях специалисту необходимо ориентироваться в широком спектре современных инновационных подходов к конструированию учебных материалов нового поколения. Подготовка новых видов учебных материалов, изменение их функций и способов использования в образовательной практике является одной из составляющих модернизации образования [3].

Необходимо хорошо зарекомендовавшие себя формы, методы и приемы обучения дополнять новыми, более эффективными в обучении дисциплин.

К таким мы относим использование в учебном процессе электронных образовательных ресурсов (ЭОР).

Из всех существующих в настоящее время средств обучения только электронные образовательные ресурсы могут составить конкуренцию преподавателю, поскольку могут быть носителями содержательного учебного взаимодействия.

Залог успешного применения электронных ресурсов в современном образовательном процессе заложен в хорошо известных принципах педагогики сотрудничества, которые можно перефразировать следующим образом: «Не к компьютеру за готовыми знаниями, а вместе с компьютером за новыми знаниями» [4].

Существует разнообразное количество электронных образовательных ресурсов, и по степени отличия от традиционных полиграфических учебников их очень удобно классифицировать. Самые простые из них – это текстографические. Их основное отличие от книг, проявляется в том, что материал представляется не на бумаге, а на экране.

Вторая группа ЭОР тоже текстографические, но имеют существенное отличие в навигации по тексту. Страницы книги мы можем читать последовательно, осуществляя, таким образом, так называемую линейную навигацию. При этом достаточно часто в учебном тексте встречаются термины или ссылки на другой раздел того же текста. В таких случаях книга очень неудобна. В ЭОР это можно сделать гораздо быстрее и, не прилагая, каких либо усилий: указать незнакомый термин и тут же получить его определение.

Третий уровень ЭОР – это ресурсы, целиком состоящие из визуального или звукового фрагмента. Наиболее существенные, принципиальные отличия от книги имеются у мультимедиа ЭОР. Это самые мощные и интересные для образования продукты.

Электронные образовательные ресурсы – это электронные мультимедийные учебные пособия, для воспроизведения которых используются электронные устройства [5].

Дисциплина «Концепции современного естествознания» (КСЕ) базируется на основных концепциях физики. В Чеченском государственном университете (ЧГУ) курс КСЕ разбит на две части. В первом семестре студенты изучают концепции современной физики

и математики. Во втором семестре рассматриваются вопросы, касающиеся химии и биологии.

Кафедра теоретической физики ЧГУ обеспечивает преподавание первого раздела курса КСЕ.

Фундаментальная подготовка современного специалиста – гуманитария немислима без ознакомления его с историей и современным состоянием естественнонаучного познания. Именно курс «Концепции современного естествознания» призван дать широкую панораму истории естествознания, и общих элементов современной естественнонаучной картины мира, мировоззренческих и методологических представлений, формирующихся в нашу эпоху в недрах естествознания.

Преподавание дисциплины «Концепции современного естествознания» строится исходя из требуемого уровня мировоззренческой подготовки студентов в высшей школе, развития их интеллекта и творческого мышления, общей культуры.

При изучении курса «КСЕ» студенты должны иметь представления о том, как развивалось научное познание, каково строение мира, как возникла Вселенная, что такое жизнь, каково место человека в мире – вот только несколько вопросов, которые освещают этот курс. Знание и понимание концепций современного естествознания дает человеку свободу ориентации в мире.

При изучении дисциплины «Концепции современного естествознания» применение ЭОР в учебном процессе имеет целый ряд положительных особенностей. Применение ЭОР создает дополнительные возможности для расширения информационной поддержки занятия и создания необходимой степени наглядности, которого часто не хватает в традиционном преподавании дисциплины «Концепции современного естествознания». Для достижения максимальной наглядности можно использовать мультимедийные объекты: видео, слайд-шоу, динамические модели физических явлений. Кроме того, при использовании ЭОР возникает дополнительные возможности для реализации дифференцированного подхода к студентам.

Основные характеристики электронных образовательных ресурсов для обучения:

- насыщенность учебных материалов высококачественными цветными иллюстрациями, что позволяет не только увеличить скорость передачи информации обучаемому, но и повысить уровень ее понимания;

- возможность использования интерактива, когда каждый объект на экране способен видоизменяться в реальном режиме времени и взаимодействовать с другими объектами, а также использование методов, привлекающих и удерживающих внимание, например, движение объектов, поэтапное открывание;

- возможность выделения с помощью цвета, шрифта опорных, ключевых моментов, несущих основную смысловую нагрузку;

- представление информации с помощью различных блок-схем, диаграмм, направленных на удобство восприятия;

- сочетание зрительной и звуковой стимуляции. Информация, представляемая обучаемому одновременно в нескольких видах, воспринимается более эффективно;

- возможность проиллюстрировать сложные процессы, явления, динамические объекты, их отдельные элементы с помощью анимации, что кардинально расширяет возможности учебного процесса [6].

- Основные принципы представления информации в электронных образовательных ресурсах: разбиение учебного материала на отдельные модули, блоки; расположение материала компактно, в определенной системе для лучшего восприятия; выделение смысловых опорных пунктов для эффективного запоминания; использование когнитивных графических учебных элементов [7].

Таким образом, мы приходим к выводу, что процесс создания ЭОР для обучения по конкретной дисциплине – весьма трудоёмкое занятие, подчиняющееся определённым правилам, но при этом обучение с использованием подобных средств создает условия для

эффективного проявления фундаментальных закономерностей мышления, способствует более успешному восприятию и запоминанию учебного материала, позволяет активизировать умственную деятельность, глубже проникать в сущность изучаемых явлений, обеспечивает единство развития студентов с техническим и вербальным мышлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Талхигова Х.С. Пути построения физического эксперимента в вузе / Х.С. Талхигова // Экономические и гуманитарные исследования регионов: Научно-теоретический журнал. 2015. №5. Р. н/Д. – С. 57-60.
2. Талхигова Х.С. Некоторые аспекты использования электронных образовательных ресурсов нового поколения в профессиональной подготовке студентов бакалавриата // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной науки». Уфа: РИЦ БашГУ. 2013. – С. 133-136.
3. Талхигова Х.С. Электронные образовательные ресурсы нового поколения в подготовке студентов бакалавриата // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. №2. – С. 141-145.
4. Талхигова Х.С. Электронные образовательные ресурсы в профессиональной подготовке студентов бакалавриата / Х.С. Талхигова // Экономические и гуманитарные исследования регионов: Научно-теоретический журнал. 2011. №4. Р. н/Д. – С. 54-59.
5. Талхигова Х.С. Электронные образовательные ресурсы как средство повышения эффективности обучения дисциплины «Медицинская и биологическая физика» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Школа, ВУЗ: Современные проблемы математики, информатики и физики». Грозный, 2013. -С.267-272.
6. Талхигова Х.С. Использование электронных образовательных ресурсов в учебном процессе // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Новые информационные технологии в науке». Ч.2 – Уфа: Аэтерна, 2015. – С.170-173.
7. Талхигова Х.С. Электронные образовательные технологии в профессиональной подготовке бакалавров по направлению «Физика» // Автореферат дисс...канд. пед. наук.- Махачкала, 2012.- 26 с.

УДК 37

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Тахохов Б.А.

ETHNOCULTURAL CONTEXT OF VERBAL

Takhokhov B.A.

В современном информационном обществе коммуникация становится важнейшим компонентом человеческого существования, поэтому исследование речевого общения, манифестирующего личность с точки зрения коммуникативной компетентности, общей и специальной образованности, возраста, национальной принадлежности, темперамента, здоровья, эмоционального состояния, следует признать весьма актуальной. В связи с этим рассматриваются такие аспекты исследуемого феномена, как национальное своеобразие структуры языка, педагогическая целесообразность введения этнокультурной информации в процесс межкультурной коммуникации, структурно-семантический подход к выявлению закономерностей формирования билингвального сознания личности.

In today's information society, communication becomes an essential component of human existence, so the study of verbal communication, manifestirujushhego personality in terms of communicative competence, General and special education, age, national origin, temperament, health, emotional state, admittedly very relevant. In this regard, dealt with such aspects of the investigated phenomenon, as national identity language structure, educational feasibility of ethno-cultural information in intercultural communication process,

structural-semantic approach to the identification of regularities of formation of bilingual consciousness of personality.

Ключевые слова: этнокультурная информация, национально-культурный символ, межкультурная коммуникация, менталитет, лингвострановедение, экстралингвистический контекст, межъязыковые элементы.

Keywords: ethno-cultural information, national-cultural symbol, intercultural communication, mentality, linguistic, extra-linguistic context Interlingua elements.

По своей природе речевое общение имеет национально-культурную специфику, в которой отражаются различия и совпадения в вербальном (словесном) и невербальном (кинетическом) поведении носителей тех или иных языков. Анализ речевого поведения может быть дан лишь при понимании феномена культуры как адаптирующего механизма, взаимодействующего с речевыми и этническими (био-психо-социальными) особенностями.

Можно сказать, что описание различных проявлений вербального и невербального поведения индивида плодотворно в рамках триединства «этнос – язык – культура», что позволяет судить не только о поверхностных проявлениях, но и глубинных структурах, управляющих ментальным поведением представителей тех или иных лингвокультурных общностей и формирующих у них определённую картину мира.

Этнокультурная, национально-образная специфика речевого общения проявляется, как правило, при сопоставлении изучаемых языков.

Несовпадения национальных картин мира нивелируются, если руководствоваться концептуальной моделью мира, ориентируясь на которую люди понимают друг друга, несмотря на то, что зачастую живут в различных социальных и географических условиях и говорят на разных языках. Возможность взаимопонимания объясняется тем, что мышление как свойство высокоорганизованной материи универсально, но в содержании, особенно в языковых формах есть национально-специфическое. Современные психологи, вслед за Л.С. Выготским, в основном придерживаются того мнения, что национальное своеобразие семантических структур объясняется не тем, что язык доминирует над мышлением, а тем, какие явления формируются в процессе труда, познания и общения людей [1].

Сопоставление словарного состава одного языка с другим обнаруживает раньше всего эквивалентную лексику, которая соотносится с одними и теми же предметами и понятиями, характерными для других языков. Именно эти слова в количественном отношении доминируют в каждом языке, что связано с идентичными процессами мышления людей безотносительно к их национально-языковой принадлежности, и это позволяет адекватно именовать предметы. Однако словарный состав, одинаковый для всех языков, который можно назвать общечеловеческим, различается побочными, эмоционально-образными значениями, которые проступают при сопоставлении языков, в процессе перевода художественных произведений, но значения слов в каждом языке изменяются постоянно: происходит метафоризация, расширение или сужение семантики, переосмысление, изменение стилистической природы слова и т.п. Вот эти изменения, как правило, не совпадают в разных языках, в связи с чем можно сказать, что развитие языка лучше любой исторической справки отражает человеческие судьбы, интересы, нравы, обычаи, верования, способы мышления. Познание как основных, так и побочных значений слов помогает постичь сущность культуры данного народа, наиболее ярким показателем которой всегда был и будет язык. Лексика языка является открытой системой, подвижной, восприимчивой к изменениям в жизненном укладе народа и его ценностях. Многие предметы и явления действительности, имеющие строго определённое значение, в общении обозначаются лёгким намёком, мимолётным упоминанием в расчёте на однозначность восприятия собеседником тонких эмоциональных нюансов и оценочного отношения говорящего. Недостаточно подготовленный представитель другой культуры может неадекватно воспринять образ, лежащий в основе таких слов. Определённые явления природы, обозначаемые метафорами «белые ночи», «первый снег», «белая берёза» и другие

в силу их частого употребления приобретают особую символику и становятся частью мироощущения русского этноса и - шире - российского человека, но эти образы у других народов могут не вызывать соответствующего понимания.

При обучении языкам главным является социально-педагогическое обеспечение и реализация на практике единства менталитета, культуры и языка, обусловленных друг другом и создающих определенную систему.

Метафоричность мышления зарождается в национальном образном восприятии мира, которое определяет значения слов; переносно-метафорический смысл закрепляется в процессе употребления языка, создавая национально-культурный символ. Комментирование этих символов позволяет понять, каким видится мир носителям разных языков, и побочные смыслы и значения в компонентном составе слова лучше всего выступают в процессе сопоставления языков. Различное восприятие характерно для разных носителей культур, что важно при изучении межкультурной коммуникации. Например, в русской культуре «берёза» вызывает неизбежные ассоциации с родиной, женственностью, а для кубинца символом родины являются пальма и сахарный тростник. Русские выражения «злой, как собака», «сдох, как собака», «собаке собачья смерть», «собака лает - караван идёт» и др. со словом «собака» несут яркий негативный смысл, а в испанском языке «собака» имеет значение послушного животного («*de mano, como el perro* - ручной, как собака», «*obediente, como el perro* - послушный, как собака») [2]. Большинство эквивалентов разных культур, в которых проявляется национальное своеобразие, принадлежит словарному составу, лексическим средствам, с помощью которых описывается человек, воссоздаётся окружающий его мир. На возникновение же своеобразия в символизации эквивалентных слов влияют следующие факторы: образ жизни населения, фольклор, литература, этнокультурные традиции, географические и климатические условия, исторические особенности и связи данного народа, характерологические черты лингвокультурной общности. Анализ национально-культурных особенностей словарного состава позволяет создать представление о национальной картине мира данного народа.

В процессе обучения межкультурной коммуникации необходимо учитывать национально-культурный аспект семантики как полностью эквивалентных лексических единиц, так и слов, совпадающих частично или не совпадающих. Например, дефиниция русского слова с позиций контрастивной лингвистики при обучении испанскому языку будет в ряде случаев отличаться от дефиниции этого же слова или афоризма при обучении немецкому языку. Эти возможные несовпадения и несоответствия объясняются наличием национально-культурной специфики, проявляющейся в слове. Об опасности игнорирования фоновой информации предупреждал классик языкознания А. Мейе, подчёркивавший, что нельзя понять язык, не имея представления об условиях, в которых живёт народность, говорящая на этом языке [3].

На проблему существования этнокультурных знаний обратил внимание исследователь языковых контактов и явления билингвизма Э. Хауген, который констатировал: «Точно так же, как бывают языковые акценты, бывают и акценты в отношении культуры, являющиеся следствием интерференции сталкивающихся моделей поведения, и от них бывает так же трудно (или нежелательно) избавиться, как и от языковых акцентов»[4, с.62].

Этнокультурная информация актуальна и в лексикографической практике. По этому поводу лексикограф Ю. Найда замечает: «Сказать, что слово имеет значение «до свидания», ... относительно бесполезно, если мы не знаем, при каких обстоятельствах это произносится: в какое время дня или ночи, на какой срок предполагается расставание, с какого рода людьми, до или после других слов прощания, в сочетании с какими жестами, интонацией, голосовыми данными и т. д.» [5, С.38].

Формы и условия поведения, существенные для речи, стали предметом исследования специалистами в контексте лингвострановедения, предмет которого представлен в виде социальной истории коммуникантов, состоящей из мировоззренческих взглядов, этических

оценок, эстетических вкусов, образованности, культуры [6].

Проблема этнокультурных ценностей весьма актуальна и для теории перевода, так как социальный контекст лежит в основе восприятия или коллективной оценки. Отсюда вытекает понятие «детерминантов процесса перевода», которое построено на отрицании изоляционистского подхода к процессу перевода, учитывающего только формально-структурные или художественно-эстетические критерии без необходимых ссылок на этнокультурные источники, что лишает любой текст его объяснительной силы.

Понимание того, что считать педагогически целесообразными и релевантными этнокультурными знаниями для теории и практики обучения, является весьма актуальным в силу необходимости практического овладения коммуникативной культурой на уровне, достаточном для адекватного понимания собеседника и порождения правильной, убедительной, образной речи. В связи со сказанным следует иметь в виду, что этнокультурная информация, становясь частью языковой коммуникации, порождения речевого высказывания, делает речь «нелингвистической»: с одной стороны, обогащает её, с другой - создаёт некое историко-культурное поле, выходя за пределы филологии. Такова природа языка, воплощающего не только мыслительное содержание человеческого сознания, но и культурные, социальные, исторические, эстетические и этнические ценности, создающие его этнокультурный контекст [7].

Педагогическая целесообразность введения этнокультурной информации в речевое общение вызывается тем обстоятельством, что даже минимальный языковой отрезок может заключать максимальный экстралингвистический контекст. Например, слова школа и school, являясь межъязыковыми лексическими понятиями, имеют дополнительные значения, сложившиеся в русской и англо-американской культурах. Для нас «школа» может быть начальной, средней, музыкальной, художественной и т. д., а для англичанина или американца к school приложимы определения infant (т. е. для малышей), junior (буквально: младшая), technical (техническая) и public (общественная). Не знающий семантику этого слова в английском языке делает буквальный перевод: public schools - общественные школы, но public schools - как раз не общественные, а частные, платные [8]. Этнокультурная информация не исчерпывается языковым сознанием, значениями языковых знаков, выступающих материальным субстратом идеального содержания, формой фиксации обобщённого отражения действительности, но в нее входят умения как обобщённый образ действий, нормы поведения и т.п. По мнению А.Н.Леонтьева, «онтогенетический процесс формирования человеческой психики создаётся не воздействием самих по себе словесных раздражителей, а является результатом специфического процесса присвоения, который определяется всеми обстоятельствами развития индивидов в обществе» [9]. Культурно - языковое сознание и значение слова как его часть являются формой фиксации общественного опыта людей, этнокультурных знаний. Значения принадлежат не словам, а сознанию, так как они не могут существовать вне той высшей формы материи, продуктом которой они являются, т. е. вне мозга коммуникантов - говорящего и слушающего. Значение слова само по себе не есть лист знаний, а лишь форма удержания знания в индивидуальном сознании с последующим его предъявлением. Сказанное означает, что одним и тем же общественным опытом, одним и тем же знанием об окружающем мире можно овладеть в форме различных значений. С этой точки зрения интересно сравнение русского и немецкого языков, а именно, тот пласт, который создаёт их неповторимость и придаёт речи образность, красоту, лаконичность - устойчивые обороты, афоризмы, пословицы и поговорки. Выбор данного уровня языков объясняется тем, что ассоциативные возможности, отражающие национальное мироощущение народа, реализуются, прежде всего, в устойчивых словосочетаниях и предложениях, референты которых естественны, обычны, понятны для носителей языка и символически легко переосмысляются. Разнообразие мышления народов, отражённое в языке на ядерном, глубинном уровне, раскрывается в национально-образных языковых средствах и может быть адекватным способом передано на другом языке. Используя структурно-семантический подход к выявлению речевых

закономерностей, можно обнаружить большое количество сходств, что объясняется генетической близостью языков и культур - и русский и немецкий относятся к индоевропейской семье языков, взаимовлиянием, заимствованием и определённым духовным родством. Например: играть роль - eine Rolle spielen, голодный как волк - hungrig wie ein Wolf, до гробовой доски (быть верным, любить, преклоняться и т.д.)- bis tiber das Grab hinans, в костюме Адама (без одежды, совершенно голый) – Im Adamskostum, наводить мосты (устанавливать дружеские отношения) – Brucken schlagen, играть с огнем (рисковать преднамеренно) – mit dem Feuer spilen, только через мой труп (быть неуступчивым в чем – либо) – nur uber maine Leiche и др.[10]. Сравнительно-историческое исследование каждого образного оборота того или иного языка, его изначального употребления может пролить свет на источник устойчивого выражения. Не исключается, что такие выражения восходят к единому индоевропейскому или славяно-германскому языку-источнику. Такие устойчивые обороты относятся к межъязыковым: их структурно-семантическое тождество устанавливается как непосредственным, так и косвенным сопоставлением - через план содержания в их регулярном употреблении, например: подливать масла в огонь (кого-то разозлить сильнее дополнительными доводами) - Ol ins Feuer giesen, между Сциллой и Харибдой (находиться между двумя опасностями) – zwischen Scylla und Charybdis, подставить ногу/ножку (помешать кому – то) - ein Bein stellen, поклоняться золотому тельцу (быть корыстным, признавать только силу денег) - das golden Kalb anbeten и др.

Каждый афоризм создавался и шлифовался в течение долгого времени и в нём сконцентрирован этнокультурный опыт, совокупность определённой фоновой информации, знание которой обязательно для коммуникантов.

Например, физиологическое проявление психических состояний человека в русском и немецком языках обозначаются такими афоризмами: скрежетать зубами (злиться)- mit den Zahnen knirschen; стереть в порошок (сильно наказать, уничтожить) – zu Kleinholz bringen; сердце замирает - das Herz steht still и т. п.

Наличие таких сходных афоризмов - результат параллельного возникновения и функционирования структурно-эквивалентных оборотов речи, созданных носителями языков, но обозначающих свойства, присущие всем людям. Формирование языкового сознания, свойственного носителям иной этнокультурной общности, чаще всего ведёт к расширению внеязыковых знаний. Этот аспект проблемы лингвострановедения в теории обучения языкам обсуждается в связи с понятием реалии. Однако, как правило, реалии связываются со словами (словосочетаниями): берлинская стена - die Berliner Wand, бранденбургские ворота - das Brandenburger Tor, Александерплац – Aleksanderplatz (площадь в центре Берлина) или афоризмами: auf der Hut sein - держи ухо востро (быть настороже); Der Satte ist niemals ein Freund des Hungrigen - сытый голодному не товарищ. Такой подход обогащает знания, хотя в известной мере искусственно ограничивает их в рамках языкового сознания, однако есть сведения, которые не входят в состав языкового сознания, т. е. непосредственно не обозначаются словами, но составляют часть понятийного сознания и потому крайне важны для интерпретации и порождения как отдельных речевых высказываний, так и целых текстов. Методологически и методически неправомерно сводить реалии и этнокультурные знания к словам или иным лингвистическим единицам. Есть достаточно оснований считать, что в общении человек формирует первоначальное высказывание, поэтому целостное высказывание является предварительным условием вхождения в него тех или иных слов и словосочетаний. Все окружающие вещи выступают для нас как признаки, ассоциативно и мысленно вызывающие образы других вещей.

Этнокультурные знания проявляют своё реальное бытие только в осмысленном общении, пронизывая его и придавая ему многомерность, ибо это результат присвоения индивидом как материальных, так и духовных ценностей, в частности об этом пишут Е.В.Говердовская и О.А.Карлина [11]. Сами по себе этнокультурные знания (включая и контекст) могут не иметь к языку никакого отношения, изучаясь в рамках многих естественных и социальных наук. Однако язык как способ выражения мыслей, связанных с

объективной действительностью, не может не включать этнокультурные сведения в свой объект. Коммуникативную лингвистику в связи с этим интересуют этнокультурные знания не сами по себе, а с точки зрения того, каким образом в той или иной лингвокультурной общности этнокультурные знания как невербальный компонент речевого общения вплетаются в текст речи. Национально-культурная специфика определённой этнической общности проявляется прежде всего в различных видах деятельности, при этом генетически исходной формой для всех видов деятельности выступает внешняя предметная деятельность. Внутренняя деятельность вторична, так как она формируется в процессе интериоризации внешней предметной деятельности (Л.С. Выготский, В.В. Давыдов). Характерные черты предметной деятельности той или иной лингвокультурной общности находят отражение в различных компонентах духовной культуры, причём основным средством передачи этнокультурной информации является язык. Весьма показательны в этом отношении устойчивые обороты языка, превращённые формы деятельности, характерные для данной общности и вскрывающие оценочные и эмоциональные эталоны той или иной лингвокультурной общности. Устойчивые обороты показывают, с одной стороны, общие характеристики жизни разных народов, а с другой - особенности их жизни и быта, отражающиеся в образном мышлении данного этноса. Так, признак «сладкий» выделяется при сопоставлении с денотатом «сахар» в русском, украинском, английском, немецком и других языках. В то же время признак «тощий» соотносится со следующими денотатами: «тощий как скелет комара» (Япония), «тощий как высохшая цикада» (Вьетнам), «тощий как лестница» (Туркмения), «тощий как бенберийский сыр» (Англия) [12].

В связи с устоявшимся представлением о том, что язык - это часть культуры народа, важно подчеркнуть связь духа народа и его языка. В понятие «национальный дух народа» входят психический склад народа, его образ мыслей, философия, наука, искусство, литература. Дух народа и язык его настолько тесно связаны друг с другом, что если существует одно, то другое можно вывести из него.

В педагогических целях при обучении общению этнокультурную информацию целесообразно комментировать. Особенно это важно для изучающих чужую культуру и язык. Слова и словосочетания, относящиеся к особенностям быта, общественного, культурного, государственного устройства, появившиеся в языке историческим, социально-экономическим и культурным кодом развития народа, требуют разностороннего объяснения. Например, русские слова «самовар», «спутник», «космический корабль», английские «шериф», «даблдеккер» (буквально «двухпалубный автобус»), «астронавт» и др. требуют не просто перевода, а семантизации лексического понятия и этнокультурной информации. Участвующий в речевом общении сам проясняет ситуацию, привносит понятный смысл некоторой дополнительной информацией.

Следует иметь в виду, что этнокультурная информация входит в сознание конкретного человека, становясь фактом знания в результате преобразования культурно-исторического опыта, воспринятого данным индивидом в коммуникативной деятельности, которая всегда индивидуально эмоционально и личностно окрашена. В акте речевого общения может происходить обмен индивидуальными мыслями, сугубо личностным знанием, без сообщения общественного опыта, но это личное знание всегда опирается на общественное знание, и только это позволяет коммуникантам понимать друг друга. В индивидуальном сознании полученные в результате диалогического общения сведения никогда не фиксируются в своём исходном виде, и их дословно невозможно воспроизвести. Информация, полученная от коммуниканта, окрашивается адресатом в соответствии со своим пониманием и этнокультурным опытом, но в любом случае вместе со словом передаётся его культурообразующий фон и тем самым происходит обогащение памяти, способствующее лучшему усвоению другой культуры.

Индивидуальный этнокультурный опыт человека неотделим от социального опыта, т. е. и значение слова, проявляющееся в процессе его функционирования в речевой деятельности, и его общественные функции, дающие возможность адекватного понимания

людей в процессе общения, взаимосвязаны. Рассматривая слова и словосочетания двух и более языков, мы приходим к выводу о наличии межъязыковых единиц, совпадающих в разных языках и культурах. Например, русский афоризм «выеденного яйца не стоит» - бесполезная вещь, не заслуживающая внимания, в немецком языке имеет эквиваленты «(das) ist keine faule Bohne wert» (букв. «не стоит гнилого боба») и «(das) ist keine taube Nut wert» (букв. «не стоит пустого ореха»); выражение «как две капли воды» - полное сходство, два подобных человека, в немецком языке соответствует выражению «wie ein Ei dem anderen» (букв. «как одно яйцо на другое (похожи)»); «как кошка с собакой» - взаимоотношения людей, живущих в постоянной вражде и ссорах, в немецком языке имеет соответствующий эквивалент «wie Hund und Katze» (букв. «как собака и кошка») и др.

Многие элементы языков можно рассматривать как межъязыковые эквиваленты, так как в них зафиксирован культурно-исторический опыт народов, обозначающий идентичные явления, являющиеся общечеловеческими.

Эквивалентные языковые параллели - следствие развития значения афоризмов в одном направлении, причём движущей причиной этого параллельного развития служит совпадающая для разных народов внеязыковая культурная среда. При обучении речевому общению указанные межъязыковые афоризмы легко усваиваются, так как и образная основа, и грамматическое оформление, и лексический состав в языках во многом сходны.

Но в каждом языке существуют такие афоризмы, которые по своему генезису не являются ни общечеловеческими, ни региональными, и их нельзя назвать межъязыковыми, ибо формируются в границах определённой этнокультурной и национально-языковой общности. Данные национально-культурные выражения показывают особенности территории распространения общности людей, специфику её экономической жизни, самобытность этнической психологии и своеобразие национальной культуры. Так, выражение «списать со счетов» - перестать видаться с кем (чем) либо - передаётся одним словом, используемым в переносном смысле и равноценным в смысловом и стилистическом отношении, *abschreiben*, оборот «держаться за мамину юбку» - быть совершенно несамостоятельным, полностью подчиняясь воле матери - переводится выражением *an Mutters Schürzenhand hangen* (букв. «висеть на завязке материнского фартука»).

Некоторые этнокультурные элементы становятся общими, эквивалентными в силу или переноса из одной культуры в другую, или общности мышления разных народов. Благодаря возросшему международному общению, регулярным переводам с языка на язык и огромной эффективности средств массовой информации, Интернету, превратившим Землю в единое информационное пространство, каждая национально-культурная общность включает в свой язык значительное количество заимствованных слов и афоризмов, причём без одновременного заимствования соответствующих предметов и явлений. Такими являются, например, иноязычные слова, относящиеся к иностранной действительности и вошедшие в активный словарный запас русского языка: бундестаг, канцлер, рейхстаг, сейм, Бродвей, Бранденбургские ворота, Эйфелева башня и т.д.; совершенно аналогично целый ряд русских слов перешёл в иностранные (особенно западноевропейские) языки. В русском языке существуют афоризмы, калькированные (переведённые дословно) из разных языков. Согласно «Этимологическому словарю русской фразеологии» [12], таких выражений более двух тысяч, например, русско-немецкие соответствия: Адамово яблоко - кадык - *Adamsapfel*, взять курс - наметать определённую цель - *Kurs auf etw. nehmen*, вещь в себе - нечто непостижимое, загадочное - *das Ding an sich*, вольная птица - свободный, независимый человек - *Vogelfrei* (изгнанник), выйти из моды - устареть - *aus der Mode kommen* и др.

Из сказанного следует, что кумулятивная функция языка, т.е. хранения и выражения культуры, несёт на себе отпечаток жизни общества, народа, его материальной и духовной сути, а на глубинном уровне это - его менталитет в диахронии и синхронии.

Итак, экстралингвистический контекст есть необходимый компонент в практике обучения не только языкам, но и культурологи, теории перевода, лексикографии, ибо он

потенциально и реально способствует формированию коммуникативной компетенции, значительно расширяет кругозор и развивает общую культуру и интеллект обучающихся [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Мышление и речь.- М.:Педагогика. 2008.- 342 с.
2. Краткий русско-испанский словарь.- М.:Иностранная литература, 2012.- 210 с.
3. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1988.- 346 с.
4. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование / Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. - М., 1995.- С. 441-472.
5. Найда Ю. К науке переводить.- М.:Русский язык, 2004.- 315 с.
6. Верещагин Е.М, Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.- М.:Русский язык, 1992.- 312 с.
7. Барышников Н. В. Профессиональная межкультурная коммуникация.- Пятигорск, 2010.- 264 с.
8. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения.- М.:Гнозис, 2011.- 214 с.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность.- М.:Смысл; Академия, 2004. – 352 с.
10. Краткий русско-немецкий фразеологический словарь.- М.:Русский язык, 2009.- 345 с.
11. Говердовская Е.В., Карлина О.А. Становление поликультурной компетентности будущего специалиста чрез решение профессиональных задач // Экономические и гуманитарные исследования регионов.- 2016. №5.-С.20-23.
12. Этимологический словарь русской фразеологии.- М.:Русский язык, 2008.- 243 с.
13. Тахохов Б.А. Развитие коммуникативной компетентности студентов // Экономические и гуманитарные исследования регионов.- 2016. №4.- С.43-49.

УДК 37

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

Хаблиева С.Р., Зембатова Л.Т.

THE BASIC DIRECTIONS AND ORGANIZATIONAL-PEDAGOGICAL CONDITIONS OF THE FORMATION OF ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES DESIGNING SKILLS

Khablieva S.R., Zematova L.T.

В статье описан авторский подход подготовки педагогов к конструированию и использованию электронных образовательных ресурсов. Подробно представлены организационно-педагогические условия и средства формирования у учителей навыков конструирования электронных образовательных ресурсов.

The article describes the author's approach of preparing teachers for the design and use of electronic educational resources. The organizational and pedagogical conditions and means of forming teachers' skills in constructing electronic educational resources are presented in detail.

Ключевые слова: подготовка, формирование, педагогические условия, конструирование, электронные образовательные ресурсы.

Keywords: preparation, formation, pedagogical conditions, design, electronic educational resources.

Модернизация системы российского образования направлена на повышение его доступности, качества и эффективности. Одним из его этапов является информатизация образования, направленная на формирование информационной компетентности у всех участников образовательного процесса: использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), электронных образовательных ресурсов (ЭОР), основными принципами которых являются интерактивный режим работы с компьютером и интегрированность с другими программными продуктами.

Очевидно, что высокий уровень инноваций, стремительность происходящих в обществе изменений определили необходимость в педагогах образованных, мобильных, владеющих современными средствами ИКТ и ориентированных на непрерывное образование и самообразование, а стремительное развитие информационного общества, распространение технологий мультимедиа, ЭОР, сетевых технологий обусловили актуальность применения ИКТ в образовательном процессе и необходимость развития ИКТ-компетентности педагога.

В современном информационном обществе, когда информатизация идет ускоренными темпами, а информационные технологии стремительно развиваются, имеющийся у педагогов уровень ИКТ-компетентности является недостаточным, что приводит к трудностям при использовании средств обучения, ориентированных на ИКТ.

Неподготовленность педагогов к работе с ИКТ, современным учебным оборудованием, несоответствие разработанных ЭОР методическим целям и задачам урока и не умение изменять готовые ЭОР приводит к необходимости формирования у учителей навыков конструирования и использования ЭОР.

Определимся понятием ЭОР и их типологией.

ЭОР – это интерактивные образовательные ресурсы, включающие в себя электронные учебно-методические издания, электронные ресурсы справочно-информационного характера, сетевые электронные ресурсы, учебные среды самостоятельного конструирования электронных образовательных ресурсов, имитационные среды, демонстрационные электронные ресурсы и учебно-игровые программные средства.

ЭОР представляют собой совокупность графической, текстовой, речевой, видео-, фото- и другой информации, обрабатываемой и представляемой с помощью компьютерной техники, опубликованном на любом электронном носителе или в компьютерной сети [3].

С точки зрения методических функций ЭОР подразделяются на три типа: информационные (введение новой информации), практические (формирование умений и навыков) и контрольные (контроль степени усвоения учащимися знаний).

На основе анализе современной нормативной, педагогической и методической литературы под навыками конструирования и использования ЭОР будем понимать компоненты практической деятельности педагога связанные с использованием средств ИКТ для сбора, обработки, хранения, передачи информации, ориентацией в программном обеспечении, предназначенном для конструирования ЭОР и готовностью педагогических работников эффективно использовать их в урочной и внеурочной деятельности.

Разделяя точку зрения Н.В. Александровой [1], считаем необходимым выделить три основных этапа обучения учителей конструированию и использованию ЭОР: базовый (формирование компетенции в области использования инструментальных программных средств); практико-ориентированный (освоение технологий создания ЭОР для решения практико-ориентированных учебных задач) и профессионально-ориентированный (применение и создание ЭОР для реализации учебно-воспитательных целей).

С учетом социального заказа современного общества и требования ФГОС к уровню подготовки учителей-предметников, необходимо организовать подготовку и

переподготовку их таким образом, чтобы они овладели профессионально-ориентированным уровнем конструирования и использования ЭОР. Поэтому нами были выявлены основные направления организации данного процесса и наиболее значимые организационно-педагогические условия, обеспечивающие эффективное формирование навыков конструирования и использования ЭОР у учителей-предметников на профессионально-ориентированном уровне в процессе повышения квалификации.

Наиболее эффективным направлением в разрешении сложившейся ситуации может стать реализация в образовательном процессе модели обучения «1 ученик: 1 компьютер» с применением «облачных» сервисов - возможность удаленного использования информационных средств передачи, обработки и хранения данных с предоставлением доступа к ЭОР с разделением прав различных групп пользователей по отношению к ним посредством сети Интернет и веб-браузеров.

Данное направление способствует реализации новых подходов к формированию современной модели обучения; расширяет и изменяет границы информационно-образовательной среды (ИОС), придавая ей интерактивность и способствует достижению планируемых результатов в соответствии с требованиями ФГОС.

При этом осуществляется погружение в новую ИОС, что позволяет индивидуализировать процесс обучения, организовать исследовательскую деятельность, осуществлять оценку надёжности используемых различных информационных источников.

Анализ теоретических исследований по заявленной проблеме, собственный опыт образовательной практики позволили выявить и наиболее значимые организационно-педагогические условия, обеспечивающие на должном уровне формировать у учителей-предметников навыки конструирования и использования ЭОР в процессе повышения их квалификации. Их можно разделить на нижеследующие:

- психолого-педагогические условия: формирование у учителя-предметника положительной мотивации к использованию информационно-коммуникационных технологий и его готовности к непрерывному повышению квалификации в данном направлении в зависимости от уровня его ИКТ-компетентности; осознание значимости навыков конструирования и использования ЭОР в профессиональной деятельности; развитие рефлексивной сферы личности; реализация личностно-деятельностной включенности в процессе повышения квалификации; создание условий, способствующих адаптации слушателей к быстро изменяющимся условиям жизни и профессиональной деятельности;

- материально-технические: укомплектование материально-технической и учебно-методической базы образовательного процесса, позволяющие использовать современные средства ИКТ;

- организационно-методические: использование современных средств ИКТ и методов обучения, соответствующих задачам формирования навыков конструирования и использования ЭОР у учителей общеобразовательных школ; обеспечение направленности профессиональной подготовки учителей на региональные потребности; организация процесса обучения на основе системно-деятельностного, практико-ориентированного и компетентностного подходов; разработка программ повышения квалификации учителей-предметников с учетом уровня их ИКТ-компетентности и особенностей преподаваемого предмета; использование имеющегося передового опыта по применению новых информационных технологий в процессе организации и проведения обучения и повышения уровня ИКТ-компетентности слушателей.

Проанализировав научно-методологические подходы к моделированию процесса повышения квалификации учителей в области информационно-коммуникационных технологий и электронных образовательных ресурсов, мы построили модель формирования у учителей навыков конструирования и использования электронных образовательных ресурсов (рис. 1), отражающую концептуальную основу, содержание и методическую составляющую подготовки высокопрофессиональных специалистов, обладающих наряду с профессиональной компетентностью высоким уровнем ИКТ-компетентности.

Рис. 1. Модель формирования у учителей навыков конструирования и использования ЭОР

Предложенная модель представляет собой совокупность следующих структурных блоков:

- методолого-целевого – обоснование основных идей и принципов подготовки педагогов к конструированию и использованию ЭОР и обоснование установочно-целевых педагогических условий реализации данного процесса;
- организационно-содержательного – реализация посредством организации в процессе повышения квалификации образовательных, методических и практико-

ориентированных семинаров, мастер-классов, открытых учебных занятий, деятельностных методов и технологий; данному процессу способствуют авторские курсы повышения квалификации.

- оценочно-результативного – объединение разработки диагностического инструментария и поэтапной диагностики сформированности у учителей навыков конструирования и использования ЭОР: критериев (мотивационного, когнитивного, деятельностного и рефлексивный- оценочного) и базового (низкого), практического (среднего) и профессионального (высокого) уровней и их показателей.

Теоретическая и практическая подготовка учителей к конструированию и использованию ЭОР осуществляется в рамках организационно-содержательного блока, в который были включены формы, методы и средства обучения, а также три обучающих модуля:

Модуль 1: «Формирование базового уровня владения информационно-коммуникационными технологиями» -ориентирован на повышение квалификации работников образования и развитие у них базовой ИКТ-компетентности. На данном уровне накапливаются базовые знания, умения и навыки, необходимые для работы с информационно-коммуникационных технологий.

Модуль 2: «Инструментальные средства конструирования электронных образовательных ресурсов» включает все компоненты подготовки с учетом уровня владения инструментальными средствами конструирования электронных образовательных ресурсов. В рамках этого этапа для учителей были проведены курсы повышения квалификации «Использования интерактивной доски в образовательном процессе», «Инструментальные средства СПО для конструирования электронных образовательных ресурсов», «Интернет-ресурсы в профессиональной деятельности педагога».

Модуль 3: «Методические аспекты использования электронных образовательных ресурсов». В рамках его реализации рассматривались современные методы и приемы использования электронных образовательных ресурсов в различных видах учебной и воспитательной деятельности; одна из перспективных моделей обучения «1 ученик: 1 компьютер» с использованием «облачных» сетевых сервисов.

Следует отметить, что продолжительность курсов повышения квалификации работников образования варьировалась от 4 до 8 недель, представленные к реализации образовательные программы были рассчитаны как на 108 часов, так и на 36 часов учебного времени.

По завершении обучения каждый выпускник курсов повышения квалификации представляет на рассмотрение специально созданной комиссии свою работу, состоящую из технологической карты, дидактического и методического материала, необходимого для проведения учебных занятий с использованием ИКТ, ЭОР, работы цифровых лабораторий и конструирования ЭОР по определенной учебной дисциплине. Кроме того, работа должна была содержать модель учебного занятия (своеобразную дорожную карту его проведения) с использованием данных ЭОР. Особое место в выпускной квалификационной работе отводится практическому применению знаний, полученных в процессе обучения – систематизации программного обеспечения и Интернет-ресурсов для конструирования ЭОР, предложенной каждым слушателем методики использования ЭОР в профессиональной деятельности.

Реализация представленной модели проходит более успешно, если она обеспечена методическим сопровождением. В нашем случае это разработанные программы повышения квалификации «Использование современного оборудования, электронных образовательных ресурсов в образовательной деятельности, в том числе и робототехники», «Использование интерактивной доски в образовательном процессе», «Информационно-коммуникационная культура педагога в современных условиях, в том числе электронных образовательных ресурсов и ДО», «Соответствие сайта образовательной организации требованиям Федерального закона РФ», «Эффективность управления образовательным учреждением с

использованием информационно-коммуникационных технологий», учебно-методические пособия «Современные интерактивные средства обучения», «Современные инструментальные средства для конструирования электронных образовательных ресурсов» и «Создание персонального сайта и его использование в деятельности учителя».

Данная модель обучения позволяет индивидуализировать учебный процесс, эффективно используя ИКТ, ЭОР, ДОТ, позволяя охватить все категории педагогических работников. Результатом является повышение профессиональной и ИКТ компетентностей педагогических работников.

Разработанная нами методика формирования у учителей навыков конструирования и использования ЭОР в условиях института повышения квалификации и наших взглядов таковы: сохранение и развитие системы образования, которая открывает новые перспективы. Именно это ключом к гутбыть по-новому осмыслены достижения, опыт, цели, содержание и методы дистанционного повышения квалификации.

Таким образом, формирование у учителей навыков конструирования и использования ЭОР должно быть целенаправленным, непрерывным, самостоятельным и целостным педагогическим процессом обучения, воспитания и развития, способствующим развитию навыков, умений и качеств, необходимых для работы в современной информационно-образовательной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Н.В. Подготовка будущих учителей гуманитарных специальностей к применению и созданию электронных образовательных ресурсов. //Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Нижний Тагил, 2008

2. Рагимова Т.Т. Педагогические условия подготовки будущих учителей информатики к созданию и использованию электронных образовательных ресурсов// Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Махачкала, 2013

3. Телегин А.А. Совершенствование методической системы обучения учителей в разработке образовательных электронных ресурсов по информатике [Текст]: автореф. дис.... канд. пед. наук: 13.00.02/А.А. Телегин. - Курск, 2006. - 23 с.

4. Ярмахов Б.Б. «1 ученик: 1 компьютер» - образовательная модель мобильного обучения в школе. - М.: Издательский дом «АМИпринт», 2013. - 244 с.

УДК 37

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ

Шумакова А. В., Леонова Н. А.

PEDAGOGICAL EDUCATION: MODERN EXPERIENCE OF DEVELOPMENT

Shumakova A. V., Leonov N. A.

В статье обосновывается, что для целостной и культуросообразной педагогической деятельности, важно понимать, насколько фундаментальными и проработанными в историческом и социокультурном контексте будут представления, на основе которых осуществляется самоопределение, рефлексия, проектирование. По мнению авторов, педагогическое образование, должно включать в себя исторические реконструкции, анализ современности, как имеющей происхождение в культуре, социальный анализ педагогических явлений.

In article it is claimed that for complete and kulturosoobrazny pedagogical activity, it is important to understand how fundamental and worked in a historical and sociocultural context will be representations on the basis of which self-determination, a reflection, design is carried out. According to authors, pedagogical education, has to include historical reconstruction, the analysis of the present as having an origin in culture, the social analysis of the pedagogical phenomena.

Ключевые слова: инновационные процессы, культура, педагогическая деятельность, образовательный процесс, система образования

Keywords: innovative processes, culture, pedagogical activity, educational process, education system

В практике педагогического образования существует линия на развитие обучающихся и формирование у них способности не только рассудочного, но и разумного действия как наиболее универсальной специфически человеческой способности. Эта линия связана с культурно-историческим и деятельностным подходом в образовании, с концепцией развивающего обучения Д. Е. Эльконина - В.В. Давыдова.

Субъектом педагогической деятельности является педагог, владеющий способами этой деятельности (понятиями наряду со способами предметной деятельности) в широком культурно-историческом и социально-культурном контексте. При этом, конечно, в реальную работу будущий педагог должен приходить с целесообразными педагогическими технологиями и техниками, свободно владея предметным материалом. Идея разумности задает цель педагогического образования как определенную характеристику будущего педагога. Но, понимая подготовку педагогов как действие в определенной социокультурной ситуации, необходимо формулировать цели и как последствия прихода подготовленных педагогов в систему образования. Здесь основополагающей идеей является идея развития образования. Будущий педагог должен уметь обеспечивать инновационные процессы и быть носителем этих процессов. А в современной ситуации - как их инициатор. Кроме того, необходимым компонентом профессиональной подготовки является научное исследование, сопровождающее не только процесс собственного образования, но и проектировочную, прогностическую работу по отношению к сфере образования, к своей педагогической деятельности. «Наличие склонности и интереса к выбранной профессии оказывает существенное влияние на ее процесс, значительно ускоряет ее» [4].

Специфическим для педагогического образования является то, что подготовка и осуществление педагогического процесса является и учебным и воспитательным процессом. Поэтому в содержание педагогического образования включаются не только разворачивание материалов учебных предметов и практических ситуаций, но и логика и история освоения этих материалов и ситуаций в воспитательном контексте. Следовательно, субъективность будущего педагога вырастает из его субъективности как обучающегося, из смены позиций обучаемый на обучающийся, а затем на обучающий. При этом важнейшим принципом подготовки становится требование рефлексии собственного образования, психолого-педагогического и социально-культурного осмысления и интерпретации любого акта подготовки.

Это позволяет вывести педагогику и психологию за пределы только изучаемых учебных курсов, превратив их в действительно востребованные в педагогической деятельности. С этим связано и требование проектного отношения педагога к собственному образованию и будущей профессиональной деятельности. То есть предметом рефлексии должно быть целевое движение, его соответствие определенным проектам и программам. При этом необходима реализация ряда принципов.

С идеей многообразия путей образования и выбора пути через разрешение содержательного конфликта связан принцип самоопределения. Предоставление этого многообразия, конструирование и организация конфликтов выбора есть важнейшая образовательная задача. Ориентация на содержательно-конфликтную педагогику предполагает экстраполяцию этих механизмов на все уровни образовательной

практики.

При этом в соответствии с деятельностным подходом речь должна идти не о выборе того или иного направления или даже материала образования. Необходимо говорить о таком выборе деятельности, который связан с реализацией выбранных целей и демонстрацией освоенных средств.

Следующий принцип требует освоения педагогом способов управления и организации ведущих деятельностей обучающегося на разных возрастных этапах (в соответствии с возрастной периодизацией Д.Б. Эльконина). Этот принцип может формулироваться и как принцип непрерывности и преемственности педагогической деятельности до школы, и в школе, и после нее. С этим связан и принцип широкой профессионализации, предполагающий складывание комплексной педагогической деятельности на базе профессионального владения диапазоном работ от коррекции отставания обучающегося до дидактического анализа.

Последовательная реализация этого принципа позволит будущему преподавателю расширить зону самоопределения до всей исторической панорамы образовательных идей. Но этот принцип расширения исторической и социокультурной рамки образования предполагает не только усвоение соответствующего учебного материала, но и формирование основных форм современного общественного сознания, выработку способов конструктивного взаимодействия и социального реагирования.

Можно выделить несколько основных направлений деятельности, осуществляемых педагогом в процессе его подготовки. Каждый вид представляется в большей или меньшей мере во всех организационных формах учебной деятельности в педагогическом образовательном учреждении. В любой организационной форме имеет место ведущий тип работы, для которого она, собственного говоря, и создается.

Понимая открытость и условность целостной педагогической деятельности, как основные, в образовании педагогов, определяются следующие процессы: выработки целей и ценностное самоопределение; освоение знаний и технологий; проектирование и исследование; реализация разработок и практическое опробование знаний и технологий; рефлексия образовательного процесса.

Цели педагогической деятельности (носящие, как правило, личный характер) нередко подменяется вопросом о целях образования, который, в свою очередь, сводится к педагогически бессодержательным и исторически неконкретным аспектам развития образования. Из-за этого в реальной работе личные цели педагогов зачастую не выделяются и, вообще говоря, могут быть никак не связаны с задачами системы образования. Эта проблема решается через включение в содержание образования подготовки личного опыта педагогов и обучающихся по разным направлениям и специальностям подготовки. Соотнесение этого опыта с историческими образцами и социокультурной ситуацией позволяет рассматривать альтернативные цели, сравнивать их по ценностным основаниям и проблематизировать как с точки зрения этих оснований, так и с точки зрения соответствия реальных действий этим целям.

Вне всякого сомнения, основополагающим, в педагогическом образовании, является формирование содержания образования психолого-педагогической направленности профессиональной деятельности.

Одним из первых направлений, является решение задачи профессионально-культурного самоопределения педагогов осуществляемое через исторические реконструкции процессов создания образовательных систем, трансформации их оснований, содержания и форм педагогической мысли, выявление основных противоречий между различными системами в обществе и системами образования, которые «определяются системой научного мировоззрения, научно-осознанными социальными целями общества» [3]. Здесь также идет речь об актуализации основных методов образовательной деятельности (маевтики, схоластики, дидактики) с целью выяснения их потенциала для современной ситуации. Являются базовыми для определения основных тенденций при

анализе современной социокультурной ситуации и прогнозирования перспектив развития образования.

Другое, не менее важное направление, способствует изучению теоретико-психологических концепций развития ребенка и экспериментально-психологических исследований человеческого онтогенеза в контексте «всей человеческой культуры, ее духовно-нравственного развития» [5]. Затрагивается проблематика психолого-педагогических исследований и практики.

Выявлению основных противоречий конкретной педагогической действительности, способствует изучение типичных ситуаций педагогических затруднений и обсуждение средств и способов разрешения. Это направление способствует оформлению представлений о тех личных педагогических техниках и навыках, которые необходимы в педагогической работе.

Теоретико-деятельностный подход в соотнесенности с существующей ассоциативно-информационной практикой в образовании исследуется в теории учебной деятельности. Основное назначение этого направления содержания образования: используя опоры на историю образования и концепции развития человека, определить место и содержание учебной деятельности в системе человеческой деятельности и в контексте образования. В задачу входит также разрешение противоречий предметного и объективного подходов, социализации личности в образовательных процессах, «позволяющих эффективно отражать особенности социальной динамики» [1]. Изучение данного направления должно способствовать теоретическому описанию типов педагогической практики и выводу на конструирование учебных предметов и соответствующих задач.

Потребность в специальном категориальном аппарате для более глубокого понимания изучаемых процессов и описания уже имеющейся педагогической действительности в контексте методологического аспекта, позволяет реализовать следующее направление.

Для четкого определения места и значения биологических составляющих психических процессов, состояний, свойств, способствует направление содержания образования, включающее основы психофизиологии и высшей нервной деятельности. Рассчитано как возможная база для компетентного обсуждения вопросов психогигиены учебного процесса.

Четкую практическую ориентацию имеет направление, изучающее прикладную психологию и психотехнику. Восстановление, анализ богатого опыта прикладных психологических исследований в нем сочетается с конкретными типами современной прикладной психологической работы. Данное направление содержания образования включает практикум психологической диагностики, психокоррекции, психотехнического конструирования. Наряду с областью собственно педагогической прикладности, в курсе предусмотрены методы социально-психологических техник.

Критическое осмысление передового опыта и программирование собственной педагогической деятельности, позволяет осуществить направление, связанное с реализацией проблем и перспектив современной педагогики, что «непосредственно связано с повышением квалификации педагога» [2], формированием «педагогического мастерства и творческой инициативы преподавательских кадров» [6].

Практикоориентированное направление содержания образования на основе психолого-педагогических исследований, предназначено для культурного оформления прошлого исследовательского опыта, освоения исследовательских традиций и методологии в психологической и педагогической научной и практической работе, анализа методов и приемов исследований.

Системность в содержании педагогического образования формируется через последовательное практическое включение культурно-исторического подхода и системомыследеятельностного подхода в педагогический процесс образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова О.А., Бакланов И.С., Ерохин А.М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. - С. 95-100.
2. Говердовская Е.В., Мкртычева Н. М. Организация воспитательного пространства современного вуза // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - № 9. - С. 230-232.
3. Гончаров В.Н., Колосова О.Ю. Социально-философский аспект научно-информационной деятельности в системе общественного развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - № 9. - С. 26-29.
4. Лобейко Ю.А. Профессиональная адаптация первокурсников к условиям обучения в вузе в контексте межличностных отношений // European Social Science Journal. - 2016. - № 1. - С. 227-229.
5. Матяш Т.П., Несмеянов Е.Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
6. Руденко А.М., Греков И.М., Камалова О.Н. Теоретико-методологические и философские аспекты исследования творчества // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 109-119.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

ПРОБЛЕМА МАСШТАБА СОЦИАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Абрамов М.А.

PROBLEM OF SCALE OF SOCIAL OUTLOOK

Abramov M.A.

Ролевой аспект социальной деятельности имеет чрезвычайно большое значение в самоопределении личности. При этом, в силу непосредственной актуализации частных социальных ролей и абстрактного представления об интересах общества одним из возможных сценариев развития становится преобладание частных интересов над интересами общества в целом. В статье рассматривается место патриотизма в системе социального мировоззрения и его значение. Также рассматривается проблема конфликта между различными по масштабу уровнями социальной приоритетности. Производится постановка вопроса о значении патриотических установок в регулировании общественных процессов и нивелировании негативного общественного резонанса, связанного с процессами политической регуляции.

The role aspect of social activity is of extremely great importance in self-determination of the personality. At the same time, owing to direct updating of private social roles and abstract idea of interests of society prevalence of private interests over interests of society in general becomes one of possible scenarios of development. In article the place of patriotism in system of social outlook and its value is considered. Also the conflict problem between levels of social priority, various on scale, is considered. Formulation of the question about value of patriotic installations in regulation of public processes and leveling of the negative public response connected with processes of political regulation is made.

Ключевые слова: патриотизм, социальное мировоззрение, социальные приоритеты, конфликт, общество.

Keywords: patriotism, social outlook, social priorities, conflict, society.

Социальное знание предполагает возможность не только раскрытия общественных процессов, но и воздействия на них. Однако любое целенаправленное воздействие, направленное на изменение структуры общественных процессов, должно иметь обоснование. По этой причине социальные явления подвержены оценке с точки зрения

конструктивности для общества. Эта проблема уже сама по себе требует чрезвычайно глубокого осмысления, поскольку существуют совершенно различные критерии, при помощи которых можно определить статус и значение того или иного социального явления и процесса. В этом смысле, например, героизм солдата, пожертвовавшего собой ради спасения отряда, может быть рассмотрен как конструктивное явление в масштабах социальной группы, к которой он относится, и одновременно – как трагедия, и, безусловно, деструктивное явление на уровне его семейной группы. Система отсчета, в которой определяется конструктивность или, напротив, разрушительный характер конкретного явления, определяет конечный результат. И в этом смысле представляется крайне проблематичным доказательство того, что какая-либо область обладает безусловным приоритетом в ценностном рассмотрении общественных явлений.

Здесь следует сделать важную оговорку. Социальное знание безлично, отражаемые в нем закономерности протекания общественных процессов не зависят от интересов той или иной группы. Однако это справедливо только в том случае, если мы рассматриваем социальное знание исключительно как теорию, и не берем в расчет его прикладного значения. Вторым шагом в развитии социальных процессов является исследование способов воздействия на них, что превращает науку в мощный инструмент регуляции.

Существование общества предполагает момент регуляции протекающих в нем процессов. Без осуществления регулятивных функций оно будет подвержено постепенному процессу рассогласования элементов, нарушения структуры и, как результат – разрушения. В этом смысле социальное знание, которое не может найти однозначного обоснования с точки зрения этики, корректно было бы рассматривать функционально, как необходимый инструмент общественной регуляции. В таком случае на любом уровне регулирования общественных процессов позиция, отражающая этот уровень социального устройства, обнаруживает свою функциональную обоснованность.

Данный подход близок к оценке прагматики воздействия на общественные процессы, однако здесь не берется за основу абсолютная оценка пользы. Речь идет о соотносительном элементе оценки при рассмотрении общественных процессов на конкретном уровне их протекания. Социальное знание, как основа оптимизации общественных процессов, может быть применено на различных уровнях, что предполагает разнообразие получаемых результатов. Это является как сильной его стороной, так и существенным недостатком.

Причина в данном случае заключается в том, что, при условии владения приемами социального анализа, различные элементы общественной организации будут вступать друг с другом в конфликт, связанный с различиями в приоритетах. Солдат, как член семейной группы не будет рисковать своей жизнью, в то время как солдат, выполняющий свои непосредственные функции по ведению военной деятельностью, вполне способен на героический поступок. Одни и те же теоретические ориентиры, при приложении к различным сферам, приводят к формированию разных приоритетов. И это является чрезвычайно серьезной проблемой, поскольку речь идет о ценностном конфликте, который может проявляться как на уровне личного переживания членов общества, так и на значительно более высоких по масштабу уровнях.

Сложность постановки социальных проблем связана с тем, что их нельзя рассматривать только на уровне социальной группы, которую они затрагивают. Разрешение социальной проблемы представляет собой изменение структуры общественных отношений, что уже затрагивает интересы значительно более широких социальных прослоек. Изменение структуры общества представляет собой нарушение его баланса, что чревато разнообразными негативными последствиями, в том числе и для той группы, проблемы которой лежали в основе происходящих социальных сдвигов.

Классическим примером нарушения социальной структуры, связанное с конфликтом приоритетов, является возникновение институционального дисбаланса в обществе [1]. Развитие определенного социального института (например, экономики) представляет собой последовательное регулирование его внутренних процессов, ориентированное на

максимально эффективное развитие его институциональной сферы. Очевидно, что в регулировании социальных процессов в рассматриваемой сфере происходит формирование специфической системы приоритетов, определяющих конструктивность тех или иных процессов. Так, разорение отдельных компаний в ходе конкурентной борьбы может иметь негативные последствия для института семьи (ввиду проблем, связанных с увольнением персонала), однако при этом являться результатом эффективных экономических процессов. Система приоритетов, сложившаяся на уровне конкретной институциональной сферы, ограничивается областью развития данной сферы и по определению абстрактна. По сути, речь идет об узкой специализации в этике. Она эффективна с точки зрения оптимизации конкретной сферы социальной жизни, но может быть достаточно разрушительна в контексте социальной структуры в целом.

Именно это определяет важность наличия регулятивной функции, направленной на регламентацию взаимодействия между различными социальными сферами. Традиционно в научно-исследовательской литературе в качестве таковой функции рассматривается государство, которое посредством разнообразных политических процессов и, в частности, модификации правовой системы, осуществляет регуляцию взаимодействия различных сфер общественной жизни. Однако было бы не вполне корректным рассмотрение одного лишь государства в качестве регулятора целостности общественных отношений в локальном обществе. Помимо правовой сферы регулирования общественных процессов есть еще одна, не менее важная – социальная аксиология. Ценностные установки членов общества необязательно жестко детерминированы их социальной ролью, хотя, безусловно, связь здесь имеет место. Наличие развитых ценностных ориентиров определяет возможность членов общества осуществлять регуляцию социального взаимодействия, ориентированную на сохранение целостности общества. Именно это определяет высокую значимость социальных установок, выходящих за рамки узкой групповой определенности. Одной из таких установок является патриотическое мировоззрение, ориентированное на достижение интересов общества в целом.

Значимость патриотизма не есть нечто самоочевидное. История философии знает множество позиций, рассматривающих патриотизм, как деструктивное явление или отрицающих его целесообразность. Так, например, Л.Н. Толстой рассматривал противоречие между патриотизмом и космополитизмом и приводил развернутые доказательства в пользу целесообразности последнего [2]. И здесь важно то, что речь идет о противоречии патриотизма и другой по масштабу рассмотрения социальных интересов позиции. Очевидно, что патриотизм противоречит не только теории общечеловеческого единства, но и идеологическим схемам, ориентированным на развитие общественных групп, менее масштабных, нежели население конкретного государства. В этом смысле нам предстоит определить два значимых момента: косвенное значение целостности общества для локальных его элементов и наличие частных противоречий между гипертрофированными интересами локальных элементов общества и интересами социальной системы в целом.

Поскольку общество взаимосвязано, снижение его общей целостности и функциональной эффективности негативно сказывается на практически любом из его элементов. Даже реализация моделей, в которых имеет место эксплуатируемая сторона и, соответственно, группа обладателей явных социальных выгод, при последовательном своем развитии деструктивна для всех, чему можно найти множество исторических подтверждений. При этом само по себе существование общества предполагает момент ограничения частных интересов во имя общего благополучия [3]. Это положение, сохранившее свою значимость с момента возникновения теории общественного договора, предполагает наличие безусловного приоритета общесоциального над частным. Вместе с тем, данное положение, фактически, утверждающее приоритетность интересов общества в целом, никоим образом не отрицает наличия частных интересов. Речь идет о моменте их ограничения, который находит реализацию как в структуре общественных отношений, так и

в отдельных элементах социального мировоззрения. Мы не можем судить о том, что интересы общества этичнее, нежели интересы отдельного человека. Речь идет скорее о том, что сама природа общественных отношений предполагает приоритет общесоциального над частным. Любые конфликты между обществом и отдельными его элементами деструктивны в силу абстрактности целеполагания локальных элементов общественной структуры. Последствия локальных процессов имеют системный характер, и потому очевидно, что наличие общих регулятивных принципов необходимо. И для того, чтобы эти общие регулятивные принципы работали, важно, чтобы меры, направленные на регуляцию социальной структуры, принимались на любом уровне общественной организации. В этом заключается обоснование значимости гражданского сознания и патриотизма.

Выше было показано, что для общества является естественным наличие векторов развития, отвечающих частным интересам представителей общественной структуры. Был рассмотрен и частично доказан тезис о том, что в обществе существуют различные по масштабу формы социальной приоритетности, что находит отражение на уровне общественного сознания. Это значит, помимо прочего, что кроме патриотизма, как ориентации на общесоциальные (в масштабах локального общества) интересы, существуют альтернативные мировоззренческие установки. Очевидно, что между рассмотренными формами мировоззрения периодически имеет место возникновение конфликта, связанного с противоречием между частными интересами членов общества и их общесоциальной включенностью. И эти конфликты разрешаются различным образом в зависимости от общих характеристик ситуации и степени развития патриотического мировоззрения в обществе. Рассмотрим ведущие формы мировоззренческого конфликта, связанного с противоречием уровней социального самоопределения. По критерию характера противоречия можно рассмотреть две ведущие разновидности: внутренний и внешний конфликт.

Специфика внутреннего конфликта заключается в том, что один и тот же участник общественных отношений одновременно является носителем частных интересов и интересов общества в целом. При такой ситуации конфликт между патриотизмом и ситуативными личными интересами может возникнуть только при условии осознания противоречия между ними. В противном случае участник общественных отношений будет действовать в соответствии с теми установками, которые будут для него обладать наибольшей степенью проявленности. Это показывает, что одним из важных условий эффективности механизмов сохранения общественной структуры является развитие у членов общества способности к осознанию текущей социальной ситуации. В качестве примера можно привести реакцию на реформы, имеющие общее положительное значение, однако ущемляющие кратковременные интересы членов общества. Вне осознания общего значения данных реформ, реакция на них в социальной среде будет строго негативной, в то время как при условии понимания их соответствия интересам общества негативные последствия для частных интересов граждан уравниваются их пониманием общей целесообразности принимаемых мер. В этом смысле осознанность социальной включенности и понимание общественных процессов играют чрезвычайно большую роль в сохранении стабильности социальной системы.

Другим примером противоречия между общесоциальными и частными социальными установками является ситуация, когда данное противоречие носит внешний характер. Примером подобного рода явления может выступить ситуация, когда отдельные социальные группы ставят свои интересы выше общесоциальных. Речь идет о таких деструктивных явлениях, как организованная преступность, экстремизм, сепаратизм и т.д. Однако, помимо явных деструктивных тенденций, характеризующих противоречие между интересами общества и интересами частной группы, широкое распространение приобретает ситуация, когда сам вопрос об интересах общества не ставится. В этой ситуации противоречие, рассмотренное выше, переходит из идеологической плоскости на уровень векторов социальной активности. Как уже было показано выше на примере проблемы осознанности

индивидуального социального мировоззрения, противоречие между интересами общества и вектором социальной активности может пролегать не в области прямого конфликта, являясь, скорее, ошибкой в планировании, при которой частные действия влекут за собой негативные последствия на уровне системы общества в целом.

Патриотизм представляет собой осознание интересов общества, как принцип социальной ориентации личности. Это предполагает, в том числе, сопоставление конкретных действий с интересами общества. Наличие альтернативных уровней социальных интересов может уравниваться патриотическими установками (что проявляется на уровне взвешенного многоаспектного принятия решений, либо, как минимум, на уровне прития регулятивной деятельности государства), однако отсутствие патриотических установок представляет собой причину естественного формирования деструктивных тенденций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Патриотизм или мир / URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0750-1.shtml (07.03.2017)
2. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 873 с.
3. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер., с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. - М.: Аспект Пресс, 1998. - 270 с.

УДК 316

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ МЕХАНИЗМОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Боровик О.В.

TO A QUESTION OF DIFFERENTIATION OF MECHANISMS OF PUBLIC REPRODUCTION

Borovik O.V.

Понятия социального процесса и социальной структуры прочно вошли в научный обиход, однако ответ на вопрос о процессуальной природе общественной структуры не самоочевиден. Общество существует во времени, и потому необходимым условием его существования является наличие механизмов воспроизводства наиболее значимых элементов социальной структуры. В статье производится анализ основных разновидностей воспроизводства общественной структуры. Доказывается, что воспроизводство структуры общества включает в себя случайные процессы частного характера, воспроизводимые естественные процессы и управляемые на уровне общественных институтов. На основании анализа естественных и управляемых процессов социального воспроизводства формируется и рассматривается гипотеза о наличии двух принципиально различных типов общественной структуры – централизованных и сетевых социальных структур. Дается их общее определение, рассматриваются наиболее значимые характеристики.

Concepts of social process and social structure have strongly entered scientific use, however the answer to a question of the procedural nature of public structure isn't axiomatic. Society exists in time and therefore a necessary condition of his existence is existence of mechanisms of reproduction of the most significant elements of social structure. In article the analysis of the main kinds of reproduction of public structure is made. It is proved that reproduction of structure of society includes casual processes of private character, the reproduced natural processes and operated at the level of public institutes. On the basis of the analysis of the natural and operated processes of social reproduction the hypothesis of existence of two essentially various types of public structure – the centralized and network social structures is formed and considered. Their general definition is given, the most significant characteristics are considered.

Ключевые слова: общество, социальное воспроизводство, социальная система, социальная структура, естественные социальные процессы, управляемые социальные процессы, сетевые и централизованные социальные структуры.

Keywords: society, social reproduction, social system, social structure, natural social processes, the operated social processes, the network and centralized social structures.

Общество существует процессуально, при этом время его существования значительно превышает сроки жизни носителей социальной структуры. Это доказывает, что существование общества сопряжено с реализацией процесса передачи социальной структуры от одних ее носителей к другим. Этот момент преемственности предполагает наличие механизмов трансляции социальной структуры, естественным образом заложенных в нее. Следует, однако, отметить, что далеко не все аспекты общественной организации характеризуются длительным существованием. Так, например, существование политических образований (что, несомненно, находит отражение в структуре общества) может иметь место на чрезвычайно малом промежутке времени в одних случаях и, напротив, длиться веками в других. Еще один пример процессуально существующих элементов структуры общества – общение. Оно может иметь ситуативный характер (в случае, если акт коммуникации вызван случайными, невоспроизводимыми причинами), либо представлять собой самовоспроизводящийся процесс (в том случае, если субъекты коммуникации условились о последующих встречах или иных формах связи). Поскольку общество существует во времени, фактически, оно существует на уровне процессов. То, что мы называем структурой общества, представляет собой схематическое отражение процессов, имеющих место в действительности, что включает в себя как акты непосредственной коммуникации, так и разнообразные формы запечатления взаимосвязи между участниками социального взаимодействия [1]. В приведенном выше примере память двух участников коммуникации друг о друге представляет собой социальную связь, выступающую в качестве основания последующего воспроизводства акта коммуникации. Любые формы социального взаимодействия, будучи существующими на процессуальном уровне, должны либо реализоваться разово на уровне текущих процессов, либо повторяться из-за цикличности соединения необходимого набора предпосылок, либо находить отражение на уровне системы социальных связей. Последнее предполагает наличие носителей информации о существовании конкретных социальных связей.

Исторически первой значимой формой запечатления информации являлась память, а первой формой трансляции и передачи информации – устный рассказ. Так, статус того или иного члена племени определялся тем, что его знают и помнят. Это, в частности, определяло значение наивысшего наказания – изгнания, поскольку, фактически, человек полностью утрачивал свой статус и попадал в мир, где его никто не знает и не помнит. Примечательно, что уделом человеческой памяти являлось не только племя и сложившаяся в нем система статусов, но и набор ведущих правил (в том числе и те из них, которым приписывалось мистическое значение). Это означает, что данный этап существования общества предполагал вербальную ретрансляцию его структуры [2].

Изобретение письменности сделало возможным развитие механизмов передачи и хранения знания на материальных носителях, что определило новую фазу становления общества, в которую его существование (в том числе и преемственность существования социальных форм) перестало зависеть от памяти конкретных людей. Это открыло возможности для усложнения общественной структуры, поскольку наиболее значимые социальные принципы, связи и установки получили материальное закрепление. Со временем процедуры отражения социальной структуры на материальном уровне прошли ряд стадий совершенствования, в результате чего многие значимые связи нашли отражение во внешнем мире. Одним из наиболее красочных примеров данной тенденции является компьютерная техника и, в частности, социальные сети, в которых отображается разнообразная информация о социальных контактах и отношениях миллионов людей. Еще одним примером материального закрепления социальных отношений являются документы,

в цивилизованных странах подтверждающие личность и статус каждого человека.

Вместе с тем, при условии отсутствия людей, как носителей социальных отношений, выраженных процессуально, даже наличие материальных носителей, отражающих определенную структуру взаимодействия, не позволяет судить о наличии общества. Одновременно с этим, собрание людей, которых совершенно ничего не связывает, также достаточно проблематично называть обществом. Таким образом, взаимодействие людей, реализуемое на процессуальном уровне, и есть процесс существования общества.

Возвращаясь к вопросу о воспроизводстве и развитии общественной структуры, следует отметить, что социальные процессы делятся на разовые, самовоспроизводящиеся и институционально закрепленные. В рассмотренном выше примере случайной коммуникации налицо случайный, разовый факт общения между двумя людьми. Подобного рода явления возникают сами по себе в результате соединения ряда факторов, которые периодически сочетаются (что приводит к очередному повторению ситуации). В случае, если участники коммуникации обменялись контактами для продолжения общения, речь идет о закреплении социальной связи и создании механизма ее воспроизведения. Если же эти люди в итоге вступили в брак (либо, например, стали деловыми партнерами), речь идет об институциональном закреплении связи между ними.

В рассмотренной модели речь идет о процессе возникновения социальных связей, в котором источником социальной связи выступают члены общества. Существует обратный принцип, при котором имеет место закреплённая социальная структура, носители которой сменяют друг друга, включаясь в институциональную структуру и покидая ее [3]. Подобного рода схема действует только в том случае, если в обществе уже существует сложившаяся система отношений, обладающая механизмами самовоспроизводства. Ярким примером подобного рода институциональной структуры является экономическое предприятие, персонал которого сменяется. Налицо ситуация, когда состав носителей функциональной активности предприятия могут смениться полностью, сохранив при этом неизменными основные его структурные и функциональные характеристики.

Воспроизводство общественной структуры, основанное на преемственности участия отдельных людей в деятельности сложившихся институциональных образований, основано на активном характере данных институциональных образований и, в частности, наличии в них механизмов подготовки и включения в свою структуру новых носителей функциональной активности. Исторически ведущие институциональные структуры общества (экономические организации, правовые структуры, политическая власть) реализуют свое существование именно в соответствии с этим принципом. Закрепление структуры отдельной институциональной сферы производится внешним образом, что определяет их статичность (в структурном плане) и устойчивость. Речь может идти об уставе организации или своде законов, или иной другой форме закрепления надлежащей системы социальных связей.

По результатам проведенного анализа можно прийти к следующему выводу: формирование социальной структуры происходит посредством реализации двух различных по своей направленности механизмов: формирование системы социальных связей отдельными участниками общественных отношений и привлечение в уже существующие социальные структуры носителей социальной активности. Принципиальное различие между данными двумя механизмами состоит не только в моменте первичности (носителей социальной активности или социальных институтов), но и в том, каков в реализуемых механизмах характер взаимодействия между структурой общества и ее носителями. Процесс подготовки или привлечения членов общества для осуществления институционально определенной деятельности предполагает целенаправленное формирование специфического набора качеств, необходимого для выполнения конкретных задач. Напротив, совместное формирование новой системы отношений предполагает исходную готовность к ее созданию. По этой причине воспроизводство социальной структуры, основанное на принципах преемственности функциональной деятельности в

уже сложившихся структурах предполагает момент организации будущих носителей необходимых социальных функций. Напротив, самостоятельное формирование структуры общества представляет собой естественный процесс, связанный с актуализацией уже имеющихся возможностей и потребностей членов общества.

По своему характеру проявления возникающие в результате рассмотренных социальных механизмов структуры существенно различаются. Институциональные сферы, ориентированные на преемственность социальных функций, с необходимостью имеют иерархическую систему (как минимум, в силу того, что необходима организация процесса отбора или подготовки носителей институциональной функции), в то время как социальные структуры, возникшие в результате естественного взаимодействия членов общества, имеют возможность равноправного участия носителей социальной активности. Это не является обязательным, однако сама по себе возможность равноценного взаимодействия в рамках формируемой системы отношений представляет интерес, как модель. Таким образом, в обществе имеют место управляемые и естественные процессы социального воспроизводства, в результате которых происходит формирование централизованных и сетевых структур. Поясняя введенные обозначения отметим, что момент иерархичности и функциональной сложности институциональных структур предполагает момент централизации, в то время как естественный характер взаимодействия и равнозначный статус его участников определяет пластичность системы и чрезвычайно эффективно отражается в рамках идеи сетевой коммуникации.

Для целостности общества и эффективного протекания общественных процессов необходимо наличие как централизованных, так и сетевых структур. При этом историческая практика показывает, что с древних времен в ряде социальных сфер реализуется сценарий институционализации по модели формирования централизованной самовоспроизводящейся структуры. Даже институт семьи, формирование которого в наши дни реализуется по принципам свободы и равноправия, на первоначальных этапах развития общества предполагал момент жесткого подчинения и иерархичности. При этом естественное формирование общественной структуры скорее представляло собой заполнение брешей в существующей общественной структуре. Чем интенсивнее реализуется развитие общества, и, соответственно, чем сильнее усложняется его структура, тем проблематичнее становится централизованное регулирование общественных процессов. На современном этапе развития общества, когда его структура чрезвычайно сильно усложнилась, а динамика социальных процессов повысилась, все большую интенсивность приобретают естественные механизмы воспроизводства общественной структуры, в результате которых происходит формирование сетевых структур различного порядка.

Здесь следует сделать одно значимое уточнение. Рассматривая формирование сетевых структур, мы моделировали принцип равноправного объединения носителей социальной активности. Однако в качестве носителей социальной активности могут выступать не только отдельные люди, но также и уже сложившиеся функциональные структуры, что может быть проиллюстрировано на примере финансовых корпораций или, например, военно-политических блоков, которые формируются исходя из общей инициативы и с сохранением статуса отдельных участников. При условии, что участниками сетевого объединения являются не отдельные люди, но уже сложившиеся социальные структуры, справедливо было бы судить о возникновении социальных систем смешанного типа, сочетающих в себе элементы сетевого взаимодействия и одновременно элементы централизованного регулирования и внутреннего воспроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Parsons T., Smelser N. *Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory*. Taylor & Francis e-Library, Rutledge, 2005, - 350 pp.

2. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 873 с.
3. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. - М.: Аспект Пресс, 1998. - 270 с.

УДК 316

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ЗАПАДНОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Попова Н.А., Воробьев С.М.

SOCIALIZATION OF THE PERSONALITY IN THE WESTERN EDUCATION SYSTEM: TO STATEMENT OF THE PROBLEM

Popova N.A., Vorobyov S.M.

В общественном сознании западных стран наблюдается понимание того факта, что различные дефекты социализации молодежи несут в себе потенциальную угрозу стабильности общества. По мнению авторов, необходимо признать, что образовательные учреждения на Западе характеризуются значительным потенциалом демократического развития, учитывающего внутренние резервы, как социального института, в котором осуществляется социализация обучающихся.

In public consciousness of the western countries the understanding of that fact that various defects of socialization of youth pose in themselves potential threat to stability of society is observed. According to authors, it is necessary to recognize that educational institutions in the West are characterized by the considerable potential of the democratic development considering internal reserves as social institute at which socialization of students is carried out.

Ключевые слова: индивид, личность, образовательная социализация, постиндустриальное общество, гуманистическое воспитание, коммуникативная педагогика

Keywords: individual, personality, educational socialization, post-industrial society, humanistic education, communicative pedagogics

Система образования западных стран и, соответственно, процессы образовательной социализации рассматриваются в контексте социальных, экономических, политических проблем постиндустриального общества, которые, так или иначе, «определяются системой научного мировоззрения, научно-осознанными социальными целями общества» [3]. Не вызывает сомнений и тот факт, что это исключительное противоречивое и многогранное явление.

В плюралистическом обществе Запада происходит довольно резкая духовная поляризация гражданского самосознания, поэтому образовательный процесс, направленный на социализацию, неизбежно отражает наличие различных конфронтационных взглядов, обусловленных как политико-идеологическими, так и академическими разногласиями. Более того, если обозначить крайние позиции, то в поле зрения неизбежно оказывается столкновение авторитарных, консервативных взглядов и демократических устремлений. В свою очередь собственная логика развития западных программ социализации индивида обусловлена объективно существующей ситуацией - своего рода гносеологической дихотомией - между рационалистическими, манипулятивными по своей направленности схемами, с одной стороны, и комплексом антитехнократических, педоцентристских концепций и установок, акцентирующих спонтанность процесса социального формирования индивида - с другой.

Современный педоцентризм в вопросах развития личности и образовательной социализации, в настоящее время по своей внутренней логике концептуально является более динамичным и разносторонним, в отличие от рационалистических, манипулятивных

ориентаций, детерминированных позитивистской методологией и бихевиористским подходом к человеку.

Социализация педоцентристского направления базируется на ряде методологических источников, своеобразно дополняющих друг друга. Наряду с биодетерминизмом психоаналитической школы с ее различными модификациями в прошлом и настоящем, а также комплексом установок гуманистической психологии, современный педоцентризм методологически тесно связан с биогенетическим направлением лонгитюдного изучения детского развития и социализирующих влияний на него. В отличие от прикладной психодиагностики (тестологии), предлагающей лишь актуальные срезы интеллекта, утилитарно используемые в селективных целях системой образовательной социализации в западных странах, прежде всего в англоязычных, данное направление основывается на многолетних исследованиях, в которых прослеживается длительный процесс соматического и психического развития ребенка, трактуемый как спонтанное биосоциальное созревание.

Представители биогенетического направления привлекли внимание ученых к изучению взаимозависимости физического и психического развития. Это имеет важное значение для психофизиологии. Однако попытки понять закономерности психики исходя только из биологических законов, естественно, не увенчались успехом. Недооценивается роль социальных факторов развития и переоценивается его единообразие [4]. В целом с данным выводом трудно не согласиться. И все же он представляется несколько прямолинейным, не учитывающим потенциальные возможности использования активов названного направления в практике образовательной социализации. В данном случае речь идет об объективно общественно полезной ценности тех или иных научных данных, выводов и рекомендаций.

Вокруг вопроса о соотношении биологической и социальной сущности человека и соответственно о значении биогенетической и социальной программы его становления как личности ведется не ослабевающая идеологическая и научная полемика в сфере воспитания и образования. На Западе эта полемика выливается в напряженную конфронтацию между сторонниками неосоциал-дарвинистских подходов и взглядами прогрессивной педагогической общественности, ученых-гуманистов. Психологи и педагоги, находящиеся в оппозиции к неосоциал-дарвинизму, утверждают оптимистическую альтернативу, гуманистический подход к социализации и формированию личности в целом на основе «всей человеческой культуры, ее духовно-нравственного развития» [6]. В их работах аргументируется идея о социальной обусловленности развития высших психических функций ребенка. Исследования этого направления дают важный материал для понимания не только различных особенностей и проявлений интеллекта, «творческой деятельности личности как процесса становления и саморазвития целостной личности» [7], но и общей специфики, закономерностей социализирующих воздействий на становление интеллектуальной и психоэмоциональной сфер индивида в детском и подростковом возрасте. Необходима ориентированность на внутреннюю мотивацию, наряду с установкой на сочувственное понимание личностного мира обучающихся. Этому содействует популярность модели гуманистической школы в кругах либеральных деятелей образования и преподавателей.

Теоретики модели гуманистической школы совершенно правильно акцентируют необходимость решения проблемы «межличностных отношений общения в коллективе» [5], трудностей коммуникации во взаимодействии преподавателей и обучающихся. Установка на аффективно-эмоциональную сторону этого взаимодействия оказывается в этой ситуации несколько гипертрофированной, и приводит к требованию организовать образовательную социализацию в направлении непосредственных интересов и потребностей, поскольку личность следует ограждать от невротизирующего давления учебной работы по заранее предусмотренной программе. При этом одновременно обосновывается вполне оправданная психотерапевтическая цель изменения конкурентной практики западной школы в пользу свободы учения без страха потерпеть неудачу.

С психотерапевтической установкой такого рода, направленной на укрепление

психического здоровья детей и молодежи, сочетаются проникнутые агностицизмом взгляды на содержание обучения. Объективность знания, носителем которого выступает преподаватель, твердо отрицается, однако учитывается и понимание того, что оно порождено обществом, цивилизацией и потому есть нечто большее, чем просто описание психологического состояния познающего. В этом случае возникает вопрос, как быть с тем знанием, реальную полезность которого обучающийся способен оценить лишь в дальнейшем.

В современных западных концепциях социализации ведущую роль играет категория спонтанного формирования личности и соответственно идея преобразования воспитания на основе антирепрессивности и психотерапевтической коммуникации, «позволяющих эффективно отражать особенности социальной динамики» [1]. Вполне очевидна прагматическая окраска довольно декларативного идеала антиавторитарного направления образовательной социализации, поскольку речь идет о реальном психологическом приспособлении детей и молодежи к существующим социальным структурам.

Гармонизация западного общества, обновление морально-нравственных нормативов и ценностей, предполагает, прежде всего, достижение взаимопонимания, компромиссных решений и психологической сплоченности в отдельном сообществе. Все большее влияние приобретают идеи позитивного коммуникативного взаимодействия, становясь важным методологическим источником для развития педагогической мысли на Западе, где практика социализации детей и молодежи все больше ориентируется на современную науку о человеке. Идеи позитивного коммуникативного взаимодействия опираются на прагматически направленный социально-релятивистский подход к личности, развиваемый интеракционизмом - одной из ведущих психологических школ на Западе. Интеракционистский подход характеризуется убеждением, что человеческая природа и социальный порядок являются продуктами коммуникации.

Интеракционистская теория стимулирует разработку более тонких методик регулирования социального поведения западной молодежи, в которых делается акцент на развитие коммуникативных способностей и на становление личности в ситуациях общения и взаимодействия, что оказывается весьма продуктивным подходом в сфере образовательной социализации. В обучении учащихся коммуникативности американская педагогика видит средство успешной интеграции индивида в социальную структуру общества на основе достижения взаимопонимания в процессе коммуникативного обмена.

Формирование коммуникативности как одна из важнейших задач образовательной социализации рассматривается в единстве с развитием аффективной, когнитивной и психомоторной сферы. Следует также отметить, что стратегия социализации, основанная на формировании коммуникативности обучающихся, принимает все более гибкие формы. Все больше утверждается мнение о том, что главным условием формирования коммуникативности обучающихся выступает малая группа, основной позитивной характеристикой которой является сплоченность. Сама обстановка малой группы заставляет индивида слушать и высказывать свои идеи, выражать искренние и конструктивные критические замечания, чем и характеризуется процесс педагогически выверенной социализации детей и молодежи, приобретающей в этом случае подлинно гуманистический характер.

Достижение целей коммуникативного взаимодействия, а также его когнитивных и аффективных результатов рассматривается как наиболее важная сторона образовательной социализации в целом. Сотрудничество как таковое понимается с этих позиций как тип учебных занятий, который предполагает совместную динамичную работу над общей крупной задачей или проектом, общение и взаимодействие в процессе решения возникающих конкретных проблем.

В концептуальных подходах педагогов гуманистического направления, разрабатывающих интеракционистское направление, обращается особое внимание на общий стиль педагогического руководства преподавателем коммуникативным

взаимодействием в классе, которое и служит одним из важнейших условий успешного процесса образовательной социализации в современных, условиях. Психологическая ситуация, располагающая обучающихся к свободному высказыванию своего мнения, идей и предложений, возникает тогда, когда преподаватель придерживается демократического, а не авторитарного стиля взаимодействия (Р. Липпит, Р. Уайт), проявляет безусловное позитивное отношение к обучающимся (К. Роджерс.), умеет выслушать (Т. Гордон), создает позитивную внешнюю среду (У. Парки).

Идеи коммуникативной педагогики глубоко интегрированы в общее широкое направление гуманистического воспитания, выполняющее все более активную социализирующую функцию в сфере воспитания и образования на современном Западе, лидирующем в поисках педагогических инноваций, способных сделать школу, общественное воспитание более эффективными одновременно более гуманными, личностно ориентированными. Сравнительно небольшое влияние оказывает на этот процесс «психолого-педагогическая подготовка профессорско-преподавательского состава» [2].

Не следует забывать и другое исключительно важное обстоятельство, а именно то, что теория и практика социализации детей и молодежи на Западе являет собой весьма неоднозначную, противоречивую картину. Концептуальные поиски в этой сфере определяются не только неогуманистической ориентацией, тяготеющей к педоцентризму и к проникнутым интроспективным психологизмом моделям социализации. Так, на создание четко функционирующей системы формирования личности по индустриальному образцу направлены современные поведенческие концепции социализации молодежи, непосредственно связанные с бихевиоризмом и технократическим моделированием развития общества.

В контексте данного направления обнаруживается следующее: для решения проблем социализации личности образовательному учреждению предлагается педагогическая система, реально обеспечивающая подготовку индивидов с нужными и социально одобряемыми качествами, каждому из которых предстоит функционировать как хорошо адаптированная и конформная единица социального целого. Сама образовательная социализация понимается при этом достаточно узко - как использование на строго научной основе тех или иных алгоритмов позитивного и негативного подкрепления с наибольшим потенциальным эффектом.

Рассмотрение основных концептуальных ориентаций, определяющих как общий характер, так и конкретные формы образовательной социализации на Западе, показывает, что они являются важным вектором развития современной педагогической мысли. Анализ исследуемых проблем, конкретно-научных идей, их содержания в целом позволяет объективнее осмыслить современный неоднозначный этап развития педагогики и отечественного образования, социального формирования российской молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. - С. 95-100.
2. Говердовская Е. В., Мкртычева Н. М. Организация воспитательного пространства современного вуза // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - № 9. - С. 230-232.
3. Гончаров В. Н., Колосова О. Ю. Социально-философский аспект научно-информационной деятельности в системе общественного развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - № 9. - С. 26-29.
4. Кон И. С. Психология старшеклассника. - М.: Просвещение, 1980. - 192 с.
5. Лобейко Ю. А. Профессиональная адаптация первокурсников к условиям обучения

в вузе в контексте межличностных отношений // *European Social Science Journal*. - 2016. - № 1. - С. 227-229.

6. Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.

7. Руденко А. М., Греков И. М., Камалова О. Н. Теоретико-методологические и философские аспекты исследования творчества // *Гуманитарные и социальные науки*. - 2014. - № 4. - С. 109-119.

УДК 37

СТАТУС ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Сыпачев С.В.

STATUS OF THE MILITARY MAN: INSTITUTIONAL AND SOCIO-PHENOMENOLOGICAL ASPECTS

Sypachev S.V.

Армия представляет собой один из важнейших социальных институтов. При этом отмечается его особенное положение относительно других социальных структур. Деятельность института армии находится вне сферы естественно формируемого социального взаимодействия, и потому регуляция взаимодействия армии с другими институциональными сферами целиком находится в юрисдикции государства. По этой причине имеет большое значение рассмотрение институционального аспекта деятельности военнослужащих, что определяется как их положением внутри системы армии, так и общим характером межинституционального взаимодействия в обществе. В статье проводится общий анализ внутренних и внешних институциональных факторов, детерминирующих статусно-ролевую определенность военнослужащих.

The army is one of the most important social institutions. At the same time, his special position regarding other social structures is noted. The activity of the army institute is outside the sphere of naturally formed social interaction, and therefore the regulation of the army's interaction with other institutional spheres is entirely within the jurisdiction of the state. For this reason, it is very important to consider the institutional aspect of the activities of servicemen, which is determined both by their position within the army system and by the general nature of the interinstitutional interaction in society. The article provides a general analysis of internal and external institutional factors that determine the status-role certainty of servicemen.

Ключевые слова: армия, статус военнослужащего, социальные институты, социальные роли, институциональное взаимодействие.

Keywords: army, military servant status, social institutions, social roles, institutional interaction.

Статус военнослужащих напрямую связан с такими факторами, как функциональная востребованность и эффективность армии. Это определяет значимость целого ряда факторов, к числу которых относятся: - актуальность внешних угроз, на противодействие которым направлена деятельность армии; - интенсивность внутренних деструктивных процессов, урегулирование которых производится с привлечением вооруженных сил; - актуальность исторического опыта внешнеполитических или внутренних конфликтов; - эффективность организации армии, как социального института; - актуальность на уровне общественного сознания идеи защиты государственности.

Перечисленные факторы не исчерпывают совокупность условий, определяющих статус военнослужащих. Социальная оценка субъекта любой профессиональной деятельности складывается из ряда моментов, которые условно можно разделить на оценку общественного института в целом, формирование отношения к социальной группе, осуществляющей его функциональную деятельность, а также непосредственную оценку отдельных представителей конкретной социальной группы. Первые два аспекта

взаимосвязаны напрямую и определяются сложившимися в обществе стереотипами восприятия, в то время как последний определяется универсальными механизмами формирования социальных оценок. К их числу относится оценка материального достатка, уровня индивидуальной культуры, социальных возможностей человека и т.д. Очевидно, что данные аспекты оценки напрямую связаны с состоянием общественного института, к которому непосредственно относится оцениваемый человек. Вместе с тем, здесь сохраняется место как для проявления индивидуальных особенностей, так и для динамического изменения социальной позиции субъектов оценки. Поясняя вышесказанное, отметим, что стереотипы, распространяемые на отдельные социальные группы, обладают чрезвычайно устойчивым характером, при этом наиболее распространенной формой их деактуализации является противоречащий исходным установкам личный опыт. Для стабильного общества, в котором военные действия представляют собой далекое от общественности явление, основной формой личного опыта оценки военнослужащих является индивидуальная коммуникация и внешняя статусная оценка. Это определяет значимость универсальных показателей социальной состоятельности военнослужащих.

Одним из важнейших аспектов формирования положительной оценки армии, как социального института, является связывание на уровне общественного сознания идей эффективности вооруженных сил и стабильности общества. Армия представляет собой социальный институт, объектом деятельности которого является государство: существование вооруженных сил направлено на сохранение его целостности и стабильности. И в этом смысле обнаруживается важная взаимосвязь, между осознанием со стороны населения значимости интересов государства и признанием военнослужащих, как значимой социальной группы.

Длительное время армия являлась не просто механизмом защиты государства от внешних агрессоров – армия выступала в качестве ведущего государствообразующего фактора. Как отмечают Мохов С.В. и Простаков С.А. «Армии в современном понимании слова как совокупности регулярных воинских подразделений, связанные единым командованием и призванные вести вооруженные действия по приказу государства, стали появляться в раннее Новое время в Европе, которая на тот момент из раздробленного средневекового пространства стала превращаться в систему крупных суверенных государств, которые в связи с ростом экономической и политической экспансии соседей, а также происходивших в это время религиозных войн, были вынуждены перейти от нерегулярных феодальных войск к большим государственным армиям» [4]. Исторически война выступает в качестве одного из основных факторов, определяющих формирование государств, однако, справедливо и обратное суждение – длительное время война представляла собой одну из основных причин изменения общественного строя, связанного с подчинением завоеванных территорий субъекту политической агрессии. И в этом смысле армия выступает одновременно и как инструмент расширения границ отдельного государства, и как гарантия его сохранности. В современных условиях, когда политическая агрессия в существенной мере ограничивается многочисленными международными соглашениями, армия не утрачивает своей функциональной значимости. Причина заключается в том, что вооруженные силы обладают универсальным характером и могут быть направлены не только на открытый силовой конфликт, но и на разрешение внутренних проблем, возникших в локальном обществе. Ярким примером тому являются масштабные стихийные бедствия, ликвидация последствий которых в существенной мере ложится на военнослужащих. Не следует, однако, полностью отрицать возможность внешней угрозы, свидетельством чего является текущая нестабильная политическая обстановка в мире. И в этом смысле наличие развитой структуры вооруженных сил является существенным фактором, определяющим, в том числе и превентивно, социальную и политическую стабильность общества.

Очевидно, что наибольшую заинтересованность в наличии эффективной армии

имеет политическая структура общества. Армия является функциональным элементом государства, и в ряде отношений оценка военнослужащих определяется отношением членов общества к государству, как таковому. Здесь имеет место существенный момент символического отношения: патриотически настроенные члены общества значительно более лояльны как к армии, так и к военнослужащим. Однако здесь следует учитывать различие между обществом и государством: даже ярые противники текущего государственного строя, при условии позитивного отношения к обществу в целом, могут осознавать значимость вооруженных сил. Таким образом, армия, будучи функционально значимым элементом государства, одновременно является самостоятельной социальной структурой, что особенно четко прослеживается в моменты значимых политических потрясений. Различие между социальной и политической ориентированностью вооруженных сил неоднократно проявлялись в ситуациях, когда имело место нарушение политической структуры общества, однако сохранялась необходимость поддержания его целостности и стабильности перед лицом внешних угроз.

Данная двойственность в объектности функциональной деятельности вооруженных сил имеет место как на уровне сознания членов общества, не связанных напрямую с армией, так и в среде военнослужащих, что проявляется в идее воинской службы, как защиты Родины (что не ограничивается одной лишь политической структурой государства).

Статус военнослужащего определяется совокупными результатами взаимодействия различных социальных институтов в аспектах, связанных с несением воинской службы [2]. Наибольшее значение в данном случае имеют институты политической власти, права, образования и семьи. На уровне институтов семьи и образования происходит формирование представлений об армии и ее роли в обществе, что имеет большое значение как для участия членов общества в воинской службе, так и для корректной оценки населением значимости вклада, осуществляемого военнослужащими в жизнь общества. При этом, если на уровне института образования возможно централизованное регулирование ситуации посредством введения специальных образовательных курсов, то на уровне института семьи реализуется момент преемственности социальной позиции. С учетом того, что в начале 90-х годов государство пережило глубокий кризис, отразившийся практически на всех социальных сферах, тенденция ретрансляции представлений об армии в семейной среде носит неоднозначный характер. С одной стороны, сохраняют свое влияние стереотипы об армии, как необходимом этапе в становлении и развитии мужчины, с другой, получают широкое распространение негативные стереотипы, связанные с оценкой условий, с которыми сталкиваются военнослужащие.

Здесь стоит сделать важную оговорку: существует большое различие между оценкой армии, как возможной области приложения личных ресурсов и военнослужащих, как таковых. В большинстве своем негативные стереотипы связаны с самим институтом армии и отражают неблагоприятные условия ведения воинской службы, в то время как к военнослужащим отношение в российском обществе, в целом, положительное. Отдельного внимания заслуживает и то, что критически важным является различие военнослужащих по их внутриинституциональному статусу. Как было показано выше, социальная оценка личности складывается из общего отношения к социальному институту, представителем которого является конкретный человек (что косвенно определяет его пользу для общества), совокупных представлений о характере социальной группы, к которой принадлежит оцениваемый член общества, а также из непосредственной оценки его общественного положения и возможностей. Последнее определяется такими факторами, как социальные гарантии, возможности и привилегии, которыми располагает член общества, а также его личным статусом в институциональной структуре, в которую он включен. Здесь актуализируются две важные проблемы: социально-правовая определенность военнослужащих и структура института армии, как основание для определения внутриинституционального статуса военнослужащих.

Социально-правовая определенность военнослужащих находит четкое определение в

Федеральном Законе о Статусе Военнослужащего, а также в системе нормативно-правового регулирования, определяющего различные аспекты прохождения воинской службы. Как материальное обеспечение военнослужащих, так и формирование системы льгот и привилегий целиком и полностью определяются государственной политикой в данной сфере. И в этом отношении в настоящее время имеют место ощутимые положительные сдвиги, связанные с изменением условий материального и правового обеспечения российской армии. Это связано с повышением зарплат военнослужащим-контрактникам, увеличением денежного довольствия офицерского состава, последовательными действиями по разрешению проблем с жильем для военнослужащих и их семей. Однако, анализируя положительные сдвиги в материальном обеспечении военнослужащих, следует отметить, что они имеют отношение, в первую очередь, к области профессионального ведения воинской службы и охватывают, соответственно, контрактников. Это определяет существенную двойственность в определении социального статуса военнослужащих: фактически, имеет место разделение на две неравные в статусном плане группы: военнослужащих по призыву и военнослужащих, состоящих в рядах российской армии на контрактной основе. В то время, как субъекты профессиональной воинской службы обладают расширенным пакетом социальных гарантий (что благоприятно сказывается на внешней оценке их социального статуса, большинство рядового состава российской армии не получает сопоставимого социального обеспечения.

Отдельного внимания заслуживает не только внешняя статусная определенность военнослужащих, но и момент их статусного определения внутри института армии. Армия представляет собой иерархическую структуру, основанную на принципах подчинения. В этом отношении статус каждого отдельно взятого военнослужащего определяется его воинским званием и занимаемой должностью. Также немаловажным аспектом является неформальное статусное разделение среди категории равных по критерию воинского звания военнослужащих: здесь определяющими факторами становятся индивидуальные лидерские качества и срок службы, а также характер протекания воинской службы (по контракту или по призыву). Таким образом, на внутриинституциональном уровне наиболее значимые позиции в статусном плане также приобретают военнослужащие, осуществляющие свою деятельность на контрактной основе (офицерский состав и рядовые контрактники).

Современная ситуация осложняется проблемами, связанными с пополнением личного состава вооруженных сил посредством осуществления обязательного призыва. Демографические проблемы, связанные с кризисной ситуацией в начале 90-х годов, являются причиной существенного недобора призывников, в результате чего складывается практика призыва молодых людей, имеющих проблемы со здоровьем. Еще одной проблемой становится практика уклонения от призыва, связанная с коррупцией в военкоматах, а также широким использованием платной системы образования для получения отсрочки от армии. В результате статистически высокой становится ситуация, когда военнообязанные граждане получают вузовскую отсрочку от армии, и в дальнейшем обзаводятся семьей, что освобождает их от воинской службы. Наличие финансовых рычагов уклонения от призыва приводит к изменению состава российской армии по критерию материального состояния новобранцев. Статистически, возрастает процент призывников из малообеспеченных или неблагополучных семей, а служба в армии превращается в своеобразный маркер социального неравенства [1].

Анализируя ролевой аспект воинской службы, следует отметить, что важнейшим отличительным признаком армии является наличие жесткой иерархичной командной системы, что предполагает момент четко выстроенной системы отношений в воинской среде. В данном случае одним из важнейших процессов становится формирование соответствия модели поведения личного состава вооруженных сил системе взаимодействия, принятой в армии. Армия представляет собой социальный институт, в котором

эффективность осуществляемых процессов напрямую зависит от соответствия личного состава системе ролевых ожиданий, связанных с их положением. Действия военнослужащих должны соответствовать их служебным обязанностям, что предполагает минимизацию личного выбора и беспрекословное подчинение командной структуре. Отдельного внимания заслуживает и то, что далеко не для всех ситуаций возможен элемент контроля со стороны старших по званию военнослужащих. Это определяет высокую значимость следования служебным инструкциям, а также Уставу. По этой причине чрезвычайно значимым процессом в ходе социального становления военнослужащих является вторичная социализация, ориентированная на привитие необходимых социальных установок и соответствующих знаний. Одним из центральных моментов в данном случае является формирование дисциплины, а также способности к четкому следованию поставленной цели. Эти профессионально значимые качества являются одной из составляющих образа военнослужащего [3].

Подводя итоги проведенного обзора, следует отметить, что взаимосвязь армии и других социальных институтов реализуется, в основном, опосредованно, с привлечением государственно-нормативной структуры. Государство выступает в качестве инициатора реформ в области образования, формирует нормативно-правовую базу, определяющую статус военнослужащих, выступает в качестве источника социальных гарантий. Во всех перечисленных сферах армия выступает в качестве объекта воздействия, в то время как сам по себе институт армии оказывает влияние на ведущие социальные институты не столько на функциональном уровне (при котором рассматриваемые институты выступают в качестве объекта деятельности военнослужащих), сколько на уровне привлечения человеческих и материальных ресурсов, а также необходимости реализации социальных гарантий военнослужащих (примером чего могут являться многочисленные льготы для участников военных действий). В этой связи роль ведущего фактора, определяющего состояние армии и, в частности, статус военнослужащих в обществе, сохраняет государство. Проблема взаимосвязи состояния общественных институтов и общей статусной определенности военнослужащих в данном отношении двояка: с одной стороны, эффективность социальных подсистем напрямую влияет на состояние армии (так, например, коррупция в призывных комиссиях представляет собой явный случай нарушения правовой сферы, а от эффективности воспитательной работы в учебных заведениях во многом зависит отношение к армии на уровне общественного мнения), с другой имеет чрезвычайно большое значение степень представленности интересов военнослужащих на уровне институциональной сферы общества. И именно здесь проявляется значимость адекватного потребностям военнослужащих государственного регулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашов А.И. Российская армия: смена модели // Мир России. Социология. Этнология. - 2014. - №4. - С.148-177.
2. Быстряков О.Ю. Военнослужащие в социальной структуре современного российского общества // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. - 2011. - №1. - С.42-45.
3. Карманов А.В. Воинское обучение и воспитание в российской армии: поиск новой парадигмы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. - 2012. - №3. - С.157-162.
4. Мохов С.В., Простаков С.А. Межэтнические конфликты в армии и оценка опыта службы в опросах демобилизовавшихся солдат и офицеров // Мир России. Социология. Этнология. - 2013. - №2. - С.126-140.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1

ФИЛОСОФСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Айрапетов А.В.

PHILOSOPHICAL CONSIDERATION OF INSTITUTIONAL FACTORS TRANSFORMING SOCIETY

Airapetov A.V.

В настоящей статье производится философское рассмотрение институциональных категорий трансформирующегося общества. Анализ проблемы свидетельствует о том, что в институциональной перспективе любого общества заложены ожидания социальных, культурных, экономических и иного рода положительных перспектив. Ориентация по установке «завтра лучше, чем вчера» закреплена в массовом сознании, в морали и нравственности как ведущая функциональная установка для всех сфер жизни общества. Одновременно с этим, обнаруживаются предпосылки развития дисфункциональности самих институтов. Для различных периодов глобальной истории меняются содержание, строение и способы институционального воздействия в пределах общественных норм, традиций, предписанных законов. Этим определяется достаточно широкая вариативность в научно признанной типологии социальных институтов.

In this article is a philosophical consideration of the institutional categories of transforming society. Analysis of the problem suggests that the institutional perspective any society founded expectations of social, cultural, economic and other positive prospects. Orientation for installing "tomorrow better than yesterday" fixed in the mass consciousness, morality as a leading functional installation for all sectors of society. At the same time, found the preconditions for the development of dysfunctional institutions. For different periods of global history change the content, structure and methods of institutional influence within social norms, traditions, prescribed laws. This is determined by a fairly wide variability in the scientifically recognized typology of social institutions.

Ключевые слова: социальные институты, социальные ожидания, трансформирующееся общество, дисфункция, интересы общества.

Keywords: social institutions, social expectations, and transforming society dysfunction, the interests of society.

Для любого общества структуры населения воспроизводятся и определяют потенциал и динамику значительных по количественному составу общественных групп в приоритетах одного или нескольких устойчиво проявляющихся признаков.

По данной теме мы рассматриваем следующие группы демографических структур: - количественный состав и половая структура конкретного общества; - возрастная дифференциация населения; - духовные основания традиций и современных функций конфессионального состава населения в структуре социума; - семейная, брачная структура, определяющая формы родственных отношений и функциональных зависимостей в пределах правовых установок для такого рода образований; - приоритеты культуры по содержанию и значению стилей языкового общения; - хозяйственная структура общества по составу форм регуляторов собственности, правовых гарантий для сферы экономики и финансов.

По указанным параметрам половая и возрастная дифференциация, коммуникации в признаках семейных отношений и конструкций семейных структур прямо относятся к воспроизводству населения. Здесь наиболее полноценно рассматриваются проблемы статистики и демографии. В свою очередь другие структурные построения носят характер вспомогательных влияний для оценки процессов и результатов институционального регулирования исследуемых трансформаций. Динамика изменения структуры населения предполагает обращение к истории общества, в производной современных состояний и

трансформационных перспектив.

Известно, что Э. Дюркгейм прямо указывал на приоритет общественных интересов над интересами индивидуальными. Обращаясь к понятию «социальная функция» классик социологии устанавливал сферу соответствия между явлением или процессом и определённой потребностью социальной системы [3]. Функциональную обусловленность процессов и явлений он полагал сущностным основанием развития любого общества.

На этом фоне отметим, что для структур современного отечественного социума статистика отмечает нарастающую тревожность в составе адаптационных ожиданий всех групп населения. По нашим данным, устойчиво неуверенность в перспективах индивидуального и группового развития демонстрируют от 65 до 80% респондентов. Наибольшие процентные показатели отражают непонимание собственных адаптационных перспектив в ракурсах инфляционных ожиданий, экономического кризиса, расширения географии вовлечения вооружённых сил государства в военные конфликты.

В подготовке социокультурных портретов для социальных институтов, структур и регионов, важным установочным требованием становится универсальность и приемлемость. Речь идёт о показателях, которые определяют исходные задачи актуального научного исследования по выработке эффективных вариантов конкретных программ и обеспечению соответствующего инструментария. Так, например, индекс качества жизни должен быть достаточно не сложно определяемым и иметь перспективы прикладной ориентации. С учётом как самих объективных характеристик качества жизни, так и их субъективного восприятия населением.

По мнению ряда современных авторов в социологии установились наиболее общие подходы к пониманию и научному определению процесса трансформационной адаптации. В координатах спецификации для процессов на макро социальном уровне, адаптация рассматривается как условие и функция взаимодействия личности, социальной группы, социального института с социальной средой. Основу таких процессов составляет коммуникация с предварительной аргументацией ценностных предпочтений, требований к снижению конфликтности и гарантиями справедливости для основных участников. Существенным содержанием адаптации является согласование ролевых и статусных притязаний субъекта с его возможностями для условий реальной социальной среды.

Установка на множественность парадигм научного исследования ведёт к пересмотру основополагающего принципа науки, обусловленного тем, что недопустимо установить закономерности социального мира, выступая только в рамках согласованных предустановлений. Социологическая теория должна предлагать варианты научной рационализации знания на том основании, что социальная реальность не демонстрирует явного рационального поведения.

Понятие парадигмы выросло из анализа Т. Куном научных революций. Почему же парадигмы в социологии существуют параллельно? Видимо, потому что непрерывно увеличивается число несоизмеримых понятий и теоретических посылок, выступающих в качестве ценностей, от которых надо было бы отказаться; так что социологам проще взглянуть на старые ошибки по-новому, нежели радикально поменять ценности. Таким образом, возникает метафоризм, свойственный приверженцам полипарадигмального подхода, т.е. стремление раскрыть сущность целостных явлений с помощью старых частичных понятий и методов, - пишет Ю.Л. Качанов [4].

Соответственно мы разделяем позицию представителей современной социологии о том, что процессы трансформационных адаптаций личности нельзя рассматривать в отрыве от семьи. Это определяет необходимость социально-демографического подхода к изучению адаптационных процессов, поскольку степень включенности в них во многом определяется семейными характеристиками. Каждая семья в зависимости от структуры, численности, половозрастного состава, образовательного и профессионального уровня её членов, их личностных характеристик обладает различным потенциалом адаптации, различными

возможностями реализации этого потенциала [1].

Предлагаемый для данной темы исследовательский поиск в большей степени относится к категории текущего сопоставления конкретных показателей в ракурсе элементов системы трансформации и адекватных структурных связей. Таким образом в предлагаемом нами подходе социологические методы обращены к наиболее значимым условиям адаптации отдельных групп и слоев в трансформирующемся обществе по научно выверенным исходным данным.

По условиям развития и совершенствования всех сторон общественной жизни, социальные институты рассматриваются как специфические, относительно самостоятельные механизмы социальной диагностики и контроля. По целевым признакам, они призваны управлять поведением индивидов посредством применения специальных мер и способов внушения, убеждения и воспитания. Также выделяется актуальность разнообразных форм в обосновании предпочтений по признакам статуса и социальной роли, как и по способам выражения признания и одобрения. В наиболее общем значении, социальные институты предполагают, устанавливают и закрепляют нормы поведения в соответствии с принятыми формами, законами различной интенсивности и стандартами общественных предпочтений. Принято различать социальные институты по критериям официального или неофициального признания, историческому статусу и приоритетному масштабному предмету регуляции. Для различных периодов глобальной истории меняются содержание, строение и способы институционального воздействия в пределах общественных норм, традиций, предписанных законов. Этим определяется достаточно широкая вариативность в научно признанной типологии социальных институтов.

Экономические институты обеспечивают и профессионально гарантируют рациональный баланс ресурсов и трудозатрат для регионов, отраслей производства в пределах и по условиям общественной организации труда, отношений собственности. Экономически ориентированные социальные институты призваны контролировать процесс распределения, регулировать финансовую сторону производства и распределения, товарное, денежное обращение.

Политические институты характеризуются достаточной многогранностью в трактовках содержания, реализации и функционирования. Ведущее понятие и целевая доминанта политических институтов обращены к познанию и аргументации механизмов развёртывания и деятельности политической власти в различных условиях социального времени, истории, культуры, идеологических предпочтений народов, групп, лидеров.

Институциональные характеристики социально-культурных и образовательных учреждений предполагают обращение к сфере ценностных предпочтений больших и малых групп. Здесь актуальны разработка и последующее воспроизводство социокультурных ценностей в массовом и индивидуальном сознании. В многообразных функциях всех социальных институтов, а в сфере социально-культурных коммуникаций особенно, следует выделять функцию прогнозирования и предупреждения социальных конфликтов.

Динамику актуальности сохраняют так называемые нормативно-ориентирующие институты, предполагающие поддержание, развитие и корректировку механизмов нравственной ориентации, моральной, этической регуляции поведения индивидов. По условиям соблюдения этических, моральных норм конкретного общества, больших и малых социальных групп, институциональные устремления граждан приобретают массовый характер. Это позволяет вести речь о преодолении дисбалансов в сфере ценностных ориентаций и предпочтений. Прежде всего на основе согласования и поддержания специфического баланса сил в формате авторитета актуальных для конкретного исторического времени идеологий.

В современных исследованиях по соответствующей тематике, принято рассматривать нормативно-санкционирующие институты, которые призваны регулировать

формат и динамику социального поведения на основе норм и правил законодательства. Масштабы такой институциональной деятельности не вызывают сомнений в её возрастающем значении и постоянном обогащении содержания. С одной стороны, институт правоотношений и законотворчества не может удовлетворять запросы всех граждан по условиям полярности предполагаемых запросов и устремлений. С другой стороны, современные государства и общества не выработали более действенной концепции поддержания стабильности общества, чем концепция единого законодательства, системы равных прав и ответственности. Очевидно, что реализация норм и установок равного для всех граждан права лежит за пределами цивилизационных достижений современных государств и обществ. Однако в контексте всеобщей и равной справедливости мы эту проблему не рассматриваем.

Несомненно высокое и непреходящее значение для глобальных и региональных обществ сохраняют так называемые обрядовые, символические, традиционалистские институты. Верность и поддержание авторитета традиций могут ошибочно восприниматься как отход от социальных, культурных новаций, как стремление сохранить некие ретроспективные иллюзии. Очевидно, что это не так. Сохранение и авторитет традиций составляют важный элемент культуры и сферу перспективной самореализации больших и малых сообществ. В том числе, в ситуациях новационного выбора, когда проблемы очередного этапа развития переходят в раздел неразрешимых, именно апелляция к нормам традиций и устойчиво зарекомендовавшему себя опыту, позволяет определить путь выхода из кризиса, обосновать наиболее благоприятные перспективы. Здесь следует признать не только культурологическое, нравственное значение традиционных институтов и инфраструктуры в развитии индивида и сообщества. Особого внимания заслуживает грамотное перенесение традиционного опыта и норм в сферу современного законодательства, правовых отношений по условиям соответствия юрисдикции как нормам отдельных стран и народов, так и глобального социума в развитии соответствующих институтов.

В общем содержании, процесс институционализации, т.е. образования социального института состоит из нескольких последовательных этапов: - развитие реальных предпосылок и масштабного понимания того, что новые социальные потребности аргументируют актуальность совместных организованных действий; - социальный запрос, подтверждённый развитием новых ценностных ориентаций и установок, закреплённых формулировкой как частных, так и общих целей; - потребность в устранении ранее выявленных дисфункций в социальных структурах, процессах, как ответ на формулировки новых целей, достижение которых не только обеспечивает новые уровни социального благополучия и прогресса, но и делает необходимым отказ от фрагментов предыдущего опыта и утративших актуальность ценностных представлений, идеалов; - во всех случаях и на всех этапах истории региональных и глобальных общественных структур и институтов, теоретические изыскания в сфере институционализации норм, правил, процедур, должны подтверждаться успешной практикой их применения; - как следует из предыдущего положения, неуспешная практика внедрения институциональных новаций ведёт либо к кризисному установлению системы санкций, обеспечивающих силовое, но недолговременное поддержание ранее озвученных норм и правил, либо рассматривается по эпизодам дифференцированного их применения в конкретных случаях; - высшим уровнем институционализации следует определить систему признаваемых статусов и ролей, узнаваемых и охватывающих всех без исключения членов социального института.

Полагаем необходимым привести здесь мысль отечественного исследователя А.М. Конопкина о том, что «...наука, в т.ч. фундаментальная, выступает источником инноваций и в современности, хотя ряд авторов говорят о том, что акцент инновационной активности смещается на другие источники инноваций».

Однако же роль науки, особенно фундаментальной, по-прежнему велика, если

говорить о ее роли в появлении революционных и концептуальных новаций. Кроме того, в последнем случае мы можем говорить о том, что пользу приносит не только непосредственное внедрение концептуальных инноваций, но и их метафорический смысл, который может дать результат при перенесении на другую проблему, другую область и стать основой для синтетической инновации» [5, С.33].

Как установили современные исследователи, предпочтения для модернизационных сценариев в ожидаемых перспективах России рассматриваются и властными структурами, и рядовыми гражданами сквозь призму собственных предпочтений и интересов. То есть этому в высокой степени способствует идеологическая неопределенность приоритетов власти на модернизацию, не подкрепляемая достаточной аргументацией программного обеспечения. Складывающаяся институциональная ситуация не позволяет различным группам и слоям общества реализовать этот курс в сопоставлении оценочных фрагментов индивидуализации по приоритетам собственных ценностей, самоконтроля и установок развития. По мнению М.К. Горшкова, свои взгляды и ценности, а также многозначность самого термина «модернизация», понимается достаточно различно в зависимости от аргументов власти и социальных ориентаций участников потенциально мало предсказуемого общественного дискурса. При этом М.К. Горшков выделяет такие уровни интерпретации понятия «модернизация»: а) технико-экономическую модернизацию предприятий и учреждений, предполагающую обоснование хозяйственных преобразований для новых технологий, масштабное использование достижений научно-технического прогресса, развитие современных компьютерных и информационных технологий; б) социальную и социокультурную модернизацию по условиям существенных изменений в сфере общественных отношений. Реформы образовательной системы, демографической политики, развитие новых и традиционных форм частного бизнеса. Конкретизация рациональной роли государства в экономике, усиление позитивной конкуренции по всем отраслям хозяйства и формам занятости, реформирование социальной сферы, научное обоснование трансформационных перспектив для социальных институтов; в) модернизацию политической системы страны (демократизацию, либерализацию в приоритетах создания мобилизационного, действенного режима управления и администрирования) [2].

Аналитический подход позволяет определить, что содержательные по установкам всеобъемлющей модернизации теоретические и практические подходы, в массовом сознании воплощаются в структуры, актуальные для национального проекта модернизации. Такие организационные построения в идеале должны обеспечить практическую реализацию принципа равенства всех перед законом. Своё практическое наполнение должна приобретать идеология эффективной борьбы с коррупцией. Запрос на такие меры практически одинаков в разных группах респондентов и отражает наиболее актуальные проблемы, которые, по мнению россиян, еще не решены. Интерес к реализации ценностей социальной справедливости выступает как более ситуативный. Требуется подробной дифференциации, так как развивается и масштабируется для социальных групп, различных по оценкам собственного положения в условиях общественных трансформаций и модернизации хозяйственного, финансового комплекса на уровнях регионов и государства в целом.

Проведённый анализ современной динамики развития понятийных категорий в определении научного содержания фрагментов, факторов и структурных компонентов трансформируемого общества позволяет установить актуальность проблемы трансформационной адаптации для российского общества в целом. Отбор и исследование возможности институциональных категорий в расширении научной базы для социологии трансформирующегося общества, позволяет определить новые возможности в сопоставлении методов, правил, моральных и юридических норм для дальнейших исследований по данной теме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордон Л.А. Социальная адаптация к современным условиям // Социологические исследования. - 1994. - №8-9., - С.25-44.
2. Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // СоцИс. - 2010. - №12. - С.32.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. - М.: Мысль, 1991.
4. Качанов Ю.Л. Полипарадигмальный подход, логика и социологические понятия // СоцИс. - 2010. - №8. - С.17-19.
5. Конопкин А.М. Наука как средство инновационной модернизации общества // Власть. - 2013. - №1. - С.33-37.

УДК 1

НАЦИОНАЛЬНОЕ БЫТИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Мустафаев М.Б., Мустафаева М.Г., Мустафаев Ф.М.

NATIONAL BEING OF PERSONALITY IN TERMS OF INTERNATIONAL COMMUNICATION

Mustafaev M.B., Mustafaeva M.G., Mustafaev F.M.

Рассматриваются проблемы национального бытия и связанное с этим территориальное взаимодействие людей, социально-психологические характеристики этногруппового субъекта. Показаны объективные и субъективные стороны национальной принадлежности. Выявлены элементы структуры личности, в которых проявляются ее национальные особенности. Представлены компоненты национального самосознания личности. Рассматривается вопрос о способах национальной самоидентификации.

The problems of national life and the related territorial interaction of people, socio-psychological characteristics of the ethnogroup entity are considered. The objective and subjective aspects of nationality are shown. It is identified elements of the structure of the personality, which manifested its national characteristics. The components of the national self-consciousness of the individual are presented. The question of ways of national self-identification is considered.

Ключевые слова: народ, нация, этнос, национальное бытие, этническое, этнопсихологическое, национальное самосознание, национальные особенности личности, национальная идентичность, этническое сообщество, этнический коллектив.

Keywords: people, nation, ethnicity, national existence, ethnic, ethnopsychological, national self-consciousness, national peculiarities of personality, national identity, ethnic community, ethnic group.

Первейшим признаком существования и функционирования народа является его территориальное бытие, территориальное расселение и связанное с этим территориальное взаимодействие людей. Территориальное бытие проявляется в разных формах, в первую очередь, в материально-предметной форме. Народ приспособляется к «дикой», «первозданной», «родной» привычной природе, объективность которой обуславливает зависимость хозяйственной деятельности, многих форм культуры и поведения народа.

Основным способом воссоздания национального бытия является хозяйственная, материально-трудовая деятельность народа. В системе факторов национального бытия народа, как отмечает Л.Г. Почебут, важное значение имеют этнические связи людей, становление постоянных, устойчивых, всеобщих и референтных этнонациональных связей

по всем сферам его жизни [14, С.67] Они охватывают как материально-производственную, территориальную, так и языковую, культурную, политическую и психологическую области. Если разрывается национальная традиция в содержании и формах хозяйствования, оскудевает национальная природная среда, и она заменяется чужой, тем более, чуждой средой, а традиционные промыслы заменяются национально-технологическими, то этнонациональные связи людей разрываются. Разрыв их происходит, когда дестабилизируется целостность национального единства народа. Такое явление свойственно народам, население которых по причине военных конфликтов, эпидемий, голода, засухи, экспансии «растекается» отдельными группами по инациональным территориям. Эти группы населения все более удаляются друг от друга по национальным интересам, духовным запросам, культуре, традициям и языку, они интегрируют в инациональную среду, у них постепенно угасает национальное самосознание. Народы, подверженные денационализации, ассимиляции, аккультурации и маргинализации оказываются перед дилеммой: или молча согласиться с прекращением существования своих национальных групп, территориально удаленных от основной массы населения, проявлять к ним равнодушие, или же, напротив, проводить политику необходимости связей и восстановления единства с отколовшимися частями населения, в частности, заботиться об обучении подрастающих поколений родному языку, литературе, культуре, географии, истории. Важнейшими средствами такой политики являются национальные культурные центры, музеи, выставки, общества и ассоциации, которые своей деятельностью способствуют сохранению и воспроизведению народного бытия [6; 10, С.123; 22; 24].

Составным компонентом национального бытия народа является его политическое бытие [7]. Политическое бытие народа становится подлинно национальным, когда образуются национальные государства. Во внутренней и внешней политике национальное государство стабилизирует устойчивость и самобытность национального бытия народа производством законов, правовых актов, нормативных документов с учетом национального понимания явлений общественной жизни. Все это способствует формированию национально-политического бытия, что оказывает воздействие на этнонациональное развитие народа, на его самоопределение, делопроизводство, систему образования, воспитания [16, С.123].

Национальное бытие народа представляет собой целый мир, относительно автономный, крайне специфический и связывающий народ с каждым из его индивидов, народы друг с другом. Это значит, что бытие одного народа тесно взаимосвязано и включено в бытие другого народа и народов, с которыми он взаимодействует в истории.

Г. Гачев рассматривает национальное бытие как Космо-Психо-Логос, т.е. как единство местной природы, характера народа и его склада мышления. Междисциплинарный подход позволяет описать национальное бытие как некий инвариант на различных уровнях: в быту, языке, религии, литературе и искусстве, в естествознании и т.д. Исследуя природу, историю, традиции, обычаи, кухню, религию, литературу, философию, науку, технику, национальный язык того или иного народа, он создал своеобразную и конкретную национальную целостность, национальные образы мира [5, С. 99; 24] Одной из граней социальной определенности личности, выражающей устойчивую связь, целый комплекс специфических социальных связей личности с национальностью, с ее основными признаками, является ее национальная определенность. Содержание национальной определенности личности, ее национальной принадлежности в конечном счете обусловлено теми объективными процессами, которыми характеризуется вся жизнь данной общности, ее этнические, этнопсихологические моменты. То есть национальная определенность как сложный комплекс представляет собой систему связей и отношений, пропущенную через социально-психологическую структуру личности.

Личность постольку национально определена, поскольку она «погружена» в специфические для данной национальной общности социально-культурные условия, через ее микро- и макроструктуру. Отсюда национальная определенность, как и все социальные качества личности, не наследуются биологически. Биологическое в личности (ее происхождение), не несет в себе социально-культурной информации. Национальные особенности, «национальная информация» транслируется через систему социального воспроизводства. Нет, и не может быть каких-то внесоциальных биологических факторов наследования национального самосознания, национальных связей, традиций и т.п., ибо закрепление и передача национального от одного поколения к другому основаны на тех же «механизмах» социального наследования, которые обеспечивают процессы общественного развития и становления людей в целом [5, С. 56; 21; 22. С. 203]

Национальная определенность не может не быть осознанной, поскольку она формируется как органический сплав объективно существующих связей личности с данной общностью и субъективного, личностного к ним отношения. Во внутриличностной структуре национальные связи и отношения выражаются в национальной определенности, проявляются в ее сознании и самосознании. Таким образом, в национальной принадлежности следует различать объективную и субъективную стороны: в первом случае – это комплекс связей и отношений, выражающих объективно социальную зависимость личности от общности, которая закрепляется в процессе социализации индивида; во втором – комплекс субъективный, то есть социально-психологическая привязанность личности к условиям данного национального бытия, к особенностям образа жизни, культуры, традиций национальной общности, степень, формы и характер осознания этих связей. Эти особенности, усвоенные личностью, выражают ее национальную определенность, осознанную национальную принадлежность, закрепленную в самосознании, чувствах, привычках, ориентациях, ценностях, стереотипах [3, С.125; 7; 9].

Целесообразно выявить элементы структуры личности, в которых проявляются ее национальные особенности. Национальную определенность можно представить как модель, как схему исследования национальных моментов в социально-психологической структуре личности. Национальные моменты в психологической структуре личности проявляются в формах выражения чувств, переживаний, реакций, в манере мышления, в особенностях восприятия, в представлениях, в установках; в социальной структуре личности проявляются в знаниях, навыках, привычках, опыте, ценностных ориентациях, интересах, идеалах, убеждениях. Особым структурным элементом сознания личности, интегрирующим национальные моменты, все ее социально-психологические подструктуры, является национальное самосознание личности. Г.Т. Тавадов отмечает, что национальное самосознание – это сознание и чувство принадлежности к определенному этносу, осознание своего отличия и сходства при соотношении с другими этнонациональными общностями, важный признак этнической общности, являющийся отражением объективного бытия этой общности [17, С. 258]. Национальные моменты в социально-психологической активности личности проявляются в эмоциональной и интеллектуальной деятельности, в межличностных отношениях, особенностях поведения [1, С. 17].

Теоретическое и эмпирическое объяснение такого сложного явления, как этническое (национальное) самосознание, дается в монографии В.Ю. Хотинец. Определяя структуру этого сложного феномена, она включает шесть компонентов: осознание особенностей культуры своей этнической общности; осознание психологических особенностей своей этнической общности; осознание тождественности со своей этнической общностью; осознание собственных этнопсихологических особенностей; осознание себя субъектом своей этнической общности; социально-нравственная самооценка этничности [20]. С учетом теоретических и методических подходов к психологии национального (этнического) самосознания В.Ю. Хотинец сформулировала достаточно полное определение этого феномена как относительно устойчивой системы осознанных представлений и оценок

реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих компонентов жизнедеятельности этноса [20, С.131].

Национальные особенности личности в различных условиях проявляются в разной мере и с различной интенсивностью у отдельных людей, да и у целых групп. Форма выражения различных эмоций, те или иные акты сознания, манера поведения могут быть и являются различными у людей в разных социальных и национальных средах. Эти формы выступают как национально-стереотипные образы поведения, выражения чувств, оценочных суждений, имеющие значение традиционализированных знаков проявления общепсихологических факторов.

Совокупность национальных моментов личностного отношения к тем или иным фактам, явлениям образуют социально-психологическую основу национального своеобразия личности. Если сформировалась национальная направленность (определенность) личностного отношения, то она порождает известную восприимчивость к информации, созвучной традициям народа, способствует углубленному осознанию своей национальной принадлежности. Получаемая субъектом социальная информация «просеивается» сквозь систему уже сложившихся ориентаций. Вследствие этого личность быстрее и легче усваивает те чувства (ту социальную информацию), которые созвучны ее социальным и национальным интересам, установкам, ожиданиям.

Национальные особенности социальной структуры личности сопряжены с объективными социальными свойствами индивида, которые возникают и развиваются в процессе межнационального общения. То есть чем больше и активнее национальная личность связана с людьми различных национальностей, тем более возрастает «удельный вес» инонациональных черт и элементов в ее духовном облике [11, С.101].

Известная общность духовной жизни, культуры нации порождает определенные формы выражений, которые вызывают ассоциации, непосредственно вплетенные в ткань языкового общения; знания, которые отражают различные стороны и нюансы особенностей национальных традиций, быта, культуры, образа жизни. Таковы, например, общенациональные фольклорные традиции, поговорки, пословицы, популярные в данной среде национально-типичные образы художественной литературы, специфическая символика и атрибутика и т.п. Эти знания приобретаются через произведения национального искусства и литературы. Огромную коммуникативную роль при этом играет национальный язык, несущий главную информативную нагрузку, обеспечивающий социально-психологическую и социально-культурную связь между членами национальной общности.

Современная общественная жизнь строится таким образом, что социальные качества людей оказываются «окрашенными в цвет национальностей». Одним это неприятно, другие воспринимают данный факт как нечто само собой разумеющееся, третьи заявляют о своем безразличии к вопросу о национальности. Как бы то ни было, но люди в своем практическом поведении стали остро-чувствительно и значительно больше обращать внимание на национальную принадлежность тех, с кем они вступают в общение. Исходя из обозначенного спектра мнений, следует признать, что одним из главных вопросов национальной политики является не вопрос о том, что такое нация «на самом деле», а о том, как создается субъективный образ нации в сознании людей.

С одной стороны, нация есть действительно определенная субъективная общность индивидуумов и в этом смысле она представляет собой «феномен коллективного сознания, коллективной субъективности». Выделение этноса в качестве субъекта коллективного действия или социального взаимодействия является методологически оправданным, так как субъект деятельности, предмет деятельности и средства деятельности составляют единое целое. Рассмотрение понятий «этническое сообщество», «этнический коллектив», «этническая группа» как рядоположенных позволяет использовать инструментарий, применяемый в социальной психологии малых групп и коллективов [11, С.71]. Выделяя

социально-психологические характеристики этногруппового субъекта, необходимо подчеркивать, что психологическая структура контактной группы актуализируется и реализуется только в социальном взаимодействии, именно в нем группа реально и динамично функционирует.

Другое направление исследований характеристик этноса как коллективного субъекта деятельности базируется на концепции деятельностного опосредования этногрупповой активности, предложенной психологом А.В. Петровским [12, С.99]. Согласно этой концепции, этноколлективный субъект выступает как иерархически организованная, многоуровневая система, состоящая из различных по степени опосредованности процессов совместно субъективной деятельности элементов [13 С. 278]. И, разумеется, нация, национально-коллективная субъективность больше, чем совокупность «чисто» коллективная, то есть совокупность отдельных индивидов. Во многих отношениях понятие нации или этнической группы совпадает с понятием основного сообщества, в рамках которого происходит цикл жизнедеятельности индивида. В этом смысле нация – это социально-субъективное пространство, в котором она себя реализует с помощью средств культуры, предоставляемых ему сообществом людей. Как правило, представление о нации в сознании индивида становится сакральным, а следовательно, и неотрефлексированным: нация или народ, к которому он принадлежит, есть нечто большее, чем он сам и даже его ближайшее окружение – семья, дом, очаг, место работы. Более того, принадлежность к нации «придает смысл» индивидуальному существованию, поскольку нормальный человек стремится выйти за пределы своего «Я» и соединиться духовно с некоторым «Мы», в котором он проявляет себя и угасает [13, С.279]. Такой способ национальной самоидентификации обусловлен тем, что индивид не выбирает нацию. Она ему задана вместе с рождением, умением говорить и культурным ареалом, который очерчивает рамки его жизненного пути и «задает» общечеловеческие стандарты социализации.

Русский историк П. Милюков, занимавшийся вопросами теории национального самосознания, определял значение языка: «Национальность есть социальная группа, располагающая таким единственным и неповторимым средством для непрерывного психического взаимодействия, как язык, и выработавшая себе постоянный запас однообразных психических навыков, регулирующих правильность и повторяемость явлений этого взаимодействия» [8, С.11]. Из этого определения сама собой вытекает важность языка для национальности. Можно даже сказать, что язык и национальность – это понятия если не тождественные, то вполне покрывающие друг друга». С точки зрения теории этничности язык важен и в том отношении, что он представляет собой своего рода культурную границу данного этноса или национальности. За пределы своей этничности можно выйти, лишь освоив чужой язык. Первое соприкосновение с иной этничностью осуществляется тогда, когда мы впервые слышим чужую речь. Именно тогда мы начинаем воспринимать различия между «нами» и «ими». «Они» – это, прежде всего те, кто не понимает звуков нашей речи.

Следующая ступень социализации, которая по необходимости также облечена в национально-этническую форму, состоит в освоении значимых символов данной культуры. Под влиянием повседневных контактов со своим окружением происходит интериоризация норм и ценностей, и люди благодаря этому обучаются как правилам поведения, так и умению отличать важное, существенное от второстепенного и неважного. Одновременно с усвоением ценностей культуры происходит формирование причастности к своей этнической группе. В сознании каждого члена сообщества вычленяется главный механизм самоидентификации – образы «Мы» и «Они». Причем «Мы» – это сообщество, к которому принадлежу «Я» и которое объединено общностью языка, пространством общения и единством повседневной жизни; «Они» – это все другие, те, от которых может исходить или исходит угроза «Нашему» существованию [15, С.219]

Значимость национального чувства определяется прежде всего тем, что оно формируется стихийно, непреднамеренно у каждого человека в процессе его социализации. Кроме того, оно оказывается первым или одним из первых чувств, выявляющих социальную природу человека, его связь с некоторой общностью, выходящей за пределы его индивидуального существования. Наконец, национальное чувство и возникающее на его основе национальное самосознание оказывается качеством достаточно исключительным: оно фиксирует принадлежность человека к именно этой нации, а не к какой-либо другой. Лишь в редких случаях человек может ощущать себя двунациональным. В структуре индивидуальной психологии символика и код национального чувства надстраивается над этническим комплексом, который восходит к незапамятным временам. В жизни далеких предков этот комплекс, несомненно, был связан с инстинктом самосохранения. Широко распространенный среди многих народов обычай кровной мести представляет собой своего рода социальное обрамление кровнородственного этнического чувства. По-видимому, именно здесь лежит ключ к разгадке причин, объясняющих огромный энергетический заряд национальных эмоций, особенно в случае возникновения угрозы и насилия; именно здесь вступает в действие своего рода биопсихологический мотивационный ряд, обуславливающий автоматический переход от ощущения опасности к агрессии.

Стоит иметь в виду и то обстоятельство, что во многих этнонациональных группах и по сей день этническое чувство остается весьма слабо окультуренным воздействием современной цивилизации. Исключительность национально-этнического, эмоционального и психологического комплекса оборачивается эксгуманизацией: исключением врага или чужака из числа лиц, на которых распространяется действие нравственных норм, действующих в пределах своей этнической группы.

Возможно, что на формирование иного рода чувств по отношению к чужакам потребует еще немало времени. Скорее всего, при контактах представителей разных этнонациональных групп между собой вступает в действие весьма сложный комплекс эмоций амбивалентного характера; любопытство к иной культуре, доброжелательность и готовность взаимодействовать переплетаются с настороженностью и готовностью к защите. Впрочем, решающую роль как в индивидуальном, так и в социальном плане играет в данном случае реальный опыт межнационального общения с его положительными и отрицательными моментами [8, С.113; 18; 19, С. 9-14].

Всякое национальное самосознание включает в себя весьма сложные, нередко взаимоисключающие элементы, представляющие собой, с одной стороны, различные способы и структуры национальной самоидентификации, а с другой – разнообразные варианты восприятия и оценки иных национальных общностей. Другими словами, в национальном самосознании «Мы» постоянно соотносятся «Они», и лишь через это соотношение национальные самоидентификации приобретают определенный смысл. Само по себе «мы – русские», «мы – немцы» и т.д. приобретает определенное мотивационное значение лишь благодаря тому, что за этим утверждением подразумевается существование тех – «Они», с которыми сознательно или бессознательно осуществляется сопоставление. Причем характер этого соотношения не остается неизменным. Во многом он определяется реальными межнациональными связями и контактами [4, С.21].

С позиции культуры межнационального общения никто не требует от человека, чтобы он отказался от своей национальной принадлежности, но само индивидуальное ощущение принадлежности к национально-этнической группе неодинаково у людей, принадлежащих даже к одной и той же группе. Один будет настаивать на том, что он принадлежит к этой группе и более ни к какой, другой, и это может быть человек с широкими межнациональными связями и с развитыми профессиональными или идеологическими установками, будет демонстрировать относительное безразличие к национальному компоненту своего «Я» во имя иных интересов. И та, и другая точки зрения заслуживают уважения и внимания. Между этими крайними позициями есть

множество промежуточных, связанных с более тонким пониманием национальных различий, являющихся также предметом междисциплинарных современных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дашдамиров А.Ф. К методологии исследования национально-психологических проблем // Советская этнография. 1983. №2;
2. Денисова Г.С. Социальная субъективность этноса (концептуальный подход). – Ростов н/Д., 1996.
3. Донец П.Н. Сигналы «чужого» в межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. – Воронеж, 2002.
4. Дробижева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1983. №2;
5. Ибрагимов Х.А. Общечеловеческое и этническое (национальное) в структуре ценностей Дагестана. – Махачкала: АЛЕФ, 2008.
6. Ивушкина Е.Б., Дашкова Е.В., Щербакова В.М. Межкультурная коммуникативная компетентность в подготовке специалистов индустрии туризма // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2016. № 1.
7. Камалова О.Н., Карпун А.Б. Основные структурные элементы политической власти // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1.
8. Милюков П. Н. Очерк по истории русской культуры. – М., 1995.
9. Мустафаев М.Б., Мустафаева З.С., Мустафаев Ф.М. Национальное и национально-специфическое в системе межнационального общения // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2016. № 1.
10. Мустафаев Ф.М. Межнациональное общение: социально-философский анализ. – Махачкала: АЛЕФ, 2013.
11. Мустафаева З.С. Научно-педагогические основы управления многонациональным коллективом. Монография. – Махачкала: АЛЕФ, 2013.
12. Петровский А.В. Личность, деятельность, коллектив. – М., 1988.
13. Платонов Ю.П. Основы этнической психологии. – СПб., 2003.
14. Почебут Л.Г. Этнические факторы развития личности // Введение в этническую психологию. – СПб., 1995.
15. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М., 2005.
16. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М., 2004.
17. Тавадов Г.Т. Этнология. – М., 2009.
18. Тен Ю.П., Камалов А.В. Значение и роль фактора этнокультурной идентификации на поведение потребителей в международном бизнесе // Гуманитарные и социальные науки. http://www.hses-online.ru/2015_03.html
19. Финько М.В. Проблема межличностного общения и духовный кризис: культурологический анализ // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. № 3.
20. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. – СПб., 2000.
21. Акаев V.H. Islam in modern Russia: interrelation of traditions and innovations // Научный альманах стран Причерноморья. 2015. № 3. <http://science-almanac.ru>
22. Kamalova O.N., Andramonova V.V. Network society: problems of development and new forms of identity // Актуальные проблемы науки: от теории к практике Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. 2016.
23. Kolosova O.Y., Goncharov V. N. Economic and ecological safety of the region: strategy choice // Научный альманах стран Причерноморья. 2015. № 3. <http://science-almanac.ru>

24. Mustafaev M., Mustafaeva M., Magomedova Z. Formation and development of patriotism as the most important stability factor of modern Dagestan society // Научный альманах стран Причерноморья. 2016. № 3.

УДК 1

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ЖИЗНИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Сиряк С.И.

TERRITORIAL FACTOR IN RELIGIOUS ORGANIZATIONS

Siryak S.I.

Религиозные сообщества, действующие на территориях современных государств, так или иначе связаны с государственной властью. Разнообразие форм этих отношений неоднократно становилось предметом научного анализа. Но остается недостаточно освещенным вопрос о территориальном факторе в жизни религиозных организаций. Мы полагаем, что «фактор территории», во взаимосвязи с принципами организации государственной власти, сыграл достаточно существенную роль в становлении современных религиозных сообществ, и, в первую очередь, доминирующих в западных странах христианских церквей, их принципов организации и способов функционирования. Предлагаемая статья посвящена раскрытию и обоснованию этого тезиса.

Religious communities operating in the territories of modern states are somehow connected with state power. The variety of forms of these relations has repeatedly become the subject of scientific analysis. But the question of the territorial factor in the life of religious organizations remains unstudied. We believe that the "territory factor", in conjunction with the principles of the organization of state power, played a significant role in the establishment of modern religious communities, and, first and foremost, the prevailing Christian churches in Western countries, their principles of organization and ways of functioning. The proposed article is devoted to the disclosure and substantiation of this thesis.

Ключевые слова: религия, религиозные сообщества, религиозные организации, власть, формы соотношения религии и территории.

Keywords: religion, religious communities, religious organizations, power, forms of correlation of religion and territory.

Современность характеризуется исключительным религиозным многообразием: наряду с традиционными для того или иного региона религиями и конфессиями, существующими на протяжении столетий и тысячелетий, сейчас практически в каждой из развитых стран существует множество нетрадиционных религиозных общин. Это могут быть как сообщества эмигрантов, принесших с собой на свою новую родину традиционные для них религиозные верования, так и новые религиозные движения, не имеющие под собой никакой традиции, возникшие буквально несколько лет назад, и объединившие энтузиастов, порвавших с традициями своих предков.

Все эти религиозные сообщества, действующие на территориях современных государств, разумеется, вступают в отношения с государственной властью. Разнообразие форм этих отношений уже множество раз становилось предметом научного анализа, проводившегося специалистами в различных областях социального и гуманитарного знания: религиоведами, социологами, политологами, правоведами, и другими учеными. Казалось бы, здесь уже нечего добавить по существу. Однако, как нам представляется, в большинстве современных исследований, посвященных этой проблематике, остается недостаточно освещенным один очень существенный момент. А именно: государственная власть, как и религия, присутствуют не «вне времени и пространства». Они обязательно присутствуют на определенной территории: на той территории, на которую распространяет свою юрисдикцию государство, и на той, которую рассматривает как пространство своего влияния конкретная религиозная организация. Данное утверждение может показаться, на

первый взгляд, банальной констатацией очевидных истин, однако не будем торопиться с выводами. Мы полагаем, что «фактор территории», во взаимосвязи с принципами организации государственной власти, сыграл достаточно существенную роль в становлении современных религиозных сообществ, и, в первую очередь, доминирующих в западных странах христианских церквей, их принципов организации и способов функционирования. Предлагаемая статья посвящена раскрытию и обоснованию этого тезиса, а также ставит своей целью дать краткое описание нашего видения роли этого фактора.

Традиционные христианские церкви, распространенные в западном мире, будь то Римско-католическая церковь, православные или древневосточные (дохалкидонские) церкви, сформировались как социальные структуры в эпоху поздней античности - раннего средневековья. И они унаследовали от своей эпохи множество характерных черт. Причем таких черт, изменить которые церкви или отказаться от которых эти церкви не могут в принципе.

Основные, и существующие в традиционных христианских церквях без каких-либо принципиальных изменений вплоть до настоящего времени, формы организационного устройства сложились в поздней Римской империи в эпоху доминанта, причем это процесс происходил не стихийно. Несколько упрощая ситуацию, так как подробное исследование этого вопроса не входит в наши задачи, можно сказать, что организационные формы, которые, в конце концов, приняла церковь, были продиктованы императорской властью.

Империя, действительно, не собиралась, вначале легализовав христианство в начале четвертого века, а затем сделав его своей официальной религией, оставлять церковь пусть и лояльным, но все же автономным организмом в своем составе. Ничего подобного в системе римской государственной власти не могло быть в принципе, да и сама государственность той эпохи не допускала ни идеи религии как частного дела, ни представлений об автономии религиозных организаций.

Как известно, римская власть жестко контролировала все организованные формы религиозной жизни. Любая религия в Римской империи попадала в один из трех разрядов: официальной, разрешенной, или запрещенной. Став, взамен культа императорского гения, официальной религией империи, христианство с необходимостью пришло к ситуации, когда церковь стала одним из государственных институтов империи. Известная фраза императора Константина о том, что он является «епископом внешних дел церкви» [2], вовсе не свидетельствует, как могло бы показаться нашему современнику, о каком-либо «незаконном» (в понятиях той эпохи) вмешательстве государства, в лице носителя верховной власти, в церковную жизнь. Скорее, такая роль императора выглядела как сама собой разумеющейся в глазах любого современника Константина.

Став одним из институтов сложного и разветвленного государства, христианская церковь оказалась зависимой от императорской власти не только в решении богословских вопросов (а мы говорим об эпохе великих богословских споров и противоречий, раздиравших церковь). Церковь «естественным образом», если можно так выразиться, приняла принципы административно-территориального устройства империи. Точнее, административная структура церкви полностью дублировала административную структуру государства. Административные единицы церкви – епархия, митрополия – есть не что иное, как административные единицы империи, сохранившие те же названия. Административные границы церковных епархий, как правило, совпадали с границами соответствующей светской административной единицы, и это рассматривалось как идеальный вариант, к которому следовало привести всю территорию империи.

Епископ или митрополит, возглавляющий такую административную единицу, во времена поздней Римской империи был высокопоставленным императорским чиновником, равным по своему статусу военному или гражданскому чиновнику, возглавлявшему епархию, и делившему с ним свои функции по принципу разделения духовной и светской

власти. Это в целом было проявлением характерного для империи разделения функций военных, гражданских, или любых других чиновников, совместно управлявших огромной территорией римского государства, и руководивших ее сложным и прекрасно отлаженным бюрократическим аппаратом.

Показательно, что литургическое облачение современных православных епископов представляет собой не что иное, как немного измененное парадное облачение высших должностных лиц Византии. Вплоть до того, что в состав епископского облачения входит «булава», носимая на перевязи – ромбической формы кусок вышитой материи, символизирующий парадное оружие византийского чиновника. Регламентированные ритуальные почести, оказываемые православному епископу во время богослужения, также заставляют вспомнить о византийском придворном церемониале. В этой связи представляется любопытным тот факт, что, несмотря на всячески подчеркиваемое символическое достоинство епископа как высокого имперского чиновника, положение православного епископа средневековой Византийской империи претерпело изменения по сравнению с тем высоким положением, которое отводилось епископу в период утверждения христианства как официальной религии. Западноевропейские путешественники, проезжавшие через императорские владения в эпоху крестовых походов, неоднократно отмечали бедность и почти крестьянский образ жизни греческих церковных иерархов, что смотрелось особенно контрастно на фоне положения и образа жизни западных католических епископов.

Однако, вне зависимости от того, как менялось действительное положение и та степень власти, которой обладали православные иерархи, неизменным оставался главный принцип, заложенный в организацию церкви еще в эпоху Константина и закреплённый законодательством Юстиниана. Этот принцип можно было бы сформулировать примерно так: вся империя представляет собой сакральное пространство – христианскую Ойкумену, то есть охватывает, в идеале, весь цивилизованный мир. Верховная светская власть в этом мире принадлежит императору, а духовная власть – церкви. Церковная власть, несмотря на декларируемый принцип симфонии властей, фактически подчинена светской власти императора. При этом император делегирует, в пределах границ административных единиц империи, свою власть имперским чиновникам, и он же, в конечном счете, делегирует, также в пределах этих же административных границ, духовную власть епископам.

Ни в эпоху единой церкви, до раскола 1054 года, ни в византийском мире после раскола церковь не имела единого главы, то есть единственного источника духовной власти, делегируемой епископам и митрополитам, возглавляющим епархии. Тем не менее, «первенство чести» епископов единой церкви, отраженное в зафиксированной императорской властью системе пентархии – первенства пяти иерархов [3], наглядно показывает полное «отзеркаливание» церковной администрацией светского административного устройства. Первенство чести в христианской церкви, охватывающей весь «римский мир», но возникшей при этом на окраине этого мира – в Палестине, вероятно, должно было бы принадлежать, при отсутствии всех прочих факторов, епископу той церкви, где возникла религия – то есть епископу Иерусалима.

Для любой религиозной традиции совершенно естественно, когда центром религиозного культа становится местность, связываемая традицией с жизнью основателя. Если мы говорим о религиях, возникших в условиях городской цивилизации, то часто таким центром становится город, в котором жил и совершал свои деяния основатель. Или же это могут быть несколько городов, подобно Мекке, Медине и Иерусалиму в исламе. И наоборот: в условиях городской цивилизации божество, почитаемое в каком-либо городе, рассматривается как основатель этого города, наподобие культа Мардука – основателя Вавилона в цивилизации древней Месопотамии. Духовенство, отправляющее культ в городе, являющемся сакральным центром какой-либо религиозной традиции, может и не

быть наделено верховной административной властью над всем остальным духовенством, но уж, во всяком случае, пользуется особым почетом.

Логично в таком случае было бы видеть Иерусалим сакральным центром христианства, а епископа Иерусалима – первенствующим по чести в христианском мире. Тем более что «первенство чести» не предполагало никакой административной власти: это было, в отличие от более поздней ситуации в Римско-католической церкви, исключительно символическое первенство, выразившееся в почете, оказываемом первенствующему епископу другими иерархами, и в упоминании его имени первым в списке во время богослужения.

Иерусалим, действительно, стал сакральным центром христианства, что выражалось не только в вероучении, но и могло иметь в средневековом мире значимые политические последствия. Так, Мирча Элиаде указывает, что крестовые походы имели, помимо политического, и религиозный, а конкретно, эсхатологический смысл [13, С. 116]. Эсхатология же включает в себя, помимо прочего, мотив восхождения к сакральному центру мироздания. Несомненно, христианская концепция Иерусалима как сакрального центра мироздания имеет прямую преемственность с представлениями, сложившимися в иудаизме. (Любопытно отметить, что в иудейской традиции, наряду с раввинистическим учением об Иерусалиме как сакральном и политическом центре, присутствуют и значительно более архаичные мотивы, трактующие священный город и всю землю обетованную как место, откуда начиналось сотворение вселенной).

Итак, с сакральным значением Иерусалима ситуация более или менее очевидна, и не вызывает никаких вопросов: на протяжении двух тысячелетий Иерусалим был и остается самым священным городом христианского мира, притягательным центром для бесчисленных паломников со всех уголков земного шара. Его сакральное значение, что не менее очевидно, не идет ни в какое сравнение с его весьма малым административным значением. Иерусалим, действительно, «всего лишь» административный центр одноименного патриархата, глава которого в времена единой церкви уступает в первенстве чести главам Римского и Константинопольского патриархатов. Причина этого также не вызывает сомнений: Ветхий Рим, как и Рим Новый – столичные города империи. Империи, которая сама по себе является сакральной Ойкуменой, и во главе которой стоят пребывающие (по крайней мере, в теории) в своих столицах императоры. Фигура императора в позднеантичной Римской империи эпохи домината, равно как и средневековых Священной Римской и Византийской империях – также сакральная фигура. Причем это в значительно большей степени выражено на востоке Ойкумены, в Византии: не случайно византийский император изображается с нимбом, а для придворной византийской словесности практически общим местом становится сравнение пурпурных чернил, которыми пишутся императорские эдикты, с жертвенной кровью Христа. (Такое сравнение, несомненно, показалось бы кощунственным в другую эпоху и в другой цивилизации).

Как видим, сакральная топография империи подчиняет себе и «перереформирует» сакральную топографию церкви, ставшей официальной имперской церковью. Это в какой-то степени закономерно: не стоит упускать из виду, что христианская церковь в своем законченном виде и была создана императорской властью.

Разумеется, за истекшие века границы церковных административных единиц изменялись неоднократно, но отметим такой показательный факт, что Римско-католическая церковь до сих пор воспроизводит в своем административном делении давно канувшую в Лету Римскую империю. И более того: Римско-католическая церковь официально как бы «не замечает» того, что некоторые территории, ранее входившие в состав империи, на протяжении многих веков уже не имеют, или почти не имеют, христианского населения. К таковым относятся, например, территории Северной Африки – бывшая территория Римской империи, ставшая, после окончательного разделения империи на Западную и Восточную,

частью Восточной – Византийской империи, и потерянная для христианского мира в раннее средневековье в результате арабо-мусульманского завоевания.

Римская церковь, в силу исторических обстоятельств, развивалась вне связи с имперской властью, продолжая, однако, имперскую экспансию в виде экспансии веры, что выражалось в её высокой миссионерской активности. Однако вовлечение той или иной территории в орбиту влияния Римской церкви означало установление отношений с властью, если она уже существовала на этой территории. Таким образом, восстанавливалась связь между религиозным и политическим контролем над определенной территорией.

Восточная церковь оказалась избавленной от необходимости миссионерства, поскольку превратилась в органичный элемент Византийской империи. Экспансия православия совпадала с имперской экспансией, церковь следовала за властью. Примерно так же развивалась экспансия Православия в России, ставшей преемницей Византии. Рост Российской империи сопровождался расширением сферы влияния Русской православной церкви, хотя «иноверцев» не принуждали переходить в православие, тем не менее, такой переход приветствовался. До сих пор территория Православия – это территория бывшей Византийской империи и бывшей Российской империи.

Протестантская Реформация, коренным образом изменившая многие аспекты христианской жизни, первоначально сохраняет связь между религией и властью, только в новой форме. Вестфальский мир, которым завершилась опустошительная Тридцатилетняя война, провозглашает принцип «чья власть, того и вера», конструируя тем самым новую форму церкви – государственную церковь, что было одним из важных факторов развития национального самосознания европейских народов [4]. Но возникший примерно в тот же период принцип светского государства, отделения религии от власти создает предпосылки для возникновения экстерриториальной религиозности. Приверженность религии больше не соотносится с членством в каком-либо политическом сообществе – ни имперском, ни национальном.

Прогресс секуляризации, перемещающий религию в сферу приватности, пространство внутреннего мира личности, углубляет разрыв между приверженностью политическому сообществу и религиозной организации, она практически утрачивается. Современные города, рост и развитие которых является такой же составляющей модернизации, как и секуляризация, становятся свободным пространством для любого религиозного выбора [10; 12; 6].

Разворачивающаяся во второй половине XX века глобализация интенсифицирует процесс роста религиозного разнообразия в рамках еще сохраняющих свои границы политических сообществ, чему в значительной степени способствует не только рост межстрановой мобильности населения, но и развитие средств коммуникации, позволяющей распространять свои идеи практически в глобальном масштабе [1, С. 273; 5, С. 70-74; 14; 15]. Поверх любых границ – территориальных и культурных. Религиозные организации используют открывшиеся возможности, причем это касается и традиционных, и новых религий [9; 10; 12]. Феноменом культурной глобализации стала, например, экспансия новых протестантских церквей, осваивающих территории, ранее свободные от символического контроля христианства [7, С. 31-34; 16]. Активность проявляют и представители НРД, которые изначально не ассоциировали себя ни с какими политическими и территориальными единицами [12].

Особый тип отношений между религией и территорией демонстрирует сегодня ислам. Ислам изначально предусматривает жесткую связь между политической властью и возможностью существования религиозной общины – уммы. В идеале нормой политического устройства является халифат – государство, основанное на нормах шариата, возглавляемое правоверным правителем. Однако исторически сложившиеся исламские государства не соответствуют в полной мере признакам халифата, и это дает возможность некоторым радикальным исламистам бороться за его создание, что предусматривает

пересмотр существующих политических границ, прежде всего, в исламском мире. Таким образом, возрождение принципа связи между религиозной и политической общностью чревато политическими конфликтами в условиях современного мира [14; 17; 18].

Ислам воздействует на реконфигурацию отношений между властью и религией и другим способом. Распространяясь по миру в результате интенсивных миграций, мусульманское население формирует сообщества в рамках секулярных национальных государств. Становясь их гражданами, мусульмане превращаются в часть политических наций-сообществ, что предполагает лояльность по отношению к культуре этих сообществ. Однако для правоверного мусульманина умма – религиозная община – всегда важнее, чем любое иное сообщество, тем более, сообщество секулярное, то есть не основанное на истинной вере. Таким образом, правоверные мусульмане-европейцы являются часто в большей степени приверженцами исламской наднациональной уммы, чем европейских наций. В данном случае связь религии и сообщества потенциально способно подорвать уже существующие политические объединения, основанные на иных принципах.

Рассмотренная в контексте этой проблематики политика современной Русской Православной церкви, направленная на укрепление связи с властью и ограничение присутствия на её канонической территории представителей иных религий может быть представлена как попытка сохранить и упрочить старый принцип единства политического и религиозного пространства [9, С. 177-182].

Таким образом, мы наблюдаем в современном мире различные формы соотношения религии и территории: от традиционных, подразумевающих достаточно тесную связь между ними, и до новых, экстерриториальных, созданных ситуацией секуляризма, отделения религии от власти и роста межкультурных контактов и культурного многообразия [8, С. 10-16; 12; 17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Н.А. Этико-правовой аспект невежества // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2.
2. Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. <http://kazarzar.skeptik.net/books/bolotov/38.htm> (дата обращения 02.02.2017)
3. Бондач А.Г. Пентархия и Московский Патриархат. http://www.bogoslov.ru/text/1881917.html#_ftn2 (дата обращения 02.02.2017)
4. Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012.
5. Камалова О.Н. Исследование эмоций и интуиции в современной философии и науке // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 6.
6. Камалова О.Н. Становление и развитие неклассических подходов понимания интуиции в первой половине XX века // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2013. № 4.
7. Кондакова Н. С. Развитие протестантизма в Корее. //Теория и практика общественного развития. Краснодар: 2014. № 13.
8. Матяш Т.П., Матяш Д.В., Несмеянов Е.Е. «Науки о природе» и «науки о духе»: судьба старой дилеммы // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 1 (80).
9. Несмеянов Е.Е. Соотношение религии и науки в гуманитарном знании и современном обществе (по материалам монографии К.В. Воденко И А.А. Мекушкина «Христианство и наука: история и современность» (М., 2014)) // Гуманитарий Юга России. 2015. № 1.
10. Самыгин С.И., Матецкая А.В., Эгильский Е.Э., Воденко К.В. Социология религии. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015.

11. Финько М.В. Религиозно-философская концепция русской культуры (на материале работ И.А. Ильина) / Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Ростов-на-Дону, 2004.

12. Эгильский Е.Э., Матецкая А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения. М.: КноРус, 2011.

13. Элиаде М. Ностальгия по истокам. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006,

14. Akayev V.H. Islam in modern Russia: interrelation of traditions and innovations // Научный альманах стран Причерноморья. 2015. № 3. <http://science-almanac.ru>

15. Kolosova O.Y., Goncharov V.N. Spiritual life of society: regional aspect // Научный альманах стран Причерноморья. 2015. № 4. <http://science-almanac.ru>

16. Nesmeyanov E.E., Olenich T.S., Plotnikov S.A. "Youth and Orthodox" within the context of traditional culture values formation (on the base of social research "Attitude of Rostov Region youth to Russian Orthodox Church and the believers in the context of the support of traditional culture values") // Научный альманах стран Причерноморья. 2016. № 1. <http://science-almanac.ru>

17. Yablokov I.N. Religion and ethnos// Научный альманах стран Причерноморья. 2015. № 1. <http://science-almanac.ru>

УДК 1

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Тихоненко М.А.

SOCIAL REALITY IN THE CONTEXT OF SEMANTIC COMMUNICATION

Tikhonenko M.A.

В данной статье рассматриваются концептуальные аспекты семантической коммуникации как отражение социальной реальности. В процессе семантической коммуникации существуют условия возникновения и бытия социальной реальности, что эксплицирует её в знаках языка. Анализ синтагматического уровня языка позволяет соотнести результаты исследования с той частью социальной реальности, которая обладает динамично развивающимся характером.

In the given article the conceptual aspects of semantic communication as a reflection of social reality are analyzed. There are some conditions for the appearance and existence of social reality in the process of semantic communication, that is explicated it in the language signs. Analysis of the syntagmatic level of the language makes it possible to correlate the results of research with that part of social reality that has a dynamically developing character.

Ключевые слова: социальная реальность, объективистский и субъективистский подходы, социальные изменения, концепт, неологизм.

Keywords: Social reality, objectivist and subjectivist approaches, social changes, concept, neologism.

Изучение любых проявлений отношений и взаимодействий людей в социальном пространстве, всего того, что обнаруживает себя, существует и есть в социальной действительности, различных социальных феноменов и процессов, являющихся элементами социальной реальности, обладающих всей полнотой социальных свойств и признаков, представляет собой непростой многоуровневый процесс, требующий рассмотрения многообразных методологических подходов. В настоящее время исследования социальной реальности ведутся с различных позиций, можно констатировать отсутствие единой теории, дающей истинное представление о связи социальных явлений в динамично изменяющемся мире. Это вызывает необходимость анализировать и учитывать

существующие на данный момент варьирующиеся в зависимости от научной позиции исследователя, его принадлежности к той или иной методологической школе подходы к анализу социальной реальности.

Тщательное изучение сторон данного феномена выявляет целый ряд теоретико-методологических исследовательских векторов в понимании социальной реальности. Опыт исследования конструирования социальной реальности, как известно, основывается на двух ключевых социально-философских позициях: объективистском и субъективистском подходах.

Так, например, И.Л. Пахарь пишет: «Важнейшей характеристикой субъективной стороны социальной реальности является возникающая на обыденном и теоретическом уровне картина мира. В этой картине мира представлены в произвольном сочетании религиозные, философские, научные представления, которые функционируют в обществе, волную ум и сердце людей. Эта картина мира формирует единое коммуникативное пространство общения, создавая иллюзию примата языка над всей социальной реальностью. В этом ключе работает герменевтическая парадигма видения мира» [3, с. 133].

Объективная сторона жизни общества представляет собой некоторый «опредмеченный» результат совместной жизни отдельно взятых субъектов, который не соприкасается с процессом приобретения знаний и постижения закономерностей объективного мира и волей людей. Объективная сторона общественной жизни выражена условиями природной среды, потребностями человека в пище, тепле, жилище, продолжении рода, сформировавшееся в обществе состояние материального производства, составляющего прочный фундамент для последующего развития общества, социальной структуры, политической системы общества. Это составляет объективную действительность для конкретного поколения людей. При осознании людьми этой объективной реальности ее объективность не утрачивает своего существования. Предпринимая попытку ответить на вопрос об определении области объективного в социальной реальности, Л.И. Пахарь утверждает, что «когда мы называем окружающую природу объективной реальностью, то тем самым мы хотим подчеркнуть, что она существует вне и независимо от нашего сознания. Когда мы описываем наше сознание или психику в целом, называя эти явления субъективной реальностью, то тем самым указываем на принадлежность их нашему внутреннему миру, противопоставив его внешнему по отношению к нам миру. Но объективным для нас является не только природный мир, но и общественные процессы. Так, вне и независимо от нашего сознания существуют правовые нормы, которые мы обязаны выполнять, в противном случае нас ждет наказание. Эти нормы не вещественны, как предметы внешней природы, но они столь же объективны, как и последние» [3, С. 132]. Исходя из вышесказанного, следует сделать вывод о том, что в социальной реальности присутствует объективная составная часть и далеко не все, что в ней есть, представляет собой интерсубъективную и субъективную реальность. Очевидно, что социальная реальность не предполагает одностороннего рассмотрения.

Итак, социальная реальность существует в нерушимом взаимодействии, взаимопроникновении, взаимном влиянии и взаимном обусловливании объективной и субъективной сторон жизнедеятельности индивидов. Изменчивость, с одной стороны, и стационарность, с другой, являются релевантными характеристиками социальной реальности. Это непрерывно действующий, обновляющийся за счет собственных внутренних резервов и вместе с этим воссоздающийся и восстанавливающийся вновь процесс жизнедеятельности людей через отдельные акты их действий. Социальная реальность описывает состояние социального организма, находящегося в движении и развитии, отражает перспективы его изменения, в соответствии с которыми через социальные действия индивидов, протекает жизнедеятельность человечества.

Рассматривая понятие «социальная реальность», мы говорим о том, что это явление, которое воспроизводит правдивое объективное отражение действительности, возникшей и существующей в обществе и «отпечатывающееся» в константах культуры. Общие

определения реальности поддерживаются таким социально обусловленным средством как язык, который занимает важное место в семантической коммуникации. В основе семантической коммуникации лежит система взаимосвязанных знаков и символов, согласовывающая смыслы и ценности, создающая определенный порядок и организацию в понятиях, образах, принципах и прочих смысловых построениях. Именно язык играет первостепенную роль в формировании уникальной знаковой среды, упорядочивает социальные изменения, выстраивая словарь для актуализации возможных потенциалов понимания смысла совершающихся трансформаций.

В процессе семантической коммуникации создается ситуация возникновения и бытия социальной реальности, что эксплицирует её в знаках языка. Он представляет собой мир существования изменений социального характера. Сопутствуя всем социальным процессам и проникая во все социальные области, язык должен иметь определенные коды, в которых как бы зашифровано некоторое объективное знание о социальной реальности.

Одним из таких кодов являются концепты. Авторы «Краткого словаря когнитивных терминов», подвергая анализу концепты, определили их как идеальные абстрактные единицы, смыслы, которые применяются человеком в процессах мышления, и которые несут в себе опыт, знания, содержание результатов деятельности человека и процессов познания им окружающей действительности в виде некоторых единиц, так называемых «квантов знания». При этом учитывается, что концепт содержит информацию о том, какими сведениями располагает субъект, о чем он мыслит, какие представления имеет относительно того или иного фрагмента мира. Концепты собирают многочисленные наблюдаемые, в том числе и социальные явления, в единое целое [2, С. 90].

Исследователи З.Д. Попова и И.А. Стернин дают определение концепту как «дискретному ментальному образованию, являющемуся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [4, С. 24].

Интересно и обоснованно определение, данное Степановым Ю. С., который утверждает, что концепт - это «... ступок культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек - рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [5, С. 40]. Ю. С. Степанов, называя концепт «слоистым» формированием вычленяет в нем три главных слоя: внутреннюю форму, исторический слой, актуальный и активный слой [5, С. 41]. В.И. Карасик так же говорит о сложном строении концепта и выделяет образную, понятийную и ценностную составляющие концепта.

Образная составляющая в строении концепта как единицы сознания представляет собой психофизиологическую базу концепта: «любой концепт, независимо от типа, имеет базовый слой» - «определенный чувственный образ. Этот образ представляет собой единицу универсального предметного кода (Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов), кодирующий данный концепт для мыслительных операций...» [4, С. 61]. Перцептивный и когнитивный образы, которые в равной степени отображают образные характеристики концептуализируемого предмета или какого-либо социального явления, формируют образный компонент концепта. Перцептивная форма восприятия сознанием явлений объективной действительности базируется на различных ощущениях, в то время как когнитивный образ отправляет абстрактный концепт к материальному миру [4].

Понятийная сторона концепта представляет собой экспликацию концепта в языке. Она включает наиболее существенные признаки предмета или явления - это «языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду

концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество - голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта» [1, С. 100]

Ценностная составляющая концепта определяется важностью данного образования как для индивидуума, так и для коллектива, она обуславливает выделение концепта из ряда других.

Таким образом, концепт представляет собой ментальную единицу сознания, другими словами единицу мышления и хранения информации в сознании, это квант структурированного знания, репрезентирующий культурно-национальную ментальность его носителей и кодирующий обобщенные представления о свойствах объективного мира и социальной реальности.

Культурные и языковые константы обеспечивают связь идей и смыслов социальной реальности, формирующих социальное пространство. Именно изучение констант культуры позволяет исследовать социальную реальность на уровне инвариантной части языка. Анализ социальной реальности в вариативной ее части возможен путем рассмотрения социального контекста языка, обусловленного большими переменами в условиях функционирования языка. Например, такие перемены возникли вследствие социально-политических изменений в российском обществе за последние 30 лет, и это нашло свое проявление в изменяющихся, динамических подсистемах языка. Лексическая подсистема наиболее подвержена изменениям, возникающим вследствие новых социальных условий бытования языка. Возникновение большого количества неологизмов, отражающих те или иные процессы, происходящие в социуме и ранее не имеющие место в российском обществе, подтверждает обоснованность данной идеи. Приведем несколько примеров.

Аутинг. В отличие от каминг-аута, когда человек осознанно и добровольно рассказывает о своей сексуальной ориентации или гендерной идентичности, аутинг подразумевает разглашение этой информации о другом человеке без его согласия.

Бодипозитив. Суть бодипозитивного движения укладывается в ёмкую формулу «моё тело - моё дело»: представители движения выступают за свободу от постоянно меняющихся стандартов красоты, за принятие себя и собственной внешности, против фэтфобии, или фэтшейминга (осуждения полных людей) и скинни-шейминга (осуждения худых людей). При этом представители движения не призывают полностью отказываться от работы над собственным телом — но только в том случае, если это осознанное и добровольное решение человека, и в том объёме, который покажется ему необходимым и достаточным. Как следствие, идеология бодипозитива не поддерживает болезненную озабоченность собственным телом и доведение себя до изнеможения бесконечными тренировками.

Газлайтинг (англ. gaslighting). Газлайтинг - форма психологического насилия, при которой один из партнёров пытается запутать второго, высказывает сомнения в его адекватности, искажает информацию так, что жертва насилия начинает сомневаться в своих воспоминаниях, эмоциональной стабильности и в объективности своего восприятия. Абьюзер обесценивает чувства, переживания и воспоминания жертвы («Этого не было», «Ты выдумываешь», «Ты просто слишком остро на всё реагируешь»), а также может отрицать, таким образом, другие эпизоды насилия.

Лукизм. Понятие «лукизм» возникло в 70-х годах прошлого века в рамках борьбы за права полных людей. Этим словом обозначают дискриминацию по внешности: оно описывает подсознательное доверие и расположение к людям, чья внешность соответствует нормам и стандартам, принятым в обществе. Люди склонны положительно оценивать поступки людей, которых считают красивыми, а данные исследований показывают, что красивым людям достаются лучшие должности, более высокие зарплаты и более привлекательные супруги.

Менсплейнинг. Словом «менсплейнинг», не так давно вошедшим в Oxford Dictionaries, описывают снисходительную манеру, в которой мужчина что-то объясняет женщине, которая якобы не способна понять эту информацию самостоятельно, без мужской помощи. Слово придумала журналистка и писательница Ребекка Солнит, впервые

использовавшая его в книге «Мужчины учат меня жить». Последствия менсплейнинга не стоит недооценивать: к женским голосам в политике, прессе и массовой культуре привыкли не прислушиваться; слова жертв насилия и изнасилований, увы, также часто остаются без внимания.

Объективация. Данное слово все чаще используется в русском языке - но в его написании по-прежнему часто ошибаются, по аналогии с английским языком называя явление «объективацией». Сексуальная объективация - процесс «опредмечивания» женщины, сведение всей сложности ее личности к объекту, отражающему интересы мужчин, который подчиняется чужой воле и используется для реализации мужских потребностей. Собственные желания и потребности женщины при этом во внимание не принимаются.

Позитивная дискриминация - это политика или меры, направленные на предоставление преимуществ членам групп, которые становятся жертвами дискриминации. Считается, что система, при которой представители меньшинств получают определенные привилегии (преимущества при получении образования и трудоустройстве, продвижению по службе и во многом другом), позволяет уравнивать шансы тех, кто ей подвергается. Одно из нежелательных следствий такого подхода - ущемление прав большинства в пользу меньшинств, а квалификация меньшинств уже не учитывается.

Пролайф. Представители пролайф-движения выступают против аборт, а также нередко и контрацепции. Активная борьба за репродуктивные права женщин ведется уже несколько десятилетий, но отношение общества к абортам продолжает оставаться неоднозначным. В ряде стран, например Ирландии, аборт по-прежнему запрещены, в некоторых странах оно разрешены только по медицинским показаниям, то есть если беременность угрожает здоровью матери, а представители религиозных конфессий продолжают осуждать контрацепцию и аборт. Российские законодатели нередко также придерживаются пролайферской позиции и выступают за ограничение возможности аборт, однако, пока ни одна из подобных инициатив не была принята.

«Стеклоплатформа» - термин, которым обозначают невидимый барьер, мешающий карьерному росту женщин. При этом реальные достижения и профессионализм женщин в подобных ситуациях не играют никакой роли: часто руководящие позиции, которые легко занимают мужчины, остаются недостижимыми для женщин из-за гендерных стереотипов.

Итак, язык и общественное развитие имеют тесную взаимную связь. Появление новых лексических единиц в языке происходит вследствие возникновения новых социальных процессов. Происходит объективация данных процессов в языке, являющимся неким индикатором изменений в области политики, экономики или культуры. Анализ синтагматического уровня языка позволяет соотнести результаты изучения с той частью социальной реальности, которая обладает динамично развивающимся характером.

Таким образом, исследование социальной реальности сквозь призму языка позволяет рассмотреть данный феномен с позиции синтагматической ее части, выявляя те изменчивые аспекты, которые фиксируются в языке вследствие возникновения изменений в процессе развития социума, и с позиции социальных парадигм находящих свое место в культурных константах языка, отражающих те неизменные составляющие социальной реальности, которые формируют ее инвариантную сторону.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Модельная личность как лингвокультурный концепт // Филология и культура. Материалы III международной конференции. Ч.2 - Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. - С. 98-101.
2. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. - М.: Филол. ф-т МГУ им.

М. В. Ломоносова, 1997. - 245 с.

3. Пахарь Л.И. Онтологические основания социальной реальности / Л.И. Пахарь // Булгаковские чтения. - 2010. - Т.3. - С.130-137.

4. Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание. - М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. - 408 с.

5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. - М.: Академический Проект, 2001. - 991 с.

УДК 1

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ФЕНОМЕН КОНФЛИКТА

Ярычев Н.У.

EVOLUTION OF PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL VIEWS OF THE CONFLICT PHENOMENON

Yarychev N.U.

В настоящей работе рассмотрены теоретико-методологические подходы к эволюции взглядов на феномен конфликта. Делается акцент на его социокультурную природу, причины и следствие. Конструкция статьи построена на основе классических философских методов, раскрывающих сущностное содержание тех или иных социальных процессов, в данном случае – конфликта, как проявления принципа и затормаживающего, и способствующего развитию общественных отношений.

In the real work teoretiko-methodological approaches to evolution of views of a conflict phenomenon are considered. The emphasis on his sociocultural nature, the reasons and the investigation is placed. The design of article is constructed on the basis of the classical philosophical methods which are disclosing the intrinsic content of these or those social processes, in this case – the conflict as manifestations of the principle both the public relations which are slowing down, and promoting development.

Ключевые слова: эволюция, конфликт, социокультурная реальность, противоречие, ценность.

Keywords: evolution, conflict, sociocultural reality, contradiction, value.

История человечества изначально формировалась на основе взаимодействия людей в системе конкретных общественных образований и различных социокультурных формаций. Как правило, это развитие сопровождалось локальными и глобальными проявлениями различных столкновений и противоречий в итоге выразившихся в определенной конфликтной опосредованности. Таким образом, начала оформляться социально-философские составляющие природы конфликта, которая в настоящее время не обрела своей индивидуальной однозначности. Сегодня многие исследователи в поисках системного изучения природы конфликта, более целостного обоснования отдельных его проявлений.

Основная задача нашего исследования – выявить теоретико-методологические подходы к изучению сущности и природы конфликта в системе исторических социально-философских воззрений, а также отразить его наиболее характерные черты и особенности как социокультурного явления. История свидетельствует, что эволюция сообществ сопровождается возникновением, развитием и разрешением конфликтов. Как следствие, противоречия в природе, обществе и мышлении, столкновение противоположных желаний и мотивов в человеческой душе, борьба между людьми, общественными классами, государствами – все это было и остается источниками конфликтов и предметом размышления широкого круга мыслителей.

Понятие «конфликт» происходит от латинского слова *conflictus*, означающего столкновение различных сторон, мнений и сил, как следствие, порожаемое несопоставимостью каких-либо основополагающих элементов в системе конкретных отношений. Мы исходим из следующего авторского определения данного понятия

конфликт – это многоуровневое и многомерное социально-психологическое явление, которое определяется самой природой общественной жизни и непосредственным образом выражает те или иные аспекты социального бытия, роль и место человека в нем.

Социальные противоречия как специфически сложившееся явление становится реальностью глобальной системы функционирования современного цивилизованного мира. Некоторые авторы отмечают особенности конкретного проявления конфликта в условиях социально-экономической трансформации общества при очевидной правовой пассивности. Неоднозначность трансформационного периода, являющаяся источником многих проблем порождает противоречия в любом обществе, еще не успевшего достаточно четко адаптироваться к новым условиям развития.

Конфликт как существенная сторона социальных связей, взаимодействий и отношений людей, их повседневного поведения с незапамятных времен притягивал к себе острое внимание человека. Свидетельство тому – мифология и религия разных народов и этносов, фольклор и памятники древней литературы, суждения античных мыслителей и т.д. К таким примерам смело можно отнести сюжеты из поэтических рассказов мифологии Древней Греции (Яблоко раздора, Суд Париса и т.д.), которые всецело отображают систему противоречий древнего мифологизированного мира, пронизанного мистическим символизмом.

Не менее содержательным является и библейское придание о противоречии между Каином и Авелем сыновьями первочеловека – Адама, которое кончилось убийством Авеля.

С древнейших времен люди пытаются решать возникающие противоречия и мечтали о бесконфликтном развитии общества. Издавна была выявлена связь объяснения конфликтов с пониманием сущности самого человека и общества в целом. «На протяжении веков, – как утверждает Д.М. Фельдман, – люди искали, и продолжают искать объяснение причин и природы конфликтов в своей и чужой гордыне, жадности, ненависти или, наоборот, в любви, щедрости, справедливости и т.д.» [14, С. 14].

Попытки объяснить особенности и природу конфликта были задолго до его современного научного обоснования, при этом акцент делался на социальную масштабность и отсутствие системы его теоретического обоснования.

Древнекитайский философ Лао-цзы видел высшее благо в соблюдении спокойствия. Главные источники мира Янь (светлое) и Инь (темное) не столько борются между собой, сколько дополняют и гармонизируют друг друга, образуя гармонию (всецелого) Единого [10].

Среди древних, как и среди современных философов, не было полного единства в понимании роли противоречий, борьбы и конфликтов.

Еще в Древней Греции возникает философское учение о противоположностях как об источнике единого материального начала. Так, Анаксимандр утверждал, что все в мире возникает из постоянного и непрерывного процесса противоположностей.

Одни из ранних попыток рационального осмысления природы противоречий в общем контексте мироздания были предприняты известным античным философ-диалектиком Гераклитом Эфесским. Он был одним из первых философов, указавшим на борьбу противоположных сил как на всеобщий закон, действующий в природе и обществе. Он утверждал, что и люди, и боги – весь космос – существует в противоречиях. А причины столкновений Гераклит видел в противоречивости сущности самого мира – наличии вражды и согласия. Войне он отводил роль отца, а миру роль матери. Для него все было подвержено вечному круговороту и взаимопревращению, в том числе и нормы человеческого общения – в мире все рождается через вражду и распри.

Отец исторической науки Геродот видел крайность конфликтов в отрицании различными элементами друг друга, итогом чего является война, по его мнению, обладающая безрассудством, поскольку во время мира дети хоронят отцов, а во время войны отцы – детей.

Войну как социальную крайность рассматривал и древнегреческий философ Платон. В его учениях получила развитие идея социальной дифференциации как причина всех противоречий. Платон разработал трехуровневую иерархию людей и их добродетелей в государстве. Согласно данной иерархии, самой главной добродетелью мудрости обладают правители, управляющие государством и предписывающие определенные законы. Добродетель мужества присуща воинам и чиновникам, охраняющим всесторонние интересы государства. Самая низшая добродетель покорности и самообладания присуща крестьянам и ремесленникам, по средствам труда которых обеспечивается всеобщее материальное благополучие всего общества. Платон считал, что рабы не обладают добродетелью и потому не имеют право участвовать в политической жизни общества [12].

Древнегреческий философ-материалист Эпикур считал, что все бедствия и другие негативные последствия войн и столкновений вынудят людей прибегнуть к мирному сосуществованию. Этим самым все надежды на устранение противоречий и противоборств и создание бесконфликтного существования подкрепились первыми теоретическими рассуждениями.

Один из великих древнегреческих философов и мыслителей Аристотель в своем известном трактате «Политика» рассматривал государство как организационную форму поддержания сотрудничества и преодоления противоречий между людьми. Он считал естественным деление людей на рабов и господ и как следствие вытекающие отсюда противоречия. Аристотель отмечал, что конфликты возникают там, где государство нарушает общие принципы распределения благ. Он одним из первых обратил внимание на психологические основания противоречий в обществе. Аристотель полагал, что причиной распрей бывает страх, наглость, превосходство, призрение, пренебрежительное отношение, мелкие унижения, несходство характеров и т.д. [1].

Мыслители-материалисты древности видели в конфликтах универсальное явление, присущее окружающей природе. Христианские философы-идеалисты в свою очередь в конфликтах видели замысел, высшую волю Бога.

Христианская философия очень широко представлена в Ветхом и Новом Заветах Библии. Ее гуманистические постулаты очень важны для современного научного направления, изучающего противоречия – конфликтологию, так как в них есть реальное видение бесконфликтного сосуществования человечества. В священном писании говорится: «И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» [5, С. 7].

Исламская культура, подобно христианству, выражает свое отношение к конфликтам и насилию достаточно противоречиво. В исламе все подчинено воле единого бога – Аллаха. Для мусульман мир делится на «дар аль-ислам» – обитель ислама и «дар аль-харб» – обитель неверных. Ислам также исходит из того, что мусульмане обязаны смягчать столкновения между единоверцами, тем самым, выступая за ненасилие, мирную жизнь и полную социальную гармонию [3, С. 63].

Понимание конфликтов в Новое время отличалось неоднозначностью и насыщенностью событий данного периода. Одним из тех, кто уделял серьезное внимание проблеме конфликта, был Николо Макиавелли, делавший акцент не на самой структуре общества, а на поведение его политического лидера. В своем произведении «Государь», опубликованном в 1513 году он подчеркивает, что у власти против внутренних конфликтов есть надежнейшее средство – «не быть ненавистным народу».

Эразм Роттердамский обращал внимание на сложность примирения противостоящих в конфликте сторон даже в том случае, если они стоят на сходных духовных позициях. «Наибольшим абсурдом, – отмечал он, – является то, что Христос в обоих враждебных лагерях, как будто сам с собой ведет войну» [16, С. 289]. Таким образом, в новое время сформировалось два подхода к пониманию природы социального конфликта, которые можно обозначить как оптимистический и пессимистический.

Оптимистический подход выразил французский писатель и философ Жан Жак

Руссо, считавший людей добрыми и миролюбивыми. Источники конфликтов он видел в недостатках организации человеческого бытия, в приверженности к частной собственности. Важнейшим механизмом гармонизации социальных отношений он видел в демократическом государстве, устроенном на принципах ненасилия и гуманизма, идеализируя «естественное состояние» человечества. Всемирно исторический процесс у него как бы распадается на три составных момента: вначале существует «естественное состояние», когда люди свободны и равны, затем развитие цивилизации приводит к утрате людьми состояния равенства, свободы и счастья, и, наконец, заключив «общественный договор», люди вновь обретут утраченную гармонию общественных отношений, «вечный мир», согласие и единство [15, С. 132].

Пессимистический подход наиболее ярко выражен в работе английского философа и социального мыслителя Томаса Гоббса «Левиафан». Гоббс считал, что естественное состояние общества – это «войны всех против всех». Объяснял этот тезис тем, что люди рождаются с равными способностями, правами и притязаниями. Негативно оценивая природу человека как существа эгоистического и завистливого, философ подчеркивал, что на пути к достижению целей люди стараются погубить или покорить друг друга. Гоббс выделяет три основные причины конфликта: соперничество, недоверие и жажда славы, являющиеся предпосылками самоуничтожения людей и общества в целом [13].

Великий французский просветитель-гуманист Иммануил Кант полагал, что «состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние... последнее, наоборот, есть состояние войны, т.е. если и не бесправные враждебные действия, то постоянная их угроза. Следовательно, состояние мира должно быть установлено» [9, С. 226].

Шотландский философ и экономист Адам Смит, впервые в работе «Исследования о природе и причинах богатства народов» исследовал конфликт как многоуровневое социальное явление. В основе самого конфликта в первую очередь он видел деление общества на классы и экономическое соперничество. Противоборство между классами Смит рассматривал как благо, являющееся источником поступательного развития общества [4].

Первую социологическую трактовку социальных конфликтов предложил французский философ и социолог Огюст Конт, выделивший социологию как науку и давший ей название. Во главу всех наук Конт ставил социологию в качестве научного знания, призванного решать все социальные проблемы общества. Центральное место в его учении отводилось достижению консенсуса в ситуации конфликта. Политический и моральный кризис общества он видел в несовершенстве и анархии мысли. Революцию Конт считал инструментом решения конфликтов. Он различал два вида обществ – неблагоприятное в плане конфликтов (военные) и гармоничное (промышленные), способные смягчить, а в перспективе вовсе изжить противоречия [11].

Немецкий философ Георг Гегель, считал, что противоречия есть основание любого движения и жизнедеятельности. Он был сторонником жесткой государственной власти, но категорически был против смут и беспорядков внутри страны. Он также показал, что процесс раздвоения единого на противоположности предстает как сущностный источник развития. Продолжая мысль, он говорит о том, что «Противоречие же есть, – корень всякого движения и жизни, лишь, поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельность» [6, С. 65].

Проблема борьбы за существование занимала центральное место в учении английского биолога Чарльза Дарвина. Основное содержание его теории биологической эволюции изложено в труде «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь», изданном в 1859 году. Главная его идея сформулирована в самом названии работы – развитие живой природы осуществляется в условиях постоянной борьбы за выживание, что и составляет естественный механизм отбора наиболее приспособленных видов.

Аналогичную, основанную на принципе борьбы за существование, но уже чисто социологическую концепцию разрабатывал Герберт Спенсер, который считал принцип выживания наиболее приспособленных индивидов основным законом общества. В соответствии с этой концепцией состояние противоборства универсально, поскольку обеспечивает равновесие не только в рамках отдельного общества, но также между обществом и природой. Закон конфликта, таким образом, выступает у него всеобщим и основополагающим законом. Вместе с тем в концепции Спенсера определены приделы развития общества.

На смену представлениям о конфликте в новое время пришла концепция социального конфликта Карла Маркса, которая считается одной из фундаментальных в научном мире. Маркса считают основателем теории социального конфликта, который очень широко представлен в его теории классовой борьбы. В основу классовой борьбы Маркс поставил антагонистические противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми, возникающее из противоположностей их экономического и политического положения в обществе. Высшим проявлением классовой борьбы по Марксу, является социальная революция. Самой глубинной причиной социальных революций он считал конфликт между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями, выражающийся в господстве, богатстве, образованности эксплуататоров и отсутствии прав, материальных, культурных, иных возможностей угнетенных.

Так же можно отметить, что всякий социальный конфликт, вовлекающий в свою орбиту интересы значительных слоев общества, рассматривается в марксизме преимущественно с точки зрения его политического значения, что существенно ограничивало его рассмотрение со стороны других общественно-значимых наук.

Представители школы человеческих отношений понимали конфликт как последствия неэффективности управленческой деятельности.

Одним из аналитических признан подход австро-польского социального дарвиниста и юриста Людвиг Гумпловича, считавшего, что всемирная история – это постоянная борьба рас за существование, тем самым, выводя сущность расовых различий не из биологии, а из особенностей культуры. Гумплович считал, что источники конфликта надо искать не только в природе человека, но и в социальных феноменах различных по своему типу культур. Выходит, что конфликт может окрашиваться в разные краски, соответствуя особым потребностям конкретных культурных форм социального окружения. Как полагает Гумплович, конфликты не есть единственный важный процесс. Не менее значим и процесс социального единения, на фундаменте которого рождаются более расширенные социальные общности.

Георг Зиммель в своей работе «Конфликт современной культуры» прослеживал устойчивую форму, как власть, рынок и общественный договор. Конфликт по Зиммелю является средством обновления всей культуры, он также утверждал, что возможна и интеграция конфликта в процессе сотрудничества различных структур. Он первым ввел в современную науку понятие «социология конфликта».

Эмиль Дюркгейм конфликты соотносил с нарушением механизмов взаимодействия системы «общество – личность». По его мнению, ослабление и нарушение взаимодействия отдельной личности с обществом или социальной группой, в силу утраты им социальной комплексности выделяя свои индивидуально-специфические черты, является одной из главных причин утраты социальной нормы и источником конфликтной «бесконечности».

Авторитетный в современном научном мире немецкий социолог, один из разработчиков «конфликтной модели», автор «конфликтной модели общества» Ральф Дарендорф, считает, что «каждое общество в каждой своей точке изменчиво и конфликтно. Конфликт господствует в отношениях между всеми членами общества, вызывая изменения, как в отдельных его компонентах, так и в обществе в целом» [7, С. 78]. Он подчеркивает, что «не отношения собственности, а отношения господства и подчинения присущими якобы любому обществу, неизбежно вызывающему конфликт» [7, С. 91]. В

своих основных научных трудах Р. Дарендорф рассматривал конфликт как главную категорию социологической науки. Присутствие конфликта Дарендорф считает нормальным состоянием и функционированием общества, а его отсутствие как некое отклонение от социально заданной нормы. Одной из главных научных разработок Дарендорфа является социологическая концепция конфликта, которая была им названа «теорией конфликта». Суть данной теории заключалась в том, что общество является системой конфликтующих групп, главной причиной конфликтности являются отношения в системе власти, превосходство одних над другими. Как считает Дарендорф, конфликты в любом обществе неизбежны, им присущ универсальный характер, у них есть свойство «вечности», по «теории конфликта» ценностно-ориентированным является утверждение о том, что существует урегулирование, а не разрушение конфликта. Дарендорф указывал на то, что невозможно устранить конфликты даже при самых универсальных формах существования общества и самой идеальной государственной политике. Он объясняет это тем, что в природу общественных отношений изначально заложено социальное неравенство, что достаточно объективно отражает его теория [7].

Современное развитие общества также сопровождается развитием противоречий и конфликтов, и это толкает общество к поиску наиболее приемлемых вариантов их разрешения. «Жизнь общества, – отмечает Д.М. Фельдман, – складывается не просто «из всего и понемногу», в ней есть принципиально неустранимые виды и типы взаимодействия. Одним из них является конфликт...» [14, С. 19], структура и специфические особенности которого толкают современный научный мир к его исследованию с целью объяснения его природы.

По мнению А.А. Дмитриева «развитие любого общества представляет собой сложный процесс, который совершается на основе зарождения, развертывания, и разрешения объективных противоречий» [8, С. 53].

Природа и сущность конфликтов не определяется с помощью какого-либо одного теоретико-методологического подхода, они требуют учета всех особенностей своего феноменального явления. История философии не дала определенного понимания природы противоречий, которые позволили бы выявить механизмы их формирования и развития для целостного понимания их структуры и развития.

Сегодня мы можем только констатировать, что конфликт является частью общественной жизни, неким механизмом ее развития. Содержание конфликта заложено в природе человеческих отношений, которое не всегда поддается целостно-ориентированному объяснению.

В современном мире конфликт оформился как определенный процесс выражения несогласия с окружающей социальной действительностью. Думается, что природа конфликта будет изменяться в отдельных своих проявлениях, чему будет способствовать дальнейшее общественное развитие, предполагающее универсальные формы выражения своих исторических, социокультурных и нравственных потенциальных возможностей.

В целом, мы можем утверждать, что природа конфликта обусловлена различными факторами, характеризующими социально-экономическую сферу общественных отношений, которая во многом подвергается различным коллизиям, и это в свою очередь является базовой платформой для зарождения противоречий и конфликтов.

Проблема исследования сущности и природы конфликта как никогда актуальна для современного глобализующегося общества, в котором все чаще можно наблюдать такие острые социокультурные процессы, как несовместимость определенных культурных форм, нарастание социокультурных изменений, несправедливость, насилие, укоренившаяся социальная дискриминация, различные военные столкновения и конфликты, манипуляция общественным сознанием и т.д. Все это должно послужить содержательной почвой для дальнейших научно-исследовательских разработок в системе различных общественных наук, в частности такого социально-гуманитарного направления как конфликтология.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 1 / Ред. В.Ф. Асмус. – М.: Мусль, 1976. – 550 с.
2. Аванесова Н. Г. Государственно-правовое регулирование этноконфессиональных конфликтов в современной России. – Ставрополь, 2004. – 189 с.
3. Аль-Кардауи И. Ислам: дозволенное и запретное / Пер. с арабского З. Арухова, Р. Гаджиева. – Алматы, 1994. – 302 с.
4. Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Издательство «Эксмо», 2015. – 1056 с.
5. Библия (канонический синодальный перевод). Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета / В русском переводе. – USA, 1990. – Гл. 7. – 780 с.
6. Гегель Г.В. Наука логики. Т. 2. – М., 1971. – 280 с.
7. Дарендорф Р. Конфликтная модель общества. – М.: Открытое общество, 2001. – 78.
8. Дмитриев А. В. Конфликтология. – М.: Гардарики, 2003. – 312 с.
9. Кант Иммануил. Собран. Сочинений в шести томах. – Т. 6. – М., 1996. – 290 с.
10. Лукьянов А. Е. Первый философ Китая: Фрагменты философской автобиографии Лао цзы. // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. – 1989. – № 5. – С. 43.
11. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении) / Перевод с французского И. А. Шапиро. — Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 256 с. – (Выдающиеся мыслители).
12. Платон Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 752 с.
13. Томас Гоббс. Сочинения в 2-х томах. – Т 2. – М.: Мысль, 1989. – 622 с. Серия «Философское наследие».
14. Фельдман Д.М. Политология конфликта. – М., 1998. – 288 с.
15. Жан Жак Руссо. Трактаты. – М.: Издательство: «Наука», 1969. – 710 с.
16. Эразм Роттердамский. Философские произведения. / Отв. ред. В.В. Соколов. – М.: Изд-во «Наука», 1986. – 292 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВ МАКСИМ АЛЕКСЕЕВИЧ – кандидат социологических наук, частное образовательное учреждение высшего образования «Ессентукский институт управления, бизнеса и права»

Адрес: 357600, г. Ессентуки, ул. Ермолова, 2

АВЕРКИНА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА – кандидат культурологии, Ставропольский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации

Адрес: 355000, г. Ставрополь, проспект Кулакова, 43

АЙРАПЕТОВ АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ – соискатель, частное образовательное учреждение высшего образования «Ессентукский институт управления, бизнеса и права»

Адрес: 357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Ермолова, 2

БЕЛОУС ОЛЬГА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат психологических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159

БОЖЕНСКАЯ ИРИНА СЕРГЕЕВНА – аспирант, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный педагогический институт»

Адрес: 362003, г. Владикавказ, ул. Карла Маркса, 36

БОРОВИК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА – кандидат юридических наук, начальник отдела организации дознания УТ МВД России по ЦФО

Адрес: 107140, г. Москва, ул. Леснорядская, 11/13

ВОРОБЬЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – кандидат политических наук, Гуманитарный институт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

ГЛУШКО АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ – кандидат фармацевтических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, 11

ГЛУШКО МАРГАРИТА ПЕТРОВНА – кандидат фармацевтических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, 11

ДАЙРОНАС ЖАННА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат фармацевтических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, 11

ЗЕМБАТОВА ЛАРИСА ТАМЕРЛАНОВНА – доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Адрес: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

КИБИЗОВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА – аспирант, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный педагогический институт»

Адрес: 362003, г. Владикавказ, ул. Карла Маркса, 36

КОЗАЕВА ГУЛЬНАРА РОЛЛАНДОВНА – аспирант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Адрес: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

КОКАЕВА ИРИНА ЮРЬЕВНА – доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Адрес: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

КОНОВАЛОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – доктор фармацевтических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, 11

ЛЕОНОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат исторических наук, государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт»

Адрес: 355029, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417а

МАТОСЯН МАРИАННА ГРАЧЬЕВНА – аспирант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159

МОРОЗОВА ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА – кандидат педагогических наук, государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт»

Адрес: 355029, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 а

МУСТАФАЕВ МУСТАФА БАММАТОВИЧ – доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный педагогический университет»

Адрес: 367003, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57

МУСТАФАЕВ ФАРИД МУСТАФАЕВИЧ – кандидат философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный педагогический университет»

Адрес: 367003, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57

МУСТАФАЕВА МАИДА ГАНИФАЕВНА – доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный педагогический университет»

Адрес: 367003, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57

НИКИТИНА АНГЕЛИНА СЕРГЕЕВНА – кандидат фармацевтических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, 11

ПОПОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА – кандидат философских наук, Гуманитарный институт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

СИДАМОНТИ ЭЛЬЗА ТАТРИЕВНА – аспирант, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный педагогический институт»

Адрес: 362003, г. Владикавказ, ул. Карла Маркса, 36

СИРЯК СВЕТЛАНА ИВАНОВНА – преподаватель, Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова» в г. Новороссийске

Адрес: 353900 г. Новороссийск, ул. Мысхакское шоссе, 75

СПИРИНА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА - кандидат педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159

СПИРИНА МАРИЯ ЛЕОНИДОВНА – кандидат педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159

СЫПАЧЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – заместитель руководителя военного следственного управления по Центральному военному округу г. Екатеринбург

Адрес: 620137, г. Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 5

ТАЛХИГОВА ХАЛИМАТ САЛАВДИЕВНА – кандидат педагогических наук, федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет»

Адрес: 364907, Чеченская Республика, г. Грозный, бульвар Дудаева, 17

ТАХОХОВ БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Адрес: 362025. г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

ТИХОНЕНКО МАРИНА АЛЕКСЕЕВНА – преподаватель, Ставропольский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации

Адрес: 355000, г. Ставрополь, проспект Кулакова, 43

ХАБЛИЕВА СВЕТЛАНА РУСЛАНОВНА – старший преподаватель, государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Северо-Осетинский республиканский институт повышения квалификации работников образования»

Адрес: 362040, г. Владикавказ, пер.Петровский, 9

ШУМАКОВА АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт»

Адрес: 355029, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417^a

ЯРЫЧЕВ НАСРУДИ УВАЙСОВИЧ – доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет»

Адрес: 364907, г. Грозный, ул. Шерипова, 32

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ABRAMOV MAKSIM ALEKSEEVICH – Candidate of Sociological Sciences, Private educational institution of higher education «Essentuki Institute of Management, Business and Law»

Address: 2, Yermolova Str., Essentuki, 357600

AVERKINA JULIA SERGEYEVNA - candidate of cultural studies, Stavropol branch of the federal state treasury Institution of Higher Professional Education "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

Address: 43, Kulakova Ave., Stavropol, 355000

AYAPETHOV ALEXANDER VITALEVICH - applicant, Private educational institution of higher education «Essentuki Institute of Management, Business and Law»

Address: 2, Yermolova Str., Essentuki, 357600

BELOUS OLGA VALERIEVNA - Candidate of Psychological Sciences, Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Armavir State Pedagogical University»

Address: 159, Rosa Luxemburg Str., Armavir, 352900

BOROVIK OLGA VICTOROVNA – Candidate of Juridical Sciences, head of the organization department of investigation MOI of Russia for the Central Federal District

Address: 11/13, Lesnoryadskaya Str., Moscow, 107140

BOZHENSKAYA IRINA SERGEYEVNA - graduate student, State budget educational institution of higher education «North Ossetian State Pedagogical Institute»

Address: 36, Karla Marxa Str., Vladikavkaz, 362003

DAYRONAS ZHANNA VLADIMIROVNA - Candidate of Pharmaceutical Sciences, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute - a branch of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Volgograd State Medical University" Ministry of Health of the Russian Federation "

Address: 11, Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357532

GLUSHKO ALEXANDER ALEKSEEVICH – Candidate of Pharmaceutical Sciences, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute - a branch of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Volgograd State Medical University" Ministry of Health of the Russian Federation "

Address: 11, Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357532

GLUSHKO MARGARITA PETROVNA – Candidate of Pharmaceutical Sciences, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute - a branch of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Volgograd State Medical University" Ministry of Health of the Russian Federation "

Address: 11, Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357532

HABLYEVA SVETLANA RUSLANOVNA - senior lecturer, state budget educational institution of additional professional education «North Ossetian Republican Institute for Advanced Training of Educators»

Address: 9, Petrozavodskii Str., Vladikavkaz, 362040

KIBIZOVA ELENA KONSTANTINOVNA – graduate student, State budget educational institution of higher education «North Ossetian State Pedagogical Institute»

Address: 36, Karla Marxa Str., Vladikavkaz, 362003

KOKAEVA IRINA YURIEVNA – Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Khetagurov North Ossetian State University»

Address: 46, Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025

KONOVALOV DMITRY ALEKSEEVICH - Doctor of Pharmaceutical Sciences, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute - a branch of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Volgograd State Medical University" Ministry of Health of the Russian Federation "

Address: 11, Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357532

KOZAEVA GULNARA ROLLANDOVNA – postgraduate, Federal State – Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Khetagurov North Ossetian State University»

Address: 46, Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025

LEONOVA NATALYA ALEKSANDROVNA - Candidate of Historical Sciences, State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Stavropol State Pedagogical Institute»

Address: 417 a, Lenina Str., Stavropol, 355029

MATOSYAN MARIANNA GRACHYEVNA - postgraduate, Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Armavir State Pedagogical University»

Address: 159, Rosa Luxemburg Str., Armavir, 352900

MOROZOVA TATIANA PETROVNA - Candidate of Pedagogical Sciences, State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Stavropol State Pedagogical Institute»

Address: 417 a, Lenina Str., Stavropol, 355029

MUSTAFA BAMMATOVICH MUSTAFAHEV - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Dagestan State Pedagogical University»

Address: 57, Yaragskogo Str., Makhachkala, 367003

MUSTAFAEVA MAIDA HANIFAEVNA – Doctor of Philosophical Sciences, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Dagestan State Pedagogical University»

Address: 57, Yaragskogo Str., Makhachkala, 367003

MUSTAFAYEV FARID MUSTAFAEVICH – Candidate of Philosophical Sciences, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Dagestan State Pedagogical University»

Address: 57, Yaragskogo Str., Makhachkala, 367003

NIKITINA ANGELINA SERGEYEVNA – Candidate of Pharmaceutical Sciences, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute - a branch of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Volgograd State Medical University" Ministry of Health of the Russian Federation "

Address: 11, Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357532

POPOVA NATALYA ALEKSEEVNA - Candidate of Philosophical Sciences, Institute of Humanities of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Address: 1, Pushkin Str., Stavropol, 355009

SHUMAKOVA ALEKSANDRA VIKTOROVNA - Doctor of Pedagogical Sciences, State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Stavropol State Pedagogical Institute»

Address: 417 a, Lenina Str., Stavropol, 355029

SIDAMONTY ELZA TATRIEVNA – postgraduate, State budget educational institution of higher education «North Ossetian State Pedagogical Institute»

Address: 36, Karla Marxa Str., Vladikavkaz, 362003

SIRYAK SVETLANA IVANOVNA - lecturer, Branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Belgorod State Technological University named after Shukhov» in Novorossiysk

Address: 75, Myskhakskoe highway Str., Novorossiysk, 353900

SPIRINA MARIA LEONIDOVNA - Candidate of Pedagogical Sciences, Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Armavir State Pedagogical University»

Address: 159, Rosa Luxemburg Str., Armavir, 352900

SPIRINA OLGA NIKOLAEVNA – Candidate of Pedagogical Sciences, Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Armavir State Pedagogical University»

Address: 159, Rosa Luxemburg Str., Armavir, 352900

SYPACHEV SERGEY VLADIMIROVICH – deputy head of the military investigation Department for the Central military district Ekaterinburg

Address: 5, Danily Zvereva Str., Ekaterinburg, 620137

TAHOHOV BORIS ALEKSANDROVICH – Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State – Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Khetagurov North Ossetian State University»

Address: 46, Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025

TIKHONENKO MARINA ALEKSEEVNA- lecturer, Stavropol branch of the federal state treasury Institution of Higher Professional Education "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

Address: 43, Kulakova Ave., Stavropol, 355000

VOROBYEV SERGEY MIKHAILOVICH – candidate of political sciences, Institute of Humanities of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Address: 1, Pushkin Str., Stavropol, 355009

YARYCHEV NASRUDI UVAISOVICH – Doctor of Pedagogic Sciences, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Chechen State University"

Address: 32, Str., Sheripov, Grozny, 364907

ZEMBATOVA LARISA TAMERLANOVNA – Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Khetagurov North Ossetian State University»

Address: 46, Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКУЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

I. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Все статьи проходят проверку на плагиат. Статьи и иные материалы представляются в редакцию по электронной почте redsov@mail.ru.

1.2. Статья рецензируется в порядке, определенном в Положении о рецензировании (см. сайт www.cegr.ru).

II. Комплектность и форма представления авторских материалов

2.1. Обязательными элементами публикации являются следующие: индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (правила индексирования см.: www.teacode.com. название статьи (на русском и английском языках); фамилия и инициалы автора (соавторов); аннотация (на русском и английском языках); ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; примечания и библиографические ссылки (литература);

2.2. Правила оформления текста следующие: авторские материалы должны быть подготовлены с установками размера бумаги А4 (210x297мм), с полуторным междустрочным интервалом; цвет шрифта – черный, размер шрифта – 14 кегль, TimesRoman. Размеры полей: правое – 25 мм, левое – 25 мм, верхнее – 25 мм, нижнее – 25 мм. Подчеркивание в тексте нежелательно. Все текстовые авторские материалы принимаются в форматах doc и rtf. Исправления и дополнения, внесенные без ведома редакции, учитываться не будут. Страницы публикации не нумеруются, колонтитулы не создаются.

2.3. Рисунки. Чертежи. Графики. Иллюстрации должны иметь наименования; на них должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснительные данные располагают непосредственно под рисунком, их следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется. Текстовое оформление иллюстраций в электронных документах: шрифт TimesNewRoman, 9 кегль, прямое начертание. Чертежи, графики, диаграммы, схемы, иллюстрации, помещаемые в публикации, должны соответствовать требованиям государственных стандартов Единой системы конструкторской документации (ЕСКД). Все иллюстрации должны быть представлены отдельными файлами электронных документов. Все объекты, включая формулы, должны быть созданы помощью соответствующих интегрированных редакторов MS OFFICE и сгруппированы.

2.4. Таблицы. Таблицы должны иметь наименование и ссылки в тексте. Наименование должно отражать их содержание, быть кратким, размещенным над таблицей. Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт TimesNewRoman, 9 кегль, начертание прямое. Таблицы не требуется представлять в отдельных документах.

2.5. Примечания, ссылки и библиографическое описание источников (список

использованной литературы). Совокупность затекстовых библиографических ссылок (список использованной литературы) оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа. Нумерация сквозная по всему тексту. Для связи с текстом документа порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке набирают в квадратных скобках в строку с текстом документа, например, [7]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки, например, [7, С.15]. Библиографических ссылки (ЛИТЕРАТУРА) оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008.

2.6. Текст статьи предоставляется в электронном виде в отдельном файле в формате doc. или rtf. Название файла – фамилия первого автора + «статья». Например: «Петров, статья. rtf ». Файлы иллюстраций и диаграмм предоставляются в электронном виде: в одном файле – одна иллюстрация или диаграмма в формате jpg., tif. (для полутоновых изображений) или ai, cdr, eps (для векторных изображений). Название файла – фамилия первого автора + «рис N», строго в порядке следования в статье. Например: «Петров, рис. 1.jpg», «Петров, рис. 2.eps».

Рецензию или отзыв научного руководителя (консультанта), заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза, следует отсканировать с разрешением 100 dpi (полноцветное изображение), сохранить в отдельный файл в формате jpg. или pdf. Название файла – фамилия первого автора + «рец». Например: «Петров, рец.jpg».

КОНТАКТЫ С РЕДАКЦИЕЙ

На всех стадиях работы с рукописями и для общения с авторами, редакцией и рецензентами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса. Электронный адрес: **redsov@mail.ru**

Научно-теоретический журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов» № 3 2017 г.

Учредитель: «Научно-исследовательский центр социально-гуманитарных проблем Кавказского региона». Адрес учредителя: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, д.109. Подписано в печать 29.06.2017 г. Формат 340x245. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз. Отпечатано с готового оригинал-макета, представленного авторами, в типографии ЗАО «Центр Универсальной Типографии». Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, оф. 201.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.